

a+c

а+с 3-4 '2016

Журнал издается под эгидой
Национального союза архитекторов Украины

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ А+С

Владимир ГУСАКОВ,
Игорь БОГДАНОВ,
Сергей ПРОТОПОПОВ,
Андрей ПУЧКОВ,
Виктор РОМАНЧИКОВ,
Валерий УРЕНЬВ,
Рак НЕБОРАК,
Сергей ЦАРЕНКО,
Богдан ЧЕРКЕС,
Александр ЧИЖЕВСКИЙ,
Юрий ШКОДОВСКИЙ,
Валентин ШТОЛЬКО

РЕДАКЦИЯ

Украина
01001 Киев, ул. Бориса Гринченко 7
www.nsau.org

главный редактор

Борис ЕРОФАЛОВ
boris.erofalov@gmail.com

выпускающий редактор

Елена НЕНАШЕВА
nsau-pressa@ukr.net

художественный редактор

Андрей ШАЛЫГИН
shalugin@i.ua

реклама и маркетинг

Александр БАРАНОВСКИЙ
alex.baranowski@ukr.net

Издание зарегистрировано в Минис-
терстве по делам прессы и информа-
ции Украины, свидетельство: серия КВ
№ 8276 от 25.12.2003

© Журнал а+с 3-4 '2016.

Все права защищены. Слава Господу!

На обложке:

Бизнес-центр «Лукьяновский» ("Топаз")
в Киеве, архит. Вагим Жежерин
2005–2008 (фото Дм. Кобеца)

КОНЦЕПЦИЯ

2 Борис ЕРОФАЛОВ. В стране контрабандистов и хлеборобов

ART / АРХИТЕКТОР ВАДИМ ЖЕЖЕРИН

- 8 Елена ЖИЛЬНИКОВА. Архитектурный фестиваль в Баку
10 Итоги конкурса Эко-Берег '2016
26 Борис ЕРОФАЛОВ. Мануэль и Заха (Город и запах)
40 Архитектору Вгиму Жежерину — 70!
42 Вагим ЖЕЖЕРИН, Елена НЕНАШЕВА. Их было не так много...
74 Борис ЕРОФАЛОВ. Людмила Шарина
76 Людмила ШАРИНОВА, Елена НЕНАШЕВА. Город оттаявших слов

CONSTRUCTION / АРХИТЕКТОР ВАДИМ ЖЕЖЕРИН

- 4 Пётр МАРКМАН. Не гадим Ангреевскому спуску
5 Олег ДРОЗДОВ. Реновация «Театра на Подоле»
80 Андрей МОРОЗ. Ландшафт и усадьба
94 Борис ЕРОФАЛОВ. Хуст: Один протестантский памятник
104 Игорь БРОДИ, Романа ФИАЛОВА, Андрей ХАРХАЛИС.
1930-е. Чешский Ужгород

KUNSTKAMERA

- 168 Зореслав БАЙДЮК. Питер 2016: Война. Безработица. Ноябрь
170 Борис ЕРОФАЛОВ. Сто фильмов архитектора
176 Пётр МАРКМАН, Борис ЕРОФАЛОВ. Жизнеутверждающий
символ смерти

РЕЦЕНЗИИ

- 160 Борис ЕРОФАЛОВ. К новой архитектурной топологии
184 Богдан КОМУЖАРКО. І Дніпро, і кручі
185 Людмила ШАРИНОВА. И Осип, по-вашему, не киевлянин?

PLUS / АРХИТЕКТОР ВАДИМ ЖЕЖЕРИН

- 186 Конкурс НСАУ / СБК. Цегла як могоус вівенгі
188 Олександр БАРАНОВСЬКИЙ. Дольношльонські фестиваль
190 Архітектор Ігор Шпара (30.05.1936–26.09.2016)
192 Співпраця Бугівельної палати та НСАУ
192 «Марафон Проектів»
193 Нові повноваження НСАУ
193 Комісія з архітектурної освіти МСА
194 ІІ регіон МСА в Салоніках
194 Фестиваль в Мінську
195 Борш ТОРНАДО, Андреаш ТЕКИЛА. Валенсія: Cevisama и фигуры

В СТРАНЕ

контрабандистов

&

хлеборобов

річ ляшка на погоджувальній раді. 11.07.2016.

Корупція тарифи
Люстрація бандити
Офшори депутати
Зарплати зубожіння
Розслідування треба
Порошенко гройсман
С*ки всіх на вила
Отакої щоби
Я вам не дозволю
Минуло двадцять років
Раджу не пи*гіти
Ми вам радикально
Тарифи олігархи
Корупція бандити
Гройсман зубожіння
Люстрація всі на*уй
Трибуна блокування
Офшори порошенко
Рошен донецьк бандити
Ленінська кузня
Тарифи не дозволю
Народ вже опупився
Б*ягі олігархи
Я вам радикально.

Надо шоб как у людей — добробут в доме и балкон гробиком.

не дадим андреевскому спуску

Пётр МАРКМАН, вице-президент НСАУ

Деградирует град Киев. Ещё в 60-е годы прошлого века сквозь пронцаемую ткань дворов любому путнику, что с Владимирской горки, что с Львовской площади были гоступны заветные Замковая, Детинка, Уздыхальница. С поросших полынью округлых площадок открывалась незатейливая и хаотическая застройка подножий древних холмов, являя магию невозможного сочетания провинциального и величественного. Крупный киевский архитектор XX века, Авраам Милецкий, тонко понимавший эту «формулу города», воплотил ее в серии проектов, концептуально интерпретировавших киевский ландшафт. По своему масштабу, свободе мышления и профессиональному уровню это были захватывающие произведения. Огни из них еще при жизни мастера ему удалось реализовать полностью, другие — частично. Но и те и другие претерпели искажения, когда впоследствии примитивные бизнес-интересы изменили подходы к освоению городских территорий. И здесь вклад архитекторов оказался весом.

В зеркале возобладавших представлений понятия поменялись местами: возомнившая себя величественной эпигонская архитектура явила образцы столь агрессивного провинциализма, что истинные ценности ландшафта, их историческая уместность оказались нивелированы. Стремясь наследовать принцип традиционной застройки улицы, соблюдая геление на участки и сделав подножия холмов недоступными, архитекторы тем самым игнорировали право каждого горожанина на общественное пространство. Так, вслед за другими знаковыми местами, не выдержав осады, пал один из последних бастионов, Андреевский спуск — в мире единственный в своем роде изумительный зигзаг. Эволюция Андреевского хорошо известна по исследованиям и иконографии и состоит в том, что у подножья крутых холмов, по бокам извилистой дороги с Подгола в Верхний город, лепились сначала хаты, затем появились двухэтажные домики, и в конце концов, капитальные доходные дома. Эти декорации всего лишь «оформляют спектакль», в котором главной темой была и есть увенчанная Андреевской церковью гибкая лента дороги среди выразительного ландшафта. В начале 1980-х, в период необычайного культур-

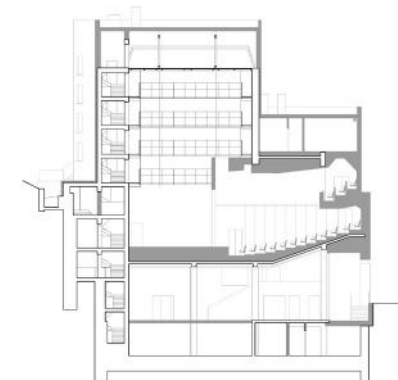
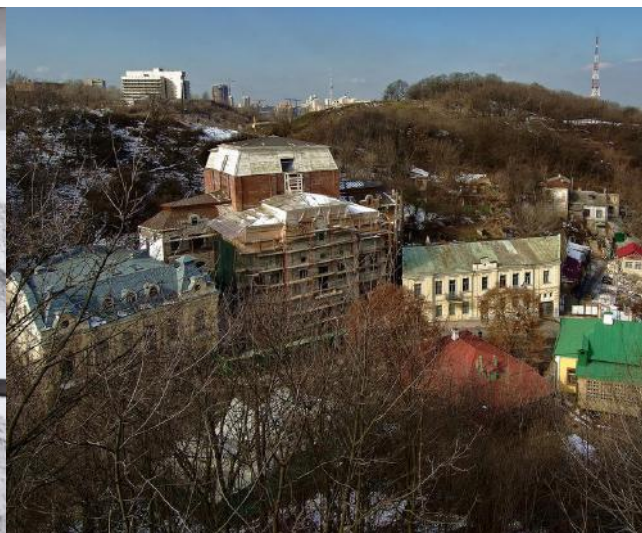

ного всплеска, назначение Андреевского спуска резко изменилось: ему определили судьбу «второго Арбата», и вдоль узких тротуаров встали художники и лоточники. Вместе с судьбой Андреевского складывалась судьба здания Театра на Подоле, претерпевшего много изменений, — и даже разрушение за тридцать лет построенного ради нового облика. Загадкой остается лишь то, почему событие, само по себе революционное, закрепило фундаментальную ошибку: массивное здание по-прежнему будет стоять задним фасадом вплотную к Замковой горе, унижая ее величие и лишая место интриги. В ситуации все усугублявшейся транспортно-пешеходной неразберихи забыты новаторские идеи Милецкого, не потерявшие свежести и актуальности за пятьдесят лет. Андреевский спуск и его «пойма» от Боричева Тока до начала Владимирской несо-

реновация театра на поголе

мненно нуждаются в комплексном подходе. Радикальная смена парадигмы его реконструкции, образно говоря, «перелицовка», позволила бы удовлетворить назревшую необходимость пешеходной свободы передвижения и удобства уличных вернисажей и торговли и, в то же время, сохранить возможность транспортного сообщения. Отдайте торговле и пешеходам всё пространство между домами, то есть проезжую часть и тротуары, а автомобилям — дорогу, проложенную в ущелье в тылах домов по границе холмов. Скажете: нереально, дорого, частная собственность... Что ж, продолжаем «беречь культурное наследие», а восхищаться будем в турпоездках.

Благодаря частной инициативе, оставшееся с 90-х годов недостроенное здание «Театра на Подоле» претерпело значительные изменения в новом проекте реконструкции. Существенно поменялся функциональный характер, превращая театр из «сворца» в «место для всех». Проект предполагает изменение почти всей планировочной структуры и большей части отметок, в результате чего значительно упростилась взаимодействие между самим пространством театра, посетителями и городом. Неизменным остался только объем колосника и сцены.

ТЕАТР НА ПОДОЛЕ

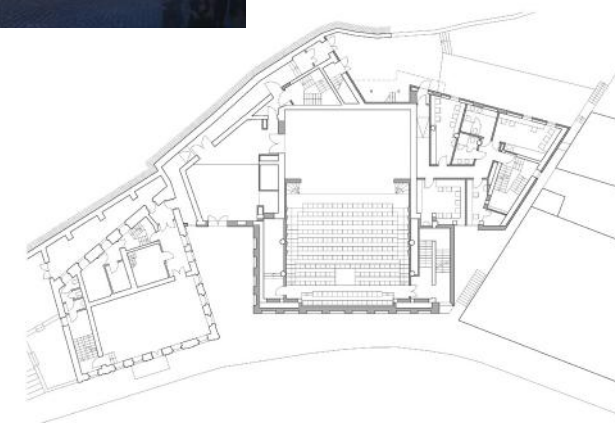
Андреевский спуск, Киев

проектировщик: DROZDOV&PARTNERS

архитекторы: Олег ДРОЗДОВ,
Вячеслав ЖЕМИР, Анна КОШАРНАЯ,
Александр КУЗНЕЦОВ, Виталий ПРАВИК,
Тимофей УЛАНЧЕНКО, Оксана ЧЕБИНА

общая площадь: 2 700 кв. м

реализация: 2016

архитектурный фестиваль в баку

Елена ЖИЛЬНИКОВА

23–25 сентября в Баку состоялся VI Международный архитектурный фестиваль «Эко-Берег». В 2016 году по приглашению Союза архитекторов Азербайджана фестиваль, посвященный архитектурному осмыслению береговых территорий, впервые прошел на берегу Каспийского моря в г. Баку. Традиционно в программу фестиваля вошли тематические выставки по теме архитектура и вода, лекции, дискуссии и научная конференция «Прибрежные территории — проблемы и перспективы развития» и экскурсии по новому строительству.

Кульминацией фестиваля «Эко-Берег 2016» стала презентация результатов конкурса «Регенерация промышленной прибрежной морской зоны города Баку под общественные пространства».

К архитектурному переосмыслению участникам конкурса был предложен участок в 16 километров вдоль побережья, ныне являющийся промышленной зоной города, которая отделяет центр столицы Азербайджана от его спальных районов. В 2015 году городскими властями было принято принципиальное решение о переносе нефтяных производств за городскую черту и регенерации данной территории.

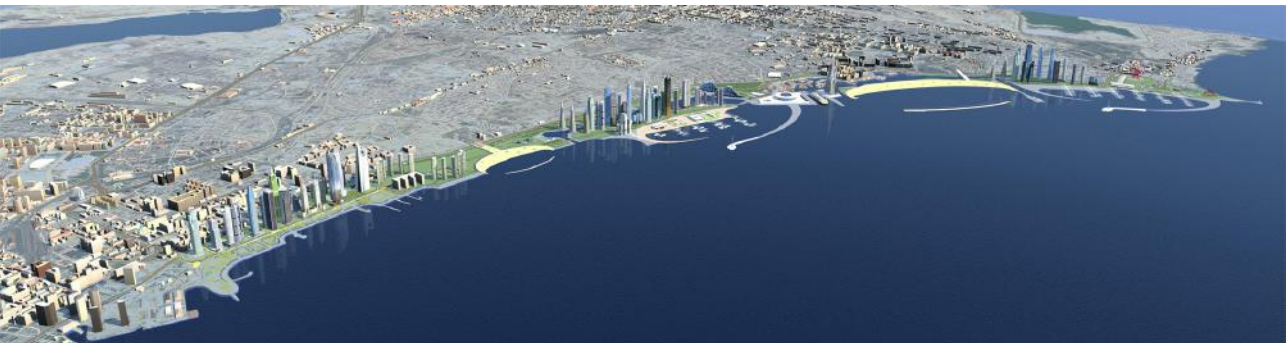
Таким образом, перед участниками градостроительного конкурса стояла непростая задача предложить оригинальное концептуальное решение, демонстрирующее современный, новаторский подход к комплексному развитию прибрежных промышленных территорий города Баку с элементами общественной и туристической инфраструктуры.

Всего на конкурс поступило 38 работ из десяти стран (Азербайджана, Украины, Белоруссии, Болгарии, Италии, Канады, России, Сербии, США и Франции).

Компетентное жюри в составе Николая Шумакова (президента Союза московских архитекторов), Эльбая Касим-заде (президента Союза архитекторов Азербайджана), Владимира Гусакова (президента Национального Союза архитекторов Украины), Николоза Абашидзе (заместителя председателя Союза архитекторов Грузии), Эгонса Берзыньша (доцента Рижского технического университета) и Кямаля Мусаханова (главного архитектора Баку) подвело итоги конкурса.

Участники фестиваля Эко-Берег в Центре Гейдара Алиева в Баку, 25 сентября 2016

новый баку

Концепция проекта заключается в формировании композиции из трех многофункциональных комплексов. Первый комплекс типа «Сити» расположен перед существующей благоустроенной набережной и является продолжением уже начатого высотного строительства. Симметричное построение набережной формирует акцент высотной композиции двух одинаковых башен. Второй комплекс расположен в центральной зоне на искусственном острове. Формирующий его канал выделяет зону городского парка. Через канал между двумя башнями перекинут панорамный мост. Комплекс у мыса «Султан» имеет развлекательную направленность и переходит в «Луна-парк», по территории которого курсирует монорельс, выполняющий как транспортную, так и экскурсионную функции. Между комплексами разбиты парки с общественными территориями и городскими пляжами.

ПРОЕКТ «НОВЫЙ БАКУ»
РФ, Москва

статус: Первая премия
архитекторы:
Вячеслав ОСИПОВ,
Влад ОСИПОВ,
Елена САЗЫКИНА,
Дарья ХАУСТОВА,
Марат ЮСУПОВ

прибрежный регенерат

Баку город с богатой историей, крупным промышленным, экономическим и научно-техническим центром Закавказья, активно строится. Западная часть набережной уже имеет благоустройство, однако в восточной части находится протяженная промзона, которая долгое время являлась преградой. Теперь появилась уникальная возможность расширить центр в восточную сторону набережной, создав многофункциональную территорию. Предложенный генплан задает систему качественных общественных пространств и необходимые условия для развития многофункциональной городской застройки совокупной площадью 720 га. Бакинская набережная с уютной прибрежной атмосферой станет новым пунктом назначения в городе.

При формировании генерального плана нового квартала и выбора стилистики большое внимание уделялось исторической традиции. Идея формирования образа набережной пришла из национальных узоров Азербайджана. Относясь с уважением к масштабу города, мастер-план создает устойчивые рамки для развития города, в совокупности с продуманной системой общественных пространств. Заливы создадут условия для интенсивного взаимодействия между новой застройкой и морскими просторами, формируя привлекательный прибрежный характер Баку.

В результате выделилось две основные функциональные зоны — зона общественной застройки, ориентированная на Каспийское море (коммерческая застройка, объекты социальной инфраструктуры, здание администрации, сервисного обслуживания), и жилая зона, отделенная от проспекта зелеными массивами и парками — собственно жилые дома и апартаменты. Вся осваиваемая территория пронизана рекреационными благоустроенными зонами.

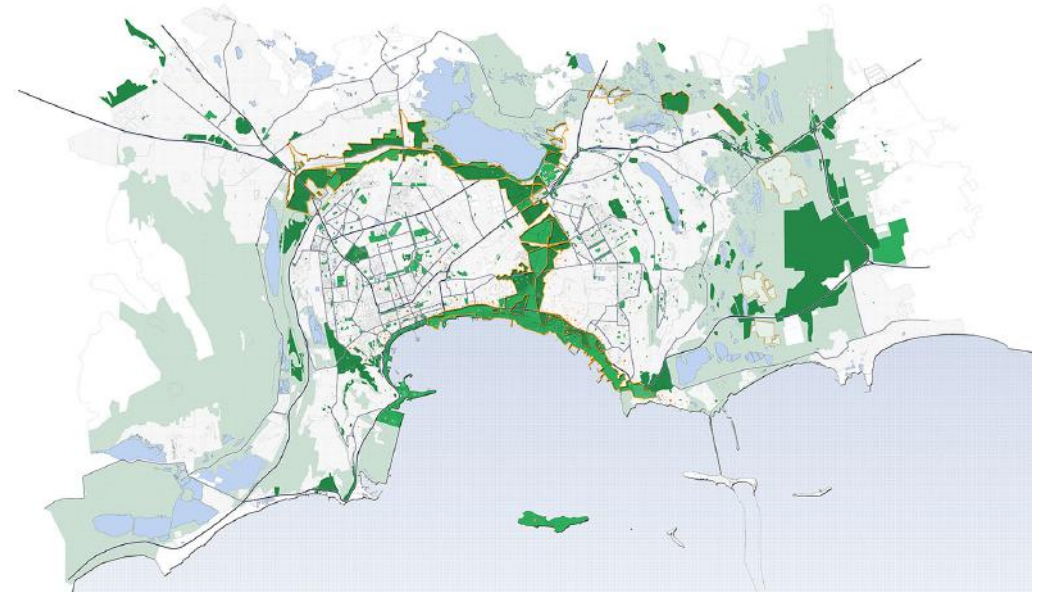
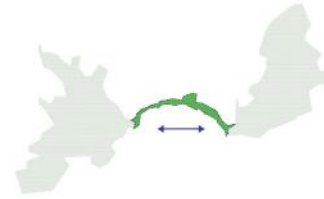
*ПРОЕКТ «РЕГЕНЕРАЦИЯ
ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ БАКУ
ПОД ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ПРОСТРАНСТВА»
РФ, Нижний-Новгород*

статус: Вторая премия
архитекторы:
Евгений МОНАХОВ,
Светлана ГРЯЗНОВА

выращивая город

Rather than thinking of the future of the city by the accumulation of architectural projects, our suggestion takes as its starting point the nature and wealth of public spaces. Recharacterisation of the Baku waterfront must find itself reflected right across the land. To the West and the East, two large sets of nature are to be conserved. In the North, a vast lake. In the South, the Caspian Sea. In the distance, the mountains. We propose to create a green and blue framework that connects and hangs these multiple pieces of nature to make them more understandable and accessible. The waterfront is the horizontal axis. A new vertical axis splits the urban fabric and controls the juncture between the sea and Lake Boyukshor. These areas left to nature will help create, like many major world capitals, a very large park for locals and tourists. Planning this development in the long term is to anticipate the densification of the urban fabric and release a real appealing breath for future generations. On one side of the park, the city. New builds are turning to woodlands, lawns and natural areas.

The architecture draws inhabited densities that, thanks to the topography, benefit from views of the park and also towards the horizon. On the other side, the Caspian Sea. The park increases interactions with water. Pontoons, floating gardens, pools and other water activities are being supported. An artificial beach is being designed to the East. In the distance, the island of Boyuk Zira is a landmark in the landscape. It will be capable of housing a unique monument, accessible by boat. Occasionally, the buildings can integrate into the green pocket. These spectacular structures can be magnets of attraction (museums, hotels...). We believe that the city of tomorrow will be as natural as it is urban. In equal proportions, plants and minerals coexist in a symbiotic and ecological sense. Baku must anticipate this cultural shift and leave the required space to nature in its urban expansion, even if this upsets its habits.

ПРОЕКТ «PLANTING THE CITY»

Франция, Париж

статус: Третья премия / 1

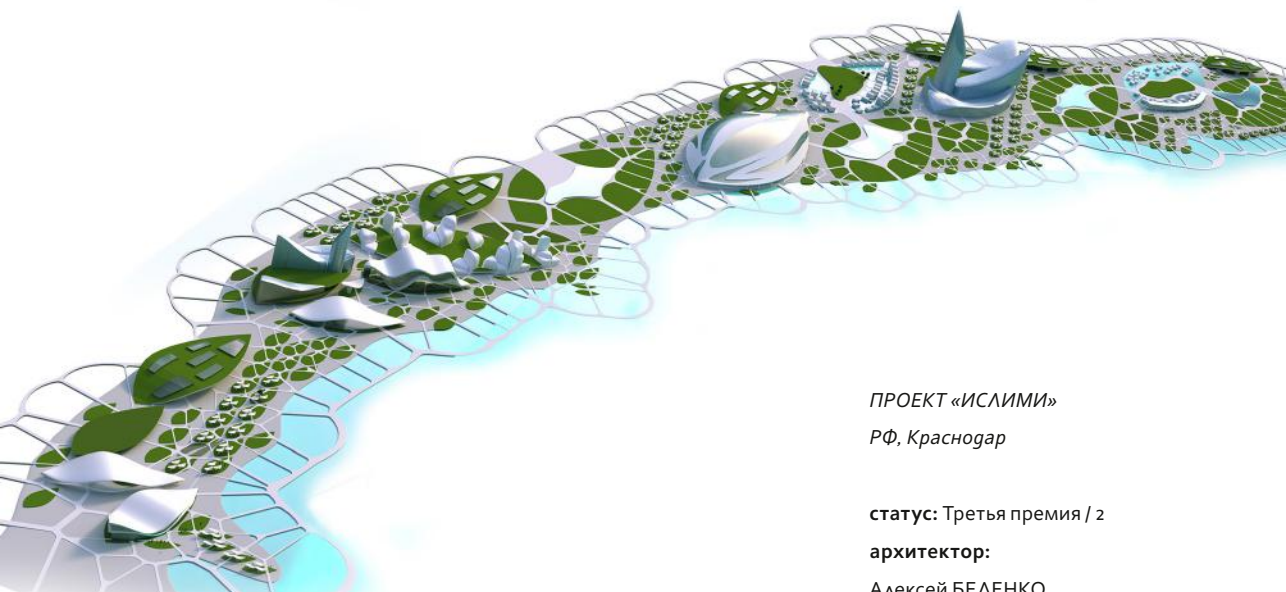
архитектор:

Pierre-François LE JEANNE

МОДУЛЬНЫЙ ИСЛИМИ

За основу градостроительной концепции была взята береговая линия, как формообразующая единица. При зеркальном отражении береговой линии создается форма, в которую вписан модуль, при заполнении территории такими модулями создается единая структура всей прибрежной территории. В проекте предусмотрено пять типов размеров модулей единой формы, заполнение территории модулями производится от самого большого к наименьшему, что выражает идею бесконечно большого и бесконечно малого во вселенной. Зеленые кровли гостиничных комплексов и автомобильных стоянок придают территории террасность и визуально растворяют границы между рекреационной зоной и застроенной территорией. Предусмотрены устройства генерирующие солнечную энергию, как отдельно стоящие, так и распределенные по покрытиям зданий и сооружений.

ПРОЕКТ «ИСЛИМИ»
РФ, Краснодар

статус: Третья премия / 2

архитектор:
Алексей БЕЛЕНКО

жемчужина баку

Стратегические задачи: переход от нефти к альтернативной энергетике; связь с историей места, локальная идентичность; экологическая и гужелюбная городская среда; связь с существующими элементами прилегающей городской структуры.

Пространственная стратегия:

1. Восемь тематических прибрежных кластеров.
2. Новый центр — «жемчужина в оправе» береговой линии Бакинской Бухты.
3. Музей нефти, ископаемых источников энергии, инновационный центр разработки возобновляемой энергетики.
4. Тематическая зона «Парк Огня».
5. Зеленый каркас, объединяющий городскую ткань в единое целое.
6. В прибрежную зону интегрируются кластеры новой жилой/многофункциональной застройки.
7. Ветка легкорельсового надземного метро.
8. пляж и солнечная ферма.

ПРОЕКТ «ЖЕМЧУЖИНА БАКУ»
РФ, Москва

статус: Диплом
архитекторы:
Алексей ПОЛИЩУК,
Евгений ДИДОРЕНКО

baku *black smart city*

The aim of the project is not only the continuation of the existing sea promenade but the creation of a new urban area using the latest technologies.

The project look at the "Smart City" like a possible improved future for the modern cities.

The Smart cities program has in citizens his core: citizen's wellness and citizen's quality of life are the most important aspect of this new town. The environmental improve will be the ground where will based the next development of the Baku Black Smart City.

One of the most important targets is reducing CO² emissions to zero.

This target named area N.Z.E.A. (Near Zero Emission Area) and follows the objective to create a high quality environmental district for tourists and Baku's citizens.

The main idea of the project is to use innovative technologies to create urban environment, which will be an example of a city of the future. The project was developed in accordance with the philosophy of the Smart City — buildings with zero CO² emissions equipped with solar collectors, solar panels with battery energy system, rainwater collection, built with the use of building materials adapted to the climate of Baku.

Today with the world crisis there are more places who can be invested, than people who can really invest. This generate a competition, like a race for self promoted best place. The difference between bad place and good place is in high quality and friendly lifestyle. Where want the people live, there is interest to building and redevelopment dead areas. Where is attraction and appeal, there is business opportunity.

ПРОЕКТ
«BAKU BLACK SMART CITY»
РФ / Италия

статус: Диплом
архитекторы:
Yaroslav USOV,
Massimiliano BAQUE,
Riccardo GRAZIOTTI,
Giacomo FABBRI,
Nelli ZABOTINA

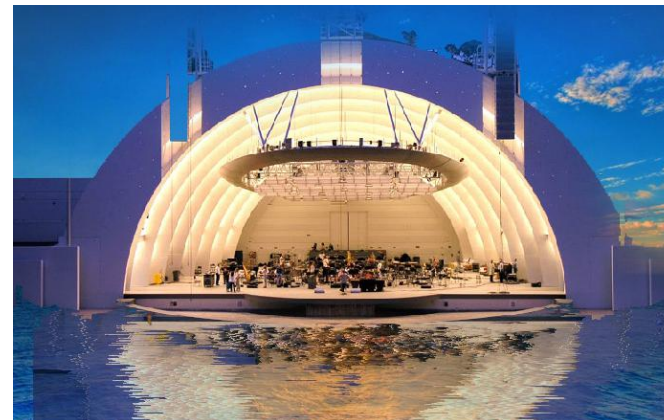
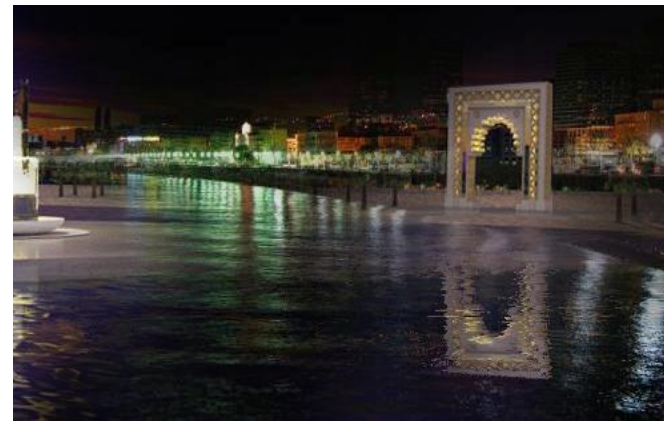
между центром и перформансом

Мы создаем среду для развития туризма, инвестиций, привлечения всемирного внимания к Баку. Каждая зона имеет главный центр и площади, функции в которых создают удобные пространства для отдельных видов деятельности. Из центра откроется вид на сцену на воде, фонтаны. Серия площадей для разных событий, переходят в бизнес кварталы. Бизнес зона переходит в парковые зоны и зоны отелей. Можно легко организовать или присутствовать на событии, обсудить это на встрече в бизнес центре, отправиться в отель или в рекреацию с аквапарком, пляж, школу парусного спорта. Между центром города и событийной зоной находится торговая зона, через нее проходит путь из круизного порта. С другой стороны набережной находится отель и примыкающие к нему экспозиционные зоны, созданные из старых производственных помещений. На набережной находятся отделенные парком элитные отели с примыкающей к ним мариной.

*ПРОЕКТ «РЕГЕНЕРАЦИЯ
ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПРИБРЕЖНОЙ МОРСКОЙ
ЗОНЫ ПОД ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ПРОСТРАНСТВА»
Беларусь, Минск*

статус: Диплом
архитекторы:
Антон ГАРУСТОВИЧ,
Екатерина СОКОЛОВСКАЯ

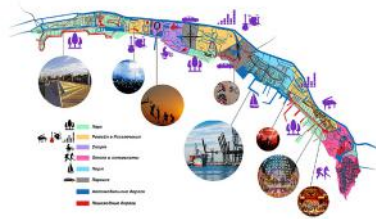
new old baku

Основная идея заключается в соединении традиций старого Баку и новых тенденций. Сохраняя структуру сложившейся городской ткани и накладывая сетку нового города, строится принципиально новый тип городской среды.

Функционально территория делится на 5 крупных зон — последовательно слева направо — парковая, спортивная, портовая, торговая и гостиничная.

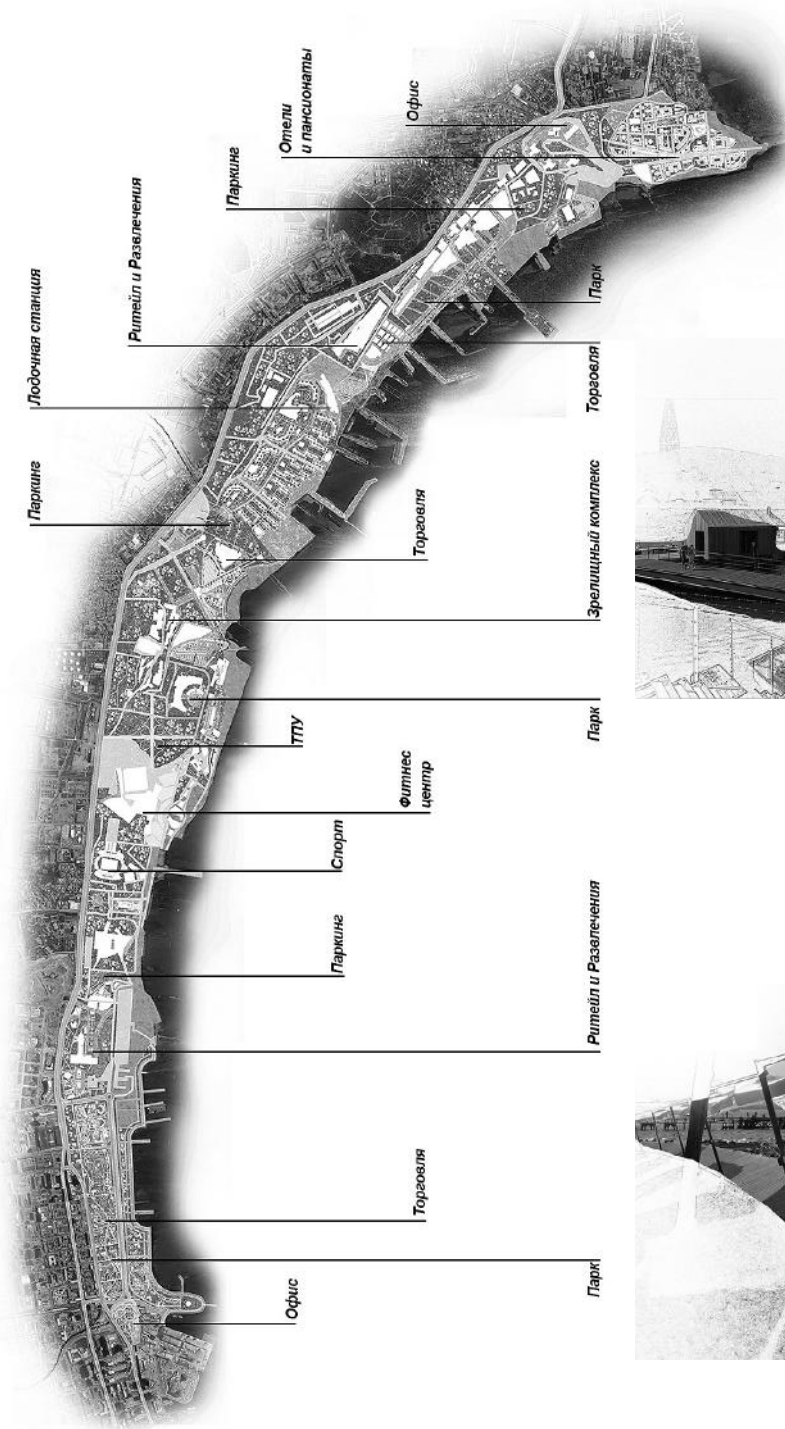
Каждая зона предусматривает свою характерную структуру. В данном проекте учитывается рельеф и застройка вдоль проспекта Нобеля, таким образом, что новая этажность проектируемых зданий не влияет на сложившуюся панораму, вырастая с запада на восток. Инфраструктура решена с учетом существующей транспортной сети.

Данная концепция интересна тем, что создается среда, которая полностью отвечает всем потребностям человека. Она многофункциональна, адаптивна и экологична и хорошо интегрируется в окружающую застройку.

ПРОЕКТ «NEW OLD BAKU»
РФ, Москва

статус: Диплом
архитекторы:
Анастасия ГАЙСИНА,
Анастасия ТАТАРЧЕНКО

Умопомрачительно! Сногшибательно! Изумительно! — пахнет город Баку. Запах этот неотрывно преследует, причем, чем более к окраинам вы перемещаетесь, тем более он усиливается. От него невозможно избавиться. Он везде. До тошноты, кружения в голове. До изумления. Ибо каждый город имеет свой запах.

мануэль и заха (город и запах)

Борис ЕРОФАЛОВ, фото автора

Я, было, подумал, показалось... Ну, не может же быть так жестко. Так плохо... Ну, пахнет в центре Берлина возле Острова Музеев канализацией — понятно, там канализация неглубокого заложения, журчит почти под ногами... Но вот чтобы так...

Не так давно известный европейский архитектор-постмодернист Мануэль Нуньес-Яновский в публичной лекции о современном градостроительстве сетовал, мол, города начали портиться... И у нас начали портиться, и в Париже портится. Ну, а у вас-то и погавно. Ибо нельзя, к примеру, допускать такого непростительного запаха на улицах вашего, пока еще сохраняющего очарование чего-то настоящего, но уже явно начавшего портиться, города Киева... Как можно, возмущался Маноло, чтобы город истогргал такие запахи! Как вы могли! Как вы посмели до этого довести! Это допустить! — вопрошал он.

Я не понял. Тогда не понял. Умозрительно — да. А так нет. Хотя говорил он вещи вроде бы понятные и вменяемые: выхлопы машин, макдональдсы всякие... Но у меня не было опыта непосредственного, прямого столкновения с ужасом запаха. Не было модели, не было схемы понимания. А пока нету собственной схемы, сквозь которую человек смотрит на любые явления и события мира сего, нету и понимания.

И тут, как бревном по голове! Получите — распишитесь. Вот оно. Вот оказывается, о чем шла речь. По-видимому, для того чтобы столкнуться с запахом места, как с дверью, с запахом, разлитым всюду, равномерно и плоско, везде и неотступно, нужно попасть в ситуацию путешествия, цивилизационного перемещения в пространстве. Рядом с нами были москвичи (москали), россияне, и они, мне кажется, запаха не чувствовали. Потому что не попали в ситуацию цивилизационного переноса. Они находились в бассейне своего, внутреннего, Каспийского моря. Как говаривал персонаж Антоши Чехонте, «лошади едят овес и сено, а Волга впадает в Каспийское море». Более того, им нравилось. Им нравился толстый слой шоколада, которым все покрыто в городе Баку.

Снова в Киеве золотая, изумрудная осень. Посещаю районную налоговую, давно и уютно разместившуюся в хрущевском детском саду-«самолетике», с низкими потолками, пропахшем детскими кашками. Вынырываю наружу: удивительные липы, первые падшие листья и, о чудо — запах ванили... Просто так, на улице. Ну, думаю, не показалось... Все-таки города разные!

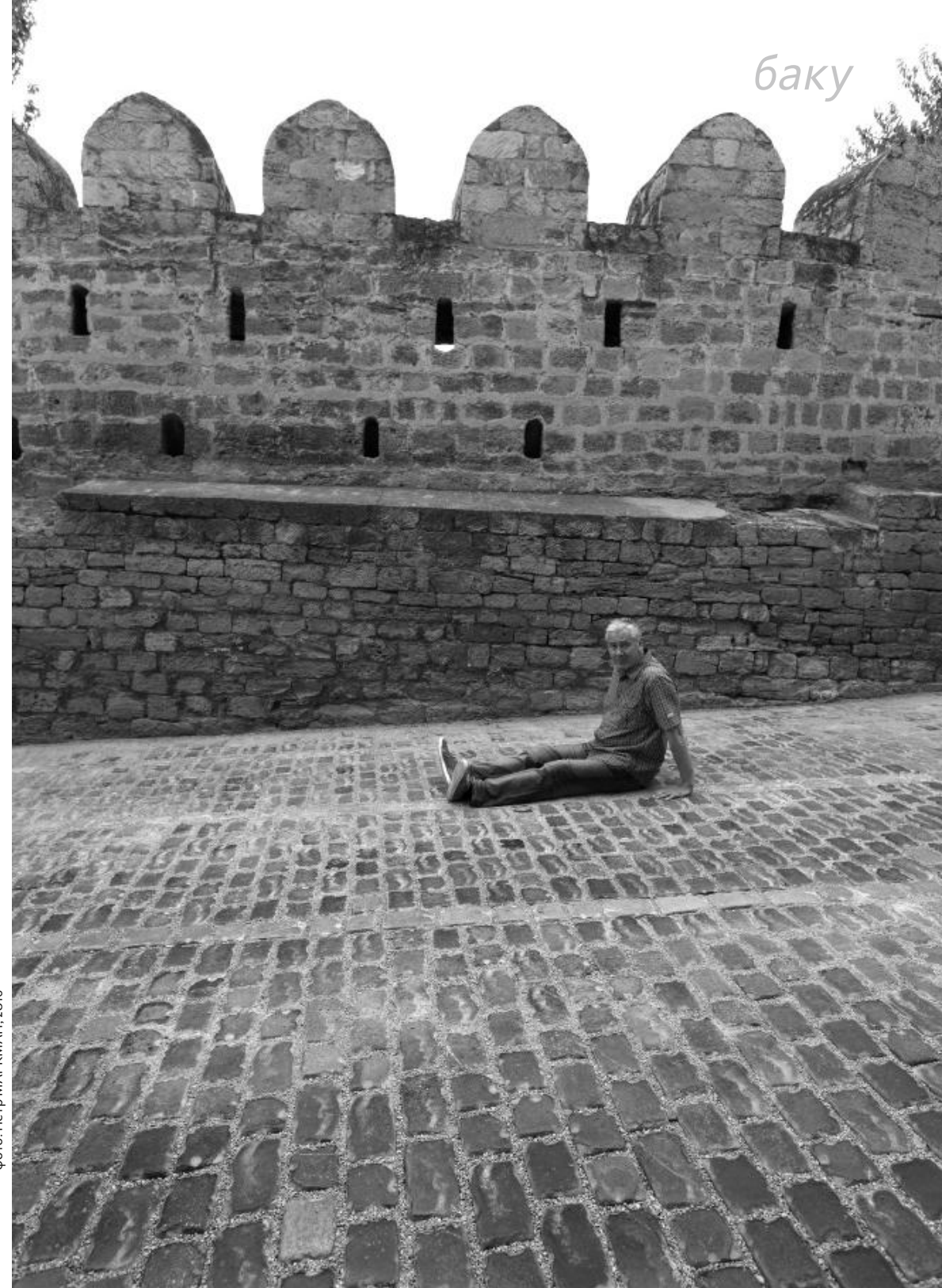

фото: Пётр МАРКМАН, 2016

TELEFON TƏMİRİ KİTAB

JIZAN

AKSESSUARLAR DÜNYASI

QIZIL QƏLƏM KİTAB EVİ

HÜSEYN PARFUMERİYA SALON MALLARI GÜMÜŞ-BİJUTERİYA

AKSESSUARLAR SAĞI Sim, Cin, Nar nömrələrin satışı

MƏKTƏB OFİS və RƏSSAMLIQ

TOPDAN SATIŞ

Однако тенденция, погмеченная Мануэлем, оказывается, живет и в нашем богоспасаемом городе, и обнаружилась она на Львовской площади, на лучшей из улиц, на Ярославовом валу. В византийском здании Театрального института им. Карпенко-Карого устроили общедоступную столовую. И запахло Баку.

Зажиточность снова напала на бакинцев, как и сто лет назад. Напала неожиданно, и они не знали, как с ней совладать. Небоскребы большие. Набережные широкие. Заборы мрачные. Но по набережным мало кто ходит. И новая архитектура какофонит с привычным бытом.

Вот построили в так называемом Белом городе новую гостиницу Бульвар-Отель, и вроде бы всем хорошо. Стоит на набережной. Набережная каменная, вымощена вчистую. Волнистые скамеечки, мусорные баки, длинношеие фонари — всё итальянского производства, модное. Гостиница-много-звезд вытянута вдоль моря четырьмя корпусами в виде конструкции «Н-Н». В нулевом уровне справа расположена ресторанная группа, слева — спорт и спа. Посередине с материковой стороны — вход и рецепция, со стороны моря — ничего... В смысле, посередине выход в сторону моря есть, и всегда открыт, но выходит на какую-то объездную дорогу. Под дорогой симпатичный склон с газоном, метров семь-восемь, аккуратно стриженный. За газоном широкая набережная. Ни лестницы, ни пандуса к ней нет. Редкие гости-любители пейзажа прыгают по газону, пробираясь к морю, как зайцы... Проход к набережной местным темпераментом не предусмотрен. На самой набережной дело не лучше: есть новенькие пирсы, но выйти на них нельзя — аккуратный заборчик и полицейские...

Вообще, с набережной в Баку дело обстоит сложно. Она большая, километров семь-восемь. Широкая, метров сто-двести... Но никто не гуляет. Почти никто, кроме случайных заезжих и залетных пассажиров и редких заблудившихся бакинцев. На эту красивую набережную к тому же не так просто выбраться и в центре города. Непросто перейти прибрежную улицу-шоссе, отсекающую город от моря. Есть мраморные подземные переходы, оборудованные постоянно работающими эскалаторами. Не очень удобно, ибо редкие и глубокие. Но эскалаторы работают. И россиянам нравится...

Баку, Центр Гейдара Алиева, архит. Заха Хадид, 2007–2012

Особая гордость Баку — Центр Гейдара Алиева, построенный самой Захой Хагид. В стиле волны от Захи Хагид. Он сильно напоминает Музей Транспорта той же Захи Хагид в Эдинбурге, но цвета не стального, а белого, белоснежного. Туристов привозят автобусами. При себе рекомендуется иметь паспорт, на всякий случай. Баку очень безопасный город. А зачем такая большая набережная, если на нее почти невозможно выйти? — А зачем на нее выходить! У нас один заказчик, и ему на нее выходить не надо, он по ней не гуляет. Он на нее сверху смотрит. Нравится. Еще есть в Баку культовые небоскребы Флэйм-Тауэрс, то есть Пламяющие Башни. Они призваны олицетворять собою языки пламени, добывающейся здесь со времен Нобеля и сгорающей, нефти, несущей благополучие в каждый дом. Ночью эти извивающиеся языки небоскребов подсвечены живописной имитацией пламени и прочими патриотическими символами. Вигно галеко. Ну а днем, из центра города, они неожиданно проявляются над горизонтом, как монструозные щупальца гигантских пришельцев.

В конце набережной устроена площадь Флага. Флаг очень большой, говорят, шестой в мире по размеру. Чем-то похожий на мексиканский, ежедневно поднимается и спускается в Мехико с высокой мачты-флаштока целым отрядом военных, как в фильме «Битва на небесах». Самостоятельная жизнь огромного полотнища на ветру — зрелище завораживающее. Это как бы сомостаточная и самовоспроизводящаяся архитектура. Если маленький флажок трепещет и рвется на ветру, который, если бакинский, всегда сильный и всегда с моря, то большее полотнище вздыхает, вспучивается и вздыбливается горами, дышит и громко и победно хлопает.

В еде местные жители неприхотливы, но щедры и изобильны.

Да, о запахе. Пытаясь разобраться из чего он состоит, выделим три различимых компоненты: лук-репка, курица бройлерная, масло жареное. Четвертый компонент — некая очень специфическая местная специя. Имени подыскать ей не могу.

Спуск азербайджанского флага

Баку, «Пламяющие башни»

баку

Девичья башня, архит. Масуд ибн Давуд, XII в.

архитектор вадим жежерин

Вадим Жежерин представитель киевской архитектурной династии, 5 ноября отпраздновал 70-летний юбилей. Во что верится с трудом, ибо подтянут, моложав, и глаз, как всегда, горит. О том, что ум живой, а нрав оптимистический, очевидно из нижеследующего интервью.

Его отец, Борис Петрович (1912–2006), и мать, Лидия Александровна Гусева (1918–2008), вместе работали над киевской ВДНХ. Более того, у Вадима был опыт совместной работы с отцом, хотя поколенческие разногласия давали о себе знать.

В 1970 году Вадим окончил архитектурный факультет КИСИ.

Много лет потратил на Киевпроект и много чего в нем сделал: массивы Синеозёрный, Левобережный, Теремки-2, Южная Борщаговка (1972–1989); Центральные ж/д кассы с гостиницей «Экспресс» (1978–1985); станции метро «Площадь Льва Толстого» (1981) и «Золотые ворота» (1989, Госпремия Украины в области архитектуры 1991 года); реконструкция площади Льва Толстого (1979–1996, Госпремия 1998 года).

В персональной мастерской АБК «Жежерин» осуществлены: реконструкции кварталов по ул. Черновола/Дмитриевской/Павловской (1981–1999) и по ул. Владимирской 47–53 (2001–2004); Дипломат-Холл на Жилинской 51–55 (1994–1999); Бессарабский квартал (2001–2005); бизнес-центр «Лукьяновский» ("Топаз") в Киеве (2005–2008); дома по ул. Хмельницкого 39, Владимирской 79, Тургеневской 45–49, Павловской 31/32; Спасо-Преображенский собор на Теремках (2011) и много чего еще.

Вадим Борисович — действительный член Украинской академии архитектуры, председатель правления Киевской организации Национального союза архитекторов Украины (с 1990), член комитета по Государственным премиям Украины в области архитектуры, президент Международной ассоциации Союза архитекторов СНГ (1996–1997), президент Архитектурного совета Центральной и Восточной Европы (1998–2000), Заслуженный архитектор Украины (1997), Народный архитектор Украины (2004).

А+С искренне поздравляет юбиляра, с пожеланием всяческих благ, хорошей архитектурной работы и шести футов под килем.

фото: Елена НЕНАШЕВА, 2016

их было не так много, как сейчас...

С Вагимом ЖЕЖЕРИНЫМ беседовала Елена НЕНАШЕВА

ИСЧЕЗ ГОРОД

Вагим Борисович, что делает Киев уникальным, для вас лично?

Его расположение, і Дніпро, і кручі... И замечательные церкви, и старый центр, где я провел детство. Вот Киев. Конечно, по большому счету Левый берег не является Киевом. Конечно, те массивы, которые я строил, по большому счету тоже Киевом не являются. Лицо города было сформировано в конце XIX — начала XX века. Плюс то, что нам досталось издревле. И, конечно, — в первые послевоенные годы. Все остальное это не Киев. И дальше, то, что делается нами сегодня, — абсолютно не Киев. Никакого интереса к нему в этом плане у меня нет. Когда-то город был пешеходно гоступен в любых своих точках. Соразмерен по масштабу человеческим возможностям передвижения. Он был такого размера, что в течение дня можно было полгорода обойти. Я добирался из классов на Печерске домой на ул. Чкалова пешком за 25 минут, не пользуясь никаким транспортом. Когда-то в Киеве было гармоничное сочетание зелени и домов, широкие тротуары, и по городу можно было бесконечно прогуливаться. В отличие от Москвы, например, где люди бегают, как мыши вдоль стен, по голым улицам. Когда-то в Киеве я мог выйти в дождь и идти под деревьями без зонта. Или — в тени деревьев в жаркий солнечный день. И так под сенью крон выйти на Крещатик, по которому фланировала публика... Срубили деревья, понатворили чудес, стоят машины на тротуарах... Исчез город для человека. А он был!

Предыдущие поколения связывали начало этого исчезновения, настоящего Киева, с именем Постышева, искоренявшего палисадники и бульвары в 1930-е...

Но мы с вами этого не видели, нет опыта личного переживания — только фотографии и документы. Киев, конечно, обрушился не в один момент.

В конце 1960-х потихоньку все начало угавливаться. Потом массовое строительство, приток населения, вхождение чужеродных индивидуумов на эту территорию. Психология города изменялась постепенно. Народ становился другим, другим становился и город. Слава Богу, никто не трогал центр по-настоящему. Оставался до поры до времени центр. Я бы сказал — до независимости Украины. С «перестройкой» полезли и туда. Причем активно и нахально, потому что все уже начало покупаться. А правил не было. Они еще как-то теплились до середины 1980-х. А потом всё, наступил такой период — яма временная, и мы провалились. Потом вдруг очнулись, а вокруг заседают другие люди и диктуют свои правила игры. И пошло-поехало — то, что мы видим сегодня. Торчит на Кловском спуске урод (я как раз в окно на него смотрю) — фантастический!

Вообще, что главное в Киеве? Киев это визитная карточка Руси. С левого берега — склоны Днепра с церквями, и больше ничего. Зелень и церкви. Визитная карточка... Сегодня ее не стало. Есть три способа уничтожить объект. Первый — взорвать или разобрать, второй — реконструировать до неузнаваемости, и третий — обстроить всяким дерьмом вокруг. Мы успешно реализуем первое, второе и третье.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Пример корректной архитектуры — ваша станция метро «Золотые ворота», расположенная под фундаментами древнерусского памятника и с выходом в жилой квартал XIX века.

Открытие станции было 31 декабря 1989 года. Последний вздох советской власти.

Вы никогда в исторических стилях не работаете, а здесь стилизация.

Дело не в этом. Каждой вещи должна быть присуща определенная идеологическая нагрузка. Я не считаю, что какая-то стилизация вообще уместна — в центре города или где-то еще сегодня. Она уместна только в одном случае... Вот если бы вокруг стояли огни стеклянные ящики, я бы построил Парфенон рядом. Вот тогда бы он выглядел! Это означает, что там, действительно, не хватает ни детали, ни информации, которые надо внести в сообщество холодных и никому не интересных стекляшек. Мы их уже до черта видели во всем мире, и сколько их ни делай, они все равно будут похожими друг на друга. Архитекторы могут смаковать какую-ни-

будь алюминиевую детальку, проработанный узелочек, а всем остальным — плевать, человек этих подробностей не видит, не воспринимает. Другое дело, если рядом со стекляхой возникает изысканная вещь, я не хочу сказать, что она должна быть стилизована под древность, но сделана по-другому. И наоборот: если много насыщенных объектов, хочется построить что-то нейтральное.

Станция «Золотые ворота» признана самой красивой в киевском метро... Никто ко мне не обращался, я ее специально не фотографировал и не показывал, тем не менее, приятно, что оценили эту вещь. Она делалась очень непросто. Как обычно, все мои объекты делались «на вчера».

Это единственный ваш с Борисом Петровичем общий объект?

Да, папа был привлечен по указанию Николая Жарикова, главного архитектора Киева. Я на тот момент отказывался от этого предложения за неимением времени, и Жариков заявил: «Не буду тогда рассматривать твои проекты на градсоветах». Весомый стимул! А папа как раз закончил реконструкцию киевского оперного театра. «Вот возьми отца, — предложил Жариков, — он свободен наконец, сделайте вдвоем. Вы же вместе никогда не работали». Я говорю: «Мы не работали, потому что нам трудно вместе работать. Мы поссоримся!» И мы поссорились. Отец всегда хотел работать. Даже когда ему было девяносто. «Дай мне что-нибудь, я что-нибудь тебе сделаю такое!» В этом плане он всегда был увлеченный живой человек. Говорят, архитектор заканчивается, когда его выносят вперед ногами. Если он настоящий архитектор. Сначала я поехал в Метропроект, за опорными материалами. Ведь весь конструктив задается инженерами метро. Задача архитекторов в данном случае это бутафория, облепливаем конструкцию. С Метропроектом я уже работал по нескольким объектам, меня там все знали. К тому же был предварительный звонок Жарикова. Однако метростроевцы встретили меня не очень добродушно. Ну, как же, опять влезаю в их зону! Хотя это была работа не киевского Метропроекта — станция делалась москвичами. Но все инженеры метропроектские были наши. Я забрал материалы, притащил папе. «Вот конструктивы, вот — тебе, вот — мне. Я делаю, ты делаешь, отдельно делаем эскиз. Потом соберемся, посмотрим». Через пару дней собрались, посмотрели, ужасно поругались, жутко... Сказал, что больше не приду вообще. Но вскоре пришел, конечно...

фото: Борис Ерофалов, 1981

Золотые ворота до реконструкции на фоне Золотоворотской улицы

Интерьер станции метро «Золотые ворота», архитт. Вагим и Борис Жежерини, 1989
 мозаики: Григорий Корень, Владимир Федько; люстры и бра: Станислав Агаменко, Мария Ралко

Борис Петрович наверно предлагал решение в духе классицизма?

Нет, разные были вещи. А мозаики... мы хорошенько повздорили по поводу того, что должно быть сутью станции. И пришли к выводу, что было бы интересно дать характер Киевской Руси. Не современный выхолощенный стиль, как у москвичей, а насыщенный и непосредственно относящийся к этому историческому месту.

Отец разложил книги с мозаиками — у хорошего архитектора за жизнь собирается настоящая профессиональная библиотека — стали смотреть. Потом сходили в Софию, еще погуляли, задумались. Появилась мысль, на трети станции воссоздать фрагмент руин Золотых ворот — то, что обстроили, и теперь никто их не вигит. Но от идеи отказались, это же станция, толпа народу, движение... И вот из каких-то руин вдруг вырисовывается совершенно чистый образ. Скоро сделали эскизы. Папа рисовал, и я рисовал. Посмотрели вместе, поругались из-за пропорций. Подытожили: пропорции, к сожалению, выйдут не так, как мы хотим, потому что уже заложены высоты арок, и сделать выше-больше невозможно. Стали рисовать капитель. Какая она должна быть? Пришли к выводу, что ее не выполняют, времени не было. Жариков поставил задачу в начале лета, а сдача была намечена на конец года. Притом, что уже завезли чужеродный материал от первого варианта, который делали москвичи, материал совершенно не подошел.

А что сделали москвичи?

Был конкурс на ряд станций. Из киевлян участвовали и мы с Николаем Левчуком, делали предложение для станции «Площадь Толстого». Конкурс мы выиграли, и я реализовывал проект в натуре. Станцию построили. И ни слухом, ни духом, да же не ведаем, что строятся Золотые ворота. А потом меня пригласил Жариков и предъявил сделанное москвичами. Он это забраковал и потребовал, чтобы мы сделали что-то другое. Дал неделю. Я сказал, что это нереально. В общем, получилось две недели.

В ответ москвичи устроили настоящую атаку, это было в прессе, в газете «Известия». Ожидали, что Жарикова снимут и всех остальных тоже, мол, попали в негатив. Москвичи настаивали на том, что выиграли конкурс они, а тут вдруг какие-то киевляне! Якобы наше решение абсурд, прохода между колоннами нет, и люди будут биться головой о стенки. Это было неприятно, но не возымело большого действия. И мы продолжали работать в авральном режиме.

Первое решение было в виде одной картинке на пограмнике, примерно 50x80 см. Сделал подачу, покрасил и притащил Жарикову. Он звонит Николаю Васильевичу Лаврухину, заму мэра, который тут же собирает хурал прямо у себя в кабинете. Там были художнички всякие, так называемый Худфонд, народные и заслуженные архитекторы, всего человек тридцать. Я доложил, что, как и почему. Послеговавшие выступления были по-хамски возмутительными. Все кричали, мол, негодяй этот архитектор, как смел без художников что-либо там делать! Асеев заметил, что колонна вообще никакого отношения к древнерусской архитектуре не имеет, мол, она из какой-то римской божницы. Я сказал: «Юрий Сергеевич, я у вас учился, но, к сожалению, ни разу не видел этой римской божницы. Если вы мне покажете как надо, я эту колонну более аккуратно перерисую». В общем, все несли что попало. Я спокойно сидел. Слава богу, папу я туда не брал, чтобы он нервы не мотал (я ему даже не говорил, что там «рассмотрение» вдруг намечается). Когда поток излился, Лаврухин резко поднялся и сказал: «Всем спасибо. Как этот человек нарисовал, так и будете всё выполнять», — и показал на меня пальцем. А с Лаврухиным у нас отношения сложились раньше. До этого он меня на протяжении полугода выселял из города Киева, грозя всякими пытками, если не бугу выполнять указания строителей, которые строили подземный переход на площади Толстого, который я запроектировал. Но это отдельная история. Однако, не было бы этой истории, не было бы и «Золотых ворот».

ПЛОЩАДЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Похоже, площадь Толстого ваш любимый объект?

К сожалению, там не реализовано самое интересное. Дело в том, что в Киевпроекте, а это была большая контора, около двух с половиной тысяч человек, у меня сложились хорошие отношения с инженерами, то есть с отделами, которые занимались инфраструктурой, транспортными развязками, пешеходными переходами. В отличие от многих архитекторов, которые думают, что они хорошие художники, я считаю, что я хороший инженер. Я всегда понимал, если инженерно объект решен плохо, то он вообще не решен. На площади Льва Толстого нужно было в течение месяца дать решение по подземному переходу. Мы с Левчуком делали нижнюю станцию метро, и следовало это все увязать. Ко мне примчались: сделаю

проектное предложение! Тогда за это никто не платил. Я сделал проект, красивое решение: подземная площадь с большой дырой в центре (верхний свет), в которой стояла высокая мачта с освещением. Внизу — фонтан, круглая площадь с магазинами и выходы во все стороны... Там конфигурация очень сложная, примыкают совершенно не упорядоченные лучи.

Три улицы?

И даже четвертая Пушкинская, в их пересечении нет системы. Так вот, я сделал центр и в центре дыру с площадью. Директор Киевпроекта, инженер Вагим Сергеевич Коваль, схватился за голову: Что ты нарисовал? это невозможно! Есть типовая конструкция «сапожок» 3 x 6 м, стены высотой 2,30. Никто нам больше не даст, это же деньги! Нарисуй коридор так и коридор сяк. — Я сказал: Не бугу. Вы же не можете меня заставить! Я сделал такое предложение. — На следующий день он куда-то это потащил, а потом меня вызвал: Нельзя делать дырку, туда троллейбусы бугут пагать. — Я говорю: А у нас с мостов троллейбусы не падают случайно? Можно сделать ограждение, чтобы не мог ни троллейбус, ни танк туда упасть. А дыра будет диаметром метров пятнадцать. — Но, увы, в итоге реализовали другую версию, с тремя кафе в центре и большим пространством вокруг. Я настоятельно требовал, не по программе, чтобы были магазины, кафе, общественные туалеты. В Киеве общественных туалетов не строят до сих пор, а там есть. Мачту в центре Лаврухин, перед тем, как ее смонтировали, обрезал на 4 м (ее уже привезли, и он обрезал без меня), теперь там вытяжка-вентиляция.

Так вот кто придумал «метрограды»!

Я их не придумывал, это противоречит моим идеям. Когда проект представили Лаврухину, который курировал строительство, он топал ногами: «Я этого архитектора уничтожу! У нас лимит 300 тысяч». Но вскоре Коваль пересказал мне слова Лаврухина: «Вот сволочь ваш архитектор, везет ему! Госплан выделил дополнительный миллион семьсот тысяч на этот переход». У меня были запроектированы полы в граните, карнизное освещение... Всё это потом сдули, всё, что можно было обогреть, обогрели. Полы закатали асфальтом. Но все-таки переход этот стал событием, там было пространство. Не то, что теперь, всё загажено, застроено.

А типовые детали, о которых вы упомянули?

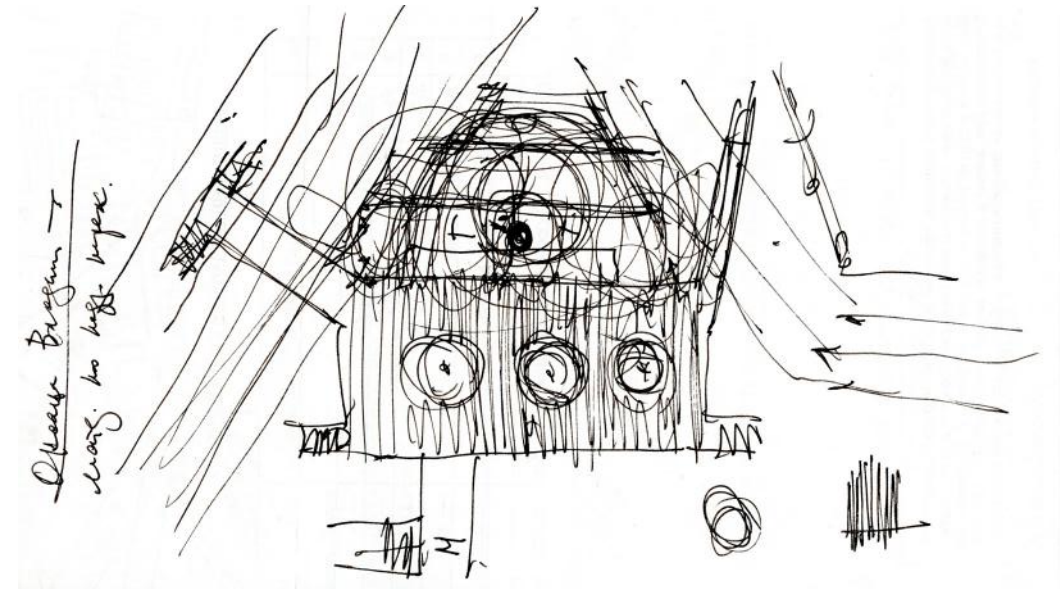
Пришлось их употреблять, больше этой высоты не сделаешь — 2,30.

А как Эдуарду Бильскому удалось на Виноградаре разработать новые типовые детали?

Это уже другой вопрос. Добиваться можно, если есть время. А здесь надо было построить с 9 мая, когда прошли танки, по 7 ноября, когда опять должны были идти танки. Огня перекладка инженерных сетей чего только стоила! Туда сходятся все инженерные коммуникации. Когда я увидел раскопанный котлован, мне стало гурно. Каждый день оперативка, Лаврухин проводил ее в восемь утра. Мы ее посещали с директором нашего института В. С. Ковалем, который ужасно Лаврухина боялся, и когда тот начинал бушевать, Вадим Сергеевич терял сознание. Земля уходила у него из-под ног. Ну, а я ничего не терял. Обычно сидим на оперативке — тот орет. Вопль стоял потому, что директор стройки, некто Григорий Щиголь, в день нашего знакомства, когда началось рытье котлована, посмотрел презрительно и сразу «на ты» ко мне: Так это ты такое напроецировал? В граните полы? Ну, я это всё асфальтом закатаю. Эти все твои кривульки мы выровняем. — Я говорю: Потолок асфальтом не закатаешь. — Я ему тоже «на ты». Он: Ты смотри, какой черный, седым у меня станешь! — Я в ответ: Скорее ты помрешь.

Ужас какой!

Надо же выдерживать атаку! Оказалось, что жены Щиголя и Лаврухина сестры. И каждый день Лаврухин начинал с того, кто все это придумал! все надо переделать! А я каждый раз повторял, делать именно так. В последний день строительства, когда мы перетаскивали на места гранитные плиты (там были кривые ступени в кафе, и конечно строители их все перепутали), около двух часов ночи появился Лаврухин с командой начальников, и я вдруг слышу над собой: Да-а, был не прав, я к вам обращаюсь, архитектор! Нужно было делать, как вы запроектировали — и в граните полы. Прошу у вас прощения. Если еще будем сотрудничать, поддержку обещаю. — Вот такая преамбула к «Золотым воротам». Без Лаврухина мы бы не построили «Золотых ворот». Потому что был 1989-й год, рушились союзные связи, а мрамор был на Урале. В отчаянии иду к Вадиму Михайловичу Шарапову, главному архитектору Киевпроекта, в десять вечера он звонит Лаврухину. Тот работал до ночи. Идем в горисполком, секретаря уже нет, кабинет здоровенный, он сидит где-то в глубине: «У меня есть пять минут!» В итоге до трех ночи звонили

Площадь Л. Толстого, эскиз, 1981

на Урал, в кровать директору завода. Разговор был такой: «О, нет, мы не гадим. Что вы от нас хотите?» «А у нас есть камнерезное точное оборудование, мы вам пришлем». Короче, бартерным образом он договорился, в результате на станции у нас уральский мрамор. Распиливали на заводе «Гранит» на Левом берегу, обрабатывали на Беличанском комбинате. Мне пришлось каждый блок поштучно сопровождать, каждую машину, иначе бы разворовали.

Это к вопросу о профессии архитектора...

В том числе и к этому вопросу. Мало того, по каждому типу камня мы склеили из картона шаблоны в натуральную величину. Я прекрасно понимал, что по чертежам их не сделают. В итоге даже по шаблонам умудрились кое-где напортачить. Камни были непростыми — мы придумали их минимальной толщины, чтобы можно было сформировать колонны.

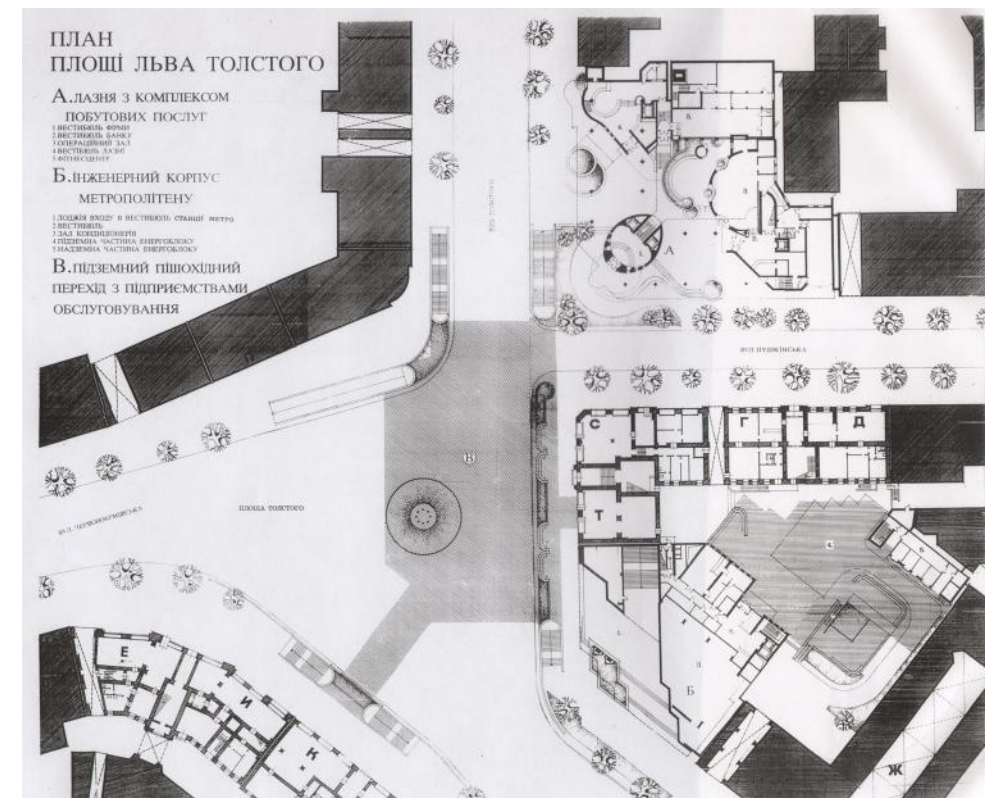
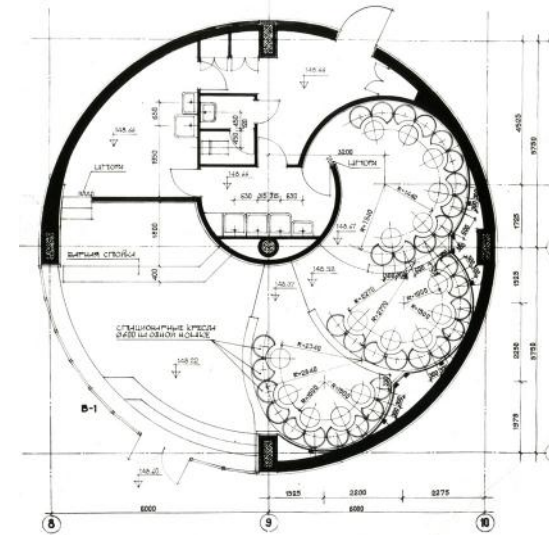
На Западе четко регламентировано, что включает в себя работа архитектора, инженера, поставщика и т. д...

Зато на родине приходилось заниматься буквально всем. Иначе невозможно было ничего сделать. Та же история с «плинфой». Я придумал комбинацию для декоративных вставок: имитация древнерусской смешан-

ной кладки «опус микстум». Должно быть что-то вроде плитки в сочетании с чем-то вроде камня. Ну, понятно, бутовые камни туда не положишь, значит, — в сочетании с мрамором. Вопрос: где взять плитку? Пришлось самому ехать в Славянск. Арки сформированы как бы из кирпича. На самом деле это не кирпич, а уголки, подвесная конструкция, которую я придумал, глядя на то, как сделано крепление для всей фасадной облицовки наших домов на Крещатике. На станции «Золотые ворота» вся плитка подвешенная, облицовочная. Это на самом деле нереальное все! «Плитка» получилась корявенькая, коржиками, и когда стали монтировать, хлопцы говорят: «Борисыч, смотри, что-то оно кривое»... Лаврухин на станцию спускался регулярно, раз в три дня. А попасть туда было не просто. Сперва спускаешься в клетки. Затем по щиколотку в воде, в резиновых сапогах, так как все тоннельные ходки залиты водой. Я каждый день спускался, вопросы были бесконечные. Но шахта была во дворе Киевпроекта, вышел и спустился.

Как были восприняты мозаики со святыми ликами?

О! после памятного совещания у Лаврухина на меня набросились художники. За грудки хватал Иван Литовченко: Ни один художник с тобой работать не будет! — Я говорю: Очень хорошо. — И позвонил своему товарищу художнику-монументалисту Грише Кориню. Он пригласил Владимира Федько. И мы втроем (папу я уже не привлекал) задумали галерею образов. Изначально я планировал только орнаменты и сказал им: «Ребята, вы понимаете, что меня посадят?» Лики святых в монументальной живописи — это было на грани. О своей затее мы никому не рассказывали. Жарикову я должен был периодически показывать картоны, и я показывал через один, только орнаменты. Но как их выполнить? Мозаика была задумана золотая, такое производили только под Петербургом. Туда помчался Гриша, но предприятие закрыли. Тогда на нашем стекольном комбинате в районе Московской площади нашли какую-то охру... В общем, ребята мотались, я мотался, несмотря на кучу других дел. Меня же не освобождали от проектной работы, это параллельно. Как это всё лепить, вниз головой и когда идут строительные работы? Я придумал кюветы-ванночки из металла, это мое изобретение. Нам дали помещение рядом с опускной шахтой, там мы посадили исполнителей, которые по нашим картонам в натуральную величину

План площади Л. Толстого и кафе в подземном переходе, 1981

Инженерный корпус Киевского метрополитена

выкладывали. Никто туда не попадал, никого мы туда не пускали, это было закрытое помещение. Готовая мозаика заклеивалась крафтом, чтобы якобы не запачкалась. Потом мы ее приварили, загеляли стыки и в предпоследний день сорвали крафт. И в это время как раз явился Лаврухин с начальником Метростроя и компанией.

И увидел лики...

Был конец 1989 года. Началось крушение КПСС. Весь идеологический сектор рухнул буквально за полгода, в течение которого мы работали. И параллельно стала подниматься волна украинизма. Народ вдруг понял, что Украина будет сама. И то, что мы сделали, абсолютно попало в жилу. Удивительно! Мы как бы нанесли первый удар. И вот компания Лаврухина заходит с конца туннеля, а я с рабочими стою на другом конце станции. Мозаики открыты. Я смотрю издалека — они остановились и стоят. Ну, думаю, сейчас мне уже всё. Конченный. Игу к ним. Подхожу, еще на расстоянии Лаврухин ко мне поворачивается: Что ты сделал! — Я спрашиваю: Что, плохо? — Гениально.

Вы рискованный человек.

Бояться нельзя. Я всегда говорю, есть три вещи для человека, не десять заповедей, а всего три: не ври, не кради и не бойся. Все остальное отсюда вытекает.

Отсутствие страха связано с тем, что ваш отец отсидел за здание на Банковой, к проектированию которого его привлек архитектор Григорьев?

Его не за это арестовали. Да, Григорьеву нужны были помощники, талантливые молодые архитекторы. И отец проектировал для этого здания главный вход и вестибюль. Но отца посадили совсем за другое. Ему «шили» и Промпартию, и... да что угодно «шили». Арестовали его в 1937-м, в день защиты диплома, когда он пришел домой переодеться, игйти на выпускной вечер, а его уже ждали. Почему? Потому что вокруг закладчики были.

ДОМ НА ЧКАЛОВА

У вас архитектурная династия, давайте перечислим всех.

Кроме мамы и папы у нас в семье дядя Коля — тоже архитектор, мамин брат, одно время жил с нами. По линии Жежериных до папы архитекторов не было. Папин дед художник, Владимир Дмитриевич Сонин, руко-

вогил росписью Троицкой Нагвратной церкви в Лавре, расписывал теперь не существующие Георгиевскую церковь, Ирнинскую. Был другом Ижакевича, другом Врубеля. Даже есть эту Врубеля, который мы подарили музею. Очень я теперь жалею, что подарили, потому что нигде его не вижу. А родители папы совсем не архитектурно-художественных профессий, педагоги, биологи. Один папин брат биолог, другой авиаконструктор, достаточно засекреченный, в Жуковском работал.

До окончания работ по ВДНХ родители работали вместе, потом их разделили по разным мастерским. Мама для выставки проектировала все рестораны и кафе («Прага», «Весна», «Лето»), фонтаны и благоустройство, а папа — главный павильон. В семье моя жена Тамара и дети Ирина и Мария тоже классные архитекторы. А внуки пока неизвестно кто.

Как я заметила, музыканты, пианисты...

Ну, не совсем, это для себя. Музыкант как профессия бешеный труд. Но мне, честно говоря, мало импонирует музыкальное сообщество. Все-таки среди архитекторов никакой зависти к коллегам не было, наоборот.

Где вы жили в Киеве с родителями?

На ул. Чкалова 36 (теперь ул. О. Гончара), чуть ниже Ярославова вала, между Валом и Чеховским переулком. Это была квартира дед, отца моей мамы, который купил ее в 1920-м году. Его звали Александр Михайлович Гусев. Он вместе со своим отцом вошел в книгу самых богатых людей России 1913 года. Дед был не просто богатый человек, он получил блестящее берлинское образование, инженер-энергетик. Когда выучился в Берлине, вернулся в Россию и организовал серьезное производство. Образовался целый семейный клан, несколько фамилий, представители которых пережились между собой. Они создали крупные предприятия, практически построили новый промышленный город в Клинцах, знаменитом «Манчестере Черниговской губернии» (теперь Брянская обл. РФ). Одно из направлений дедушкиного производства — суконная промышленность. Его предприятия были поставщиками императорской армии, за что он получил именное дворянство. А потом начались революционные события. И вот дед с семьей (мама родилась в 1918 году, дядя Коля — в 1916-м) оказался в Крыму с билетами на пароход, чтобы отправиться куда-нибудь подальше, например, в Париж. Но в последний момент сказал: из России не уеду. И совершил ошибку... Остался, вернулся в Киев,

С дочерью Ириной и внуком Фёгором у Гроба Господня, фото Тамары Артёмко, 2016

купил квартиру № 11 на ул. Гершуни 36, так тогда называлась улица, на третьем этаже... А в 1924 году скорострительно скончался. Бабушку забрали в 1938-м и расстреляли как немецкую шпионку.

Потому что дед учился в Германии?

Видимо. А его брат в Германии остался. Даже письма оттуда хранились в семье. Бабушка преподавала математику в техникуме, в свое время она окончила Высшие женские курсы. В 1938-м мама и ее брат остались сиротами.

Дом сохранился?

Да, четырехэтажный доходный во дворе. Первый домик, стоящий по фасаду, двухэтажный, а за ним наш. В этом доме я и родился. Квартиру, конечно, «уплотнили», стирая, так сказать, классовые различия, превратили в коммуналку. В этой квартире всегда собиралась большая компания, все мамин институтские соученики, и Авва Милецкий, и многие другие. С дядей Колей, например, учился Алик Малиновский. Кого только не было! Почти все киевские архитекторы. Их было не так много, как сейчас.

Помню, после смерти Сталина люди начали возвращаться из ссылки, и если им негде было переночевать в Киеве, первым делом приходили к нам. У нас был «проходной двор». Меня, мальчишку, никогда не отстраняли

Дом на Чкалова 36, квартира на третьем этаже слева

и от компании не прятали. Поэтому я слышал все истории, все рассказы. И поэтому понимал и знал гораздо больше сверстников. Когда нам было лет по четырнадцать, я говорил, мол, этот и тот — преступники и негодяи, соученики бросались на меня с кулаками. А когда нам стало по двадцать—двадцать пять, удивлялись: откуда ты знал? И, конечно, у нас в доме устраивались всякие праздники, гулянки, архитектурные посиделки... Виктор Некрасов и Авва Милецкий бывали в гостях постоянно, Добровольский пореже (у Толи были перемены в личной жизни, новая семья). Всегда полно народу! Весь Гипрограф потом, часть Киевпроекта, Гриша Слуцкий... Во всяком случае, когда студентом третьего курса я пришел в Киевпроект на практику, на каждом этаже встречал дядек, которые выпивали у нас за столом. При этом всё говорили в открытую, и никогда информация за стены дома не вышла. Соседями по коммуналке были две еврейские семьи, и жили мы невероятно дружно. Жизнь проходила во дворах, это была какая-то другая жизнь, не похожая на сегодняшнюю. Общение довольно широкое. И патронажа родительского было мало. Сейчас гети как рабы: их пасут, с ними ходят всё время. А мы были свободными. Свободными были! Понимаете? Мы сами бегали по этому городу, сами изучали и знали

все его закоулки, горки, его устройство, его «проходные» дворы.

1950-е, восстановление Крещатика...

Вокруг этого как-то «сгрудилось» население, подтянулись и культурные ветви. Атмосфера 1950—1960-х была совсем неплохая. Это юность, мои любимые школьные друзья. «Началось» в институте, после 1964 года — закрутки, партийные бонзы, комсомольские «примочки». Понятно, исторически это было неизбежно. Тем не менее, был институтский коллектив, вначале мне чуждый и даже враждебный. Постепенно удалось ассимилироваться, привыкнуть к их подходам и пониманию. Студенты были очень разного уровня, многие после армии, со льготным поступлением. У нас, школьников, пятнадцать человек на место, а у них и трех не было, поэтому мы оказались в меньшинстве. Поначалу к нам было командно-враждебное отношение. Они думали, что можно нас это, как в армии... но получили отпор. Оказалось, что мы интеллектуально значительно сильнее, и мы уже им показывали, как надо проектировать.

Есть ли у Киева формула?

H₂O. Я считаю, что город без воды вообще не может быть. Днепр, конечно. Главный. Если это потерять, вообще города не станет. Это последнее, что тут осталось, последнее великое. Вот, если бы действительно удалось мотлох весь расчистить на днепровских островах... В свое время я даже начал с этого. В 1972-м у нас была такая работа «Гардероб на Центральном пляже». Если знаете Центральный пляж, Пешеходный мост, и справа был гардероб-сарайчик. В этом сарайчике я раздевался мальчишкой. Тогда пляж был пошире, это потом его подперла вода Каневского водохранилища. Пляжи были шикарные. У нас там был свой грибок, мы школьниками приходили туда заниматься. С мая проводили там все время. И в футбол, и поплавать. В общем, там было классно. В гардеробе раздевались, а под грибком вешали вещи, и жили там. Этот пляж для меня был родной.

КОКТЕБЕЛЬ И ЖОКИВ

Расскажите о маме.

Мама была спортсменкой, играла в волейбол, большой теннис и прекрасно гребла одним веслом. Каждое лето мы ехали куда-нибудь. То в село какое-нибудь, где снимали в хате уголок. То на Азовское море, то на

Чёрное. Или здесь, на Десну, на Днепр. Ездили мы всегда, все мое детство. Папа обычно никуда не ездил, папа все время работал, его летом не отпускали. И вот в один прекрасный момент мама говорит: едем в Коктебель! 1953-й год, мне шесть с половиной, перед самой школой. Поехали в Крым, в Феодосии нас встречает Юрий Сергеевич Асеев. Военный грузовичок, сейчас даже в кино такой не увидишь — разломанный, деревянный, весь из досок сбитый, кошмар! Дорог никаких, грунтовка проезжая, пыльная. Степь, море, холмы выжженные, сизые. А навстречу вдруг плетутся цыгане, табор с кибитками, настоящий. Коктебель... замечательное было место. Ничего подобного тому, что сейчас. Никаких сооружений. В степи, возле моря, домик Волошина. Поселок в виде одной улицы, перпендикулярной берегу. Татарские домики, десятка два... А выше, на маленьком плато вел раскопки Асеев. Чуть в стороне военная часть, солдаты вкопали два столба, натянули шитый из простыней экран и — показывали кино. Я там смотрел «Суворова», «Чапаева»... Причем с обратной стороны экрана, он же прозрачный! смешно было и интересно.

А Асеев копал какое-то древнее городище. Со мной был местный маленький мальчик, и мы вдвоем лазили по раскопам. Асеев на нас покрикивал, и не зря. Что-то там было огорожено колючей проволокой, я под ней пролез и распорол ржавыми шипами спину. В море все зажило быстро, а шрамы до сих пор есть.

Мы снимали комнатку у старой гречанки, которая не ходила. Но великолепно готовила. Ее звали Вера Христофоровна. У нее была небольшая семья. Других местных я не помню. Татары все были выселены. Не было уженикого, кроме одной-двух греческих семей. И гачники. Мы были гачниками, еще одна семья замечательная из Москвы, он профессор энтомолог, она ботаник. И еще одна пара — «балерун» из Большого театра, а она геолог. С кем-то я ловил бабочек, с кем-то собирал растения, ходили на Карадаг. Спускаешься вниз — татарские виноградники... Домик Волошина жил своей жизнью, нас приглашали, мы заходили, как-то цветы собрали, принесли... Чистое море, пустынные пляжи, и рыбаки каждый день уходили в море...

Ваша мама училась в КИСИ вместе с Ю. С. Асеевым, они грузили?

Да, и кроме того Асеев был другом маминого брата, Николая Александровича Гусева, завкафедрой КИСИ. Асеев был влюблен без-

умно в профессора Моргилевского, который преподавал историю архитектуры. И всячески пытался погрязать кумиру. Мама вспоминала, как смешно маленький Юра копировал высокого и благообразного мужа. Еще она рассказывала: Моргилевского заставили подписать какую-то бумагу о сносе Михайловского собора. В тот день он опоздал на лекцию, пришел, сел за стол... и заплакал.

В решении о сносе собора от Моргилевского ничего не зависело. Его подпись, скорее всего, связана с комиссией по демонтажу мозаик и фресок, которые таким образом удалось спасти. Сам же Моргилевский сделал точные обмеры и фотофиксацию, по которым собор и восстановлен.

Это понятно, у него не было выхода, но он очень переживал. Моргилевский был блестящий преподаватель, ему многие поклонялись, а Юра Асеев просто за ним хвостиком бежал. Уже тогда было ясно, что Асеев более склонен к истории архитектуры, нежели к архитектурной практике; так и случилось. И это хорошо, потому что у каждого есть свое предназначение. Асеев поймал свое призвание еще тогда. Если бы он не встретил Моргилевского, не стал бы Асеевым. Ну, а у Юрия Сергеевича тоже были проблемы с тем, что он из семьи репрессированного архитектора Дмитра Дяченко. В то время по родственным связям могли привлечь к чему угодно. Но так «возникали» люди и формировались характеры. Асеев был на редкость увлеченным человеком, как и Моргилевский. Я бы сказал, что жизнь их прошла хорошо. Они получали удовольствие от того, что делали... Даже от того, что на станции метро «Золотые ворота» Жежерин (о себе. — А+С) поставил неправильную колонну «из римской базилики»... Когда я ездил по древнерусским городам, нашел почти аналог моей колонне где-то в Подмосковье, в памятниках Золотого кольца, XIII–XIV вв., вполне русская архитектура, еще от Руси, а не от татарского наследия. Так что «преступления» перед историей архитектуры я не совершил.

Самое яркое впечатление вашей жизни?

Самый яркий эпизод — когда мне не было еще трех лет. Есть село Жокив на Десне, как мне потом сказали. Пришел туда галоша-пароход, и вышел мой папа, и подарил мне мяч, какой-то надутый. Он был такой из зеленых и красных секторов. Самое яркое воспоминание... Солнечный день. Такие

вербы сумасшедшие! Эти огромные осокоры, стоят на берегу... Бережок, и огород туда уходит. А в огороде — огромные цветы гарбузов, желтые. Такая красота! С ума можно сойти.

КИЕВПРОЕКТ

Как происходило ваше погружение в архитектуру?

С четырех лет, с сознательного возраста, все время был в архитектурной среде. Постоянно. Что заставило меня любить архитекторов, любить их работу, понимать их трагедии, потому что каждый день я видел, что происходит с моими родителями, которые приходили после тяжелого труда к ночи домой и еще по ночам сидели и чертили. Мне повезло, что в четырнадцать лет мне первый раз говорили отмыкать фасад. И дальше я все время крутился в этой среде и слышал все, что поминалось про советскую власть, про власть вообще как таковую, про архитекторов. Я утонул в архитектурной жизни. И когда я уже шел работать, с 1968 года меня приютил А. М. Милецкий в Киевпроекте, то памятники делал на кладбище для его грузей, то еще что-то проектировал, всё, как положено. И в конечном итоге я понял, что-то с этим нужно делать...

Ваше поколение прошло достаточно схожую архитектурную школу...

Все мы оказались в Киевпроекте. Саша Колесников, Саша Кутовой пришли позже. До меня — Витя Розенберг и Саша Зорин. Потом Янош Виг, Саша Комаровский, Лёня Филенко. В общем, архитекторы, которых сегодня знают. И какая-то внутренняя конкуренция была. Мы работали в разных мастерских, заглядывали друг к другу посмотреть, обсудить. Каждый на своем рабочем месте пахал и каждый хотел что-то построить. Каждый мечтал, чтобы дали право разработать индивидуальный проект, а тогда такое право было очень трудно получить. Ведь было страшное засилье Киевгорстроя, который не давал ничего сделать, только из типовых панелей. Экспертизы не было — только горстроевская экспертиза. Когда туда передавали нетиповой проект, ответом был отказ. И вот, если кому-то удавалось сделать что-то нетиповое, торжествовал весь архитектурный цех, потому что это был прецедент. Когда у Яноша Вига получилось построить здание посольства Венгрии, я очень обрадовался за него, хотя мы были тогда едва зна-

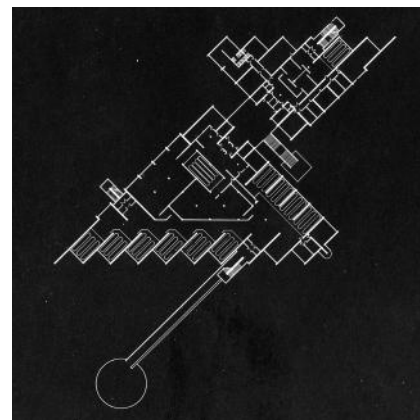
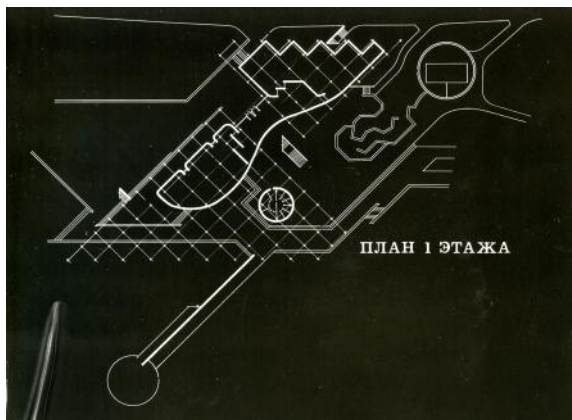
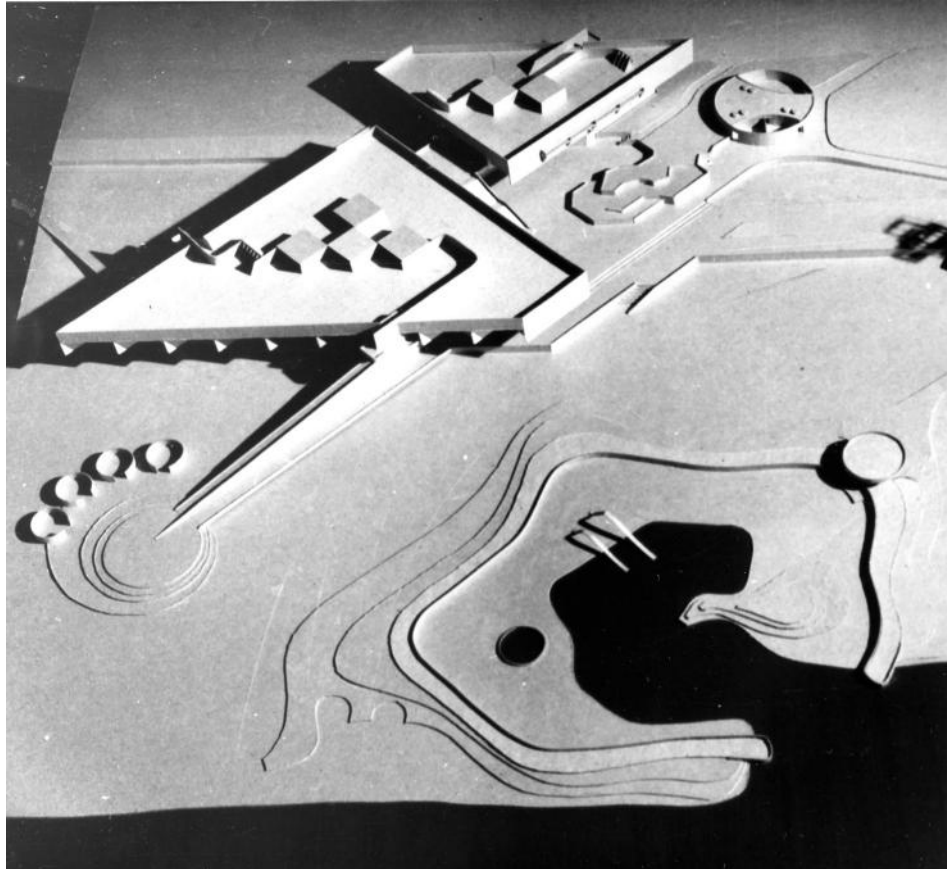

Дом с подземным паркингом на ул. И. Франко 24-А, 1971

комы. Я подумал: оказывается, можно что-то хорошее сделать совершенно по-новому. Время было такое — все хотели выскочить из-под давления строительного комплекса. Были совершенно другие задачи. Все прекрасно понимали: главное, дайте только возможность. Сейчас вроде бы что-то можно и сотворить, монолит и всё такое. А никто ничего не творит. Ничего интересного. Ни одного интересного сооружения. Ни одного.

Как в те годы проходили Грагсоветы?

Когда я пришел в Киевпроект, Грагсоветов при ГлавАПУ не было вообще. Киевпроект находился там, где сейчас Главархитектура. И в зале под стеклянным фонарем проходили советы Киевпроекта. Это была школа. Собирались все мэтры. Очень интересные были выступления. Иногда сходились в жестокой схватке, чуть ли не на потасовку. Тем не менее, это было полезно. Мы получали возможность совершенно другого видения

Гардероб на Трухановом острове, 1972

и обсуждения. Из Киевпроекта не выходил ни один объект, который не обсуждался. Но никто не мог себе позволить на Печерске то, что построено сегодня. Были интересные случаи, когда проводились конкурсы. Например, Толя Добровольский всю ночь красил перспективу, выставил, шикарная получилась перспектива. Приходит комиссия, а перспективы нет. А где? Ведь самая красивая была, госки огромные! Ищали сутки, нашли на чердаке. А кто же туда засунул? Да вот какой-то тут проходил, сказал, чтобы это убрать. Предполагали, что это был Милецкий. Вот такие негодяи! (Смеется).

Когда начался «ваш Киевпроект»?

Сразу после института пошел в 6-ю мастерскую к Э. А. Бильскому, проектировали Виноградарь. Тут же забрали в армию. Когда в 1971-м вернулся, ГАПом у меня была Г. Ф. Добровольская. К Милецкому мне уже не хотелось, хотя Милецкий меня «выписал», погал на меня заявку. У Милецкого я был на практике в 67, 68 и в 69-м, ходил к нему даже подрабатывать... Теперь было нужно что-то другое, и тут возле Киевпроекта я встретил Галину Феготовну, она: «Вагька, давай к нам, у нас так классно! Сева Суворов — ГАП, а я у него подгапок. Скиба (Скибицкий. — А+С) ушел главным архитектором Киевпроекта, а я вместо него. Приходи! У нас Сашка Колесников работает, он в армию уходит, а ты как раз вернулся!»

И сразу навалилось... Мне дали «свою» работу, что бывало редко, дом на ул. Франко 24 для сотрудников посольств, во дворе — никто его не знает и не видит. Впервые в Киеве в нем был устроен подземный паркинг. Галя наставляет: «Вот сам и веди, сам проектируй и стройку веди, всё». Колоссальная школа! Тогда параллельно на ул. Урицкого мы «нашлепали» типовые дома...

ГАРДЕРОБ НА ПЛЯЖЕ

А потом наступил 1972-й...

Для меня главным стал объект «Гардероб на Центральном пляже». Галка нарисовала какой-то эскиз, но ей было некогда этим заниматься, она в это время проектировала консульства. Янош венгерское, а Галя — польское, чешское и немецкое (сейчас канадское, словацкое и польское консульства). А тут — гардероб! Этот проект Галя поручила Людмиле Мосийчук, но Люда пытела что-то еще, «по дороге», занимаясь своими объектами.

В общем, гардероб был бросовым для всех, но — висит в плане, и делать надо... А я так пляж любил! и сказал: Феготовна, давайте, я сделаю гардероб в свободное от основной работы время. — Ну, делай!

Взял схему М 1:5000 всех островов, вдоль берега с отступом 50–70 м сделал рокадные дороги. По ним, по моему замыслу, должны были бегать электро-трамвайчики, развозящие людей, чтобы не концентрировались на одном пляже. Устроил островки ресторанчиков. В конечном итоге, поставил гардероб, сделал макет. Увидев все это, Сева Суворов сказал: «Всё! ставим на Совет!» А там у нас был такой Николай Вячеславович Холостенко...

Вы его застали?

Во всей красе. Он был язвительный, яг лился, как из дракона, на всех архитекторов. Умел сформулировать! но по делу. Он видел то, чего другие не замечали. И вот выставляю проект, впервые сам защищаю. «Кто хочет сказать? — Скибицкий вел, — Николай Вячеславович!» Ну, гумаю: всё... Он вышел, старенький такой: «Вот вы тут сидите все, мастера архитектуры, а это первый нормальный проект, который я увидел за последние пять лет». Вот такой был «Гардероб» на Центральном пляже, который до сих пор вспоминаю, он получил первую премию на госстроевском конкурсе лучших проектов года. Жена повторяет: наверно это был твой лучший проект.

Была хоть какая-то реализация?

Не дали финансирования. Я его с удовольствием построил бы хоть сейчас. Фотографии остались, очень простой проект. У меня раньше висел макет, но он сгорел во время пожара в Киевпроекте. Этот проект для меня действительно значим. Без чьих-либо наущений я впервые оформил свое представление о должном. Причем проект был сделан в пределах типовых конструкций. Киевгорстрой его мог легко построить. В целом схема островов...

Там же потрясающие места отдыха!

То, что теперь там этот недостроенный мост метро, — просто преступление. Против этого моста я боролся, когда его выставили на Градсовет Лишанский с Дёминым. Этот мост вдруг появился в генплане 1984 года. Я вышел, еще сравнительно молодой, и говорю, что в генеральном плане мост этот поставлен ошибочно, его нельзя здесь делать. Нельзя этот остров, потрясающий совершенно, членить транспортными магистра-

“Панорама” на ул. Б. Житомирская 20, 2006–2009

лями, там, где должна быть зона отдыха. Вот есть рядом железнодорожный мост — ставьте параллельно ему и рядом с ним! Там есть коридоры, незанятые никакими постройками. На что мне ответили: у тебя домик на Русановских садах, и ты боишься, что по тебе это поедет. Я говорю: «Да к чертовой матери! у меня там еще ничего нет, просто это — неправильно!»

Ну, видите, а все уже привыкли, и никого не волнует.

Не привыкли, этот мост, его же на самом деле еще нет. Он построен в никуда, на него неоткуда заехать и некуда выехать. А в том коридоре, если бы его сделали параллельно, можно развернуться... Ко мне Лишанский потом подошел: «Ну, Вагюша, ты еще маленький, ты не понимаешь. Там такое русло, там приливное течение, там нельзя ставить опоры». Я говорю: да переплунуть одним махом, там не нужны никакие опоры, какие-то збм, это ерунда, а не мост. — «Нет, ты не понимаешь...» Дёмин: «Да пацан, пацан еще, о чем с ним говорить...» Вот этот «мост» стоит десять лет. И бюджет стоять! потому что нельзя делать такие градостроительные ошибки. И уничтожены совершенно потрясающие озера, эндемические

Дипломат-Холл, 1994–1999

травы, еще со времен Руси сохранившиеся. Много чего уничтожили.

Но еще есть острова, не совсем затоптанные.

Вот это и есть «формула Киева». Еще есть. Тем не менее, с каждым годом становится опаснее, потому что все больше пытаются наложить на острова руки. Как этого не допустить, я не знаю. Острова, днепровские склоны с церквями это главная формула нашего города. Ну, и, конечно же, структура улиц в рельефе, которые легли по водоразделам, тальвегам, бывшим руслам ручьев — это совершенно потрясающая топография.

КАМНИ И ЛЮДИ

Если отойти от профессии и посмотреть не через архитектуру на город Киев...

Конечно, город не только камни, это люди. Но люди, которые выросли в разных камнях, это разные люди. Люди, которые бродят по Майдану, не похожи на людей, которые ходили по площади Калинина среди цветущих

ших сакур, росших, где сейчас перед гостиницей "Украина" вместо зеленого склона «стеклянная ГЭС». Это были другие люди другого отношения, и даже поведения. Как они проводили время? Не было такого количества машин, не было компьютеров, всё другое. У них было общение, у них были книги, был пляж, Труханов остров, на котором в выходной день отдыхали сотни тысяч. Сейчас там никого нет.

Как это зависит от «камней»?

Зависит от способа жизни и организации среды, всё связано. Самое страшное, люди, которые тонко это чувствовали, допустили то, что в конечном итоге получилось. Конечно, их «ушли» и — разбавили. Первая атака случилась в начале 1960-х, когда селянам дали паспорта, и люди стали бежать в города на стройки, стали заселять Киев. Это очевидно разбавило население, оно стало другим, не хочу сказать плохим — другим.

Плюс волны эмиграции.

В 1970-х начался исход. Много грузей, много умных людей, которые уехали и которые были частью этого города. И, может быть, если бы все эти части города не так сформировались, не было бы такого результата в конечном итоге, такой жизни. Может быть, эта страна была бы немножко другой. Мне приходили в голову смешные идеи: ну, зачем был нужен этот исход в Израиль? У нас есть Одесская область. Давайте организуем там автономную еврейскую республику! Никто бы не уехал, все бы прекрасно жили. Никакой Палестины рядом. И все наши ребята, умные и трудоспособные. У меня масса грузей в Израиле и Америке, по всему миру разбросало. Постепенно: революция, войны, волны...

ЭЙ, НАЧАЛЬНИК!

В чем градостроительная особенность Киева?

Вообще код Киева — это проходные дворы. Потому что большие кварталы. Они в свое время были разделены на усадьбы. Потом усадьбы исчезли, и получились проходные дворы с большими территориями, часто бросовыми. Так обидно! Именно так можно было сделать и в Киеве, просто потрясающе! : пешеходные зоны, скверы, внутренние пространства. Совершенно уникальные! Все убито гаражами и мусорными постройками. Сейчас туда впишут 25-этажки. Начиная с 1992–1993-го я на Градсоветах постоянно выступал, мол, давайте сделаем правила

застройки по каждому кварталу! Тридцать здоровенных мужиков, сидя на Градсовете, тратят день впустую, ничего не создавая. Их бы разбить по группам, раздать опорные планы, пройти по каждому кварталу, хотя бы центральной части города. Отметить, что подлежит сносу, что не подлежит, где можно надстроить, где нельзя. Разработать правила и принять их на Совете, сделать даже проектные, легкие эскизные предложения как ограничения и условия.

Казалось бы, просто!

Я готов за месяц сделать три квартала. Взял бы пару ребят, обосновали бы внутриквартальные пассажи, проходы... Ни черта (черта — линия, часть плана. — А+С)! Продолжаем рассматривать друг друга, кто как окна нарисует. С невероятным упорством, совершенно не понимая ничего в целом. Всё продолжается до сих пор. Я на нынешние Градсоветы стараюсь не ходить, не вижу смысла. Когда-то мы со Шпарой заявили, что категорически протестуем против таких собраний и выходим из членов Градостроительного совета. Все должно быть абсолютно по-другому. Все могло сработать. Необходим нормальный рабочий орган, который рассматривает и формирует условия для архитекторов и заказчиков, чтобы они понимали: сделать то, что им хочется, можно, но в определенных пределах. За двадцать пять лет вполне реально было всё разработать. Однако Киевграда не хочет, по сей день. Не выгодно.

Есть ли пример желаемого и реализованного?

Париж. Идем по Елисейским полям, группа архитекторов. Направо арка — подсвеченная, как у нас вход в подъезд где-нибудь на Красноармейской. Давайте-ка зайдем! — говорю. И пошли по «проходникам». А там! и фонтаны, и галереи, и кофейни... Все внутренние пространства разыграны пешеходными зонами. В середине 1980-х я рисовал большой пешеходный пассаж внутри квартала между бульваром Шевченко, площадью Толстого, улицами Красноармейской и Пушкинской — получился бы шикарный променада! Там мы как раз отель делали, и «под эту лавочку» можно было все расчистить. В итоге нет ничего. В Париже можно, а здесь нельзя. Можно только что делать — продавать эту землю и застраивать всякой грянью. И оно никакое: там и сям торчит ни к селу, ни к городу. Я не хочу критиковать архитекторов, ведь ничего и сделать нельзя. Это просто градостроительный абсурд, что бы ты там ни поставил.

Бизнес-центр «Лукьяновский» ("Топаз") в Киеве, 2005–2008

Справа — комплекс на ул. Владимирской 47–53, 2001–2004

ВЫСКОЧИЛ ИЗ ПОДЪЕЗДА — И ПОПАЛ

Какой самый большой вызов городу сегодня?

Отвратительная, хамская система бесконтрольной застройки. Закон 2011 г. «О регулировании градостроительной деятельности» уничтожил любой контроль со стороны и Главархитектуры и профессиональной общественности. Фактически никаких правил нет. Я не могу сказать, что все, что было, мне нравилось. Но СНиПы должно было заменить серьезными градостроительными условиями, разработанными профессиональным сообществом и согласованными городской общиной. Правила должны быть. А когда раздерибанены, распроданы все земли под непонятно что, мы не знаем, что где вылезет. Как в детских мультиках, вдруг из-под земли вылезает жуткое чудовище и набрасывается на кого-нибудь. Причем в любом месте. Левобережный центр, который мы берегли в надежде, что город получит гублёр-центр, чтоб не кататься туда-сюда, застраивается жильем. Кто? Почему?

Как относиться к тотальной застройке вдоль реки?

Восточное русло Днепра почему-то объявили не рекой, а второстепенной протокой, и строить теперь можно не в ста метрах от воды, а в пятидесяти. Охранный же кодекс предусматривает 100-метровую зону. Но

Русановские протоки это, видите ли, не главное русло, — так придумали. Это подло. Это всё надо тут же в криминал, и взорвать то, что сейчас там строится. Есть такие организации, их несколько всего-навсего в Киеве, которые монопольно имеют десятки лучших участков в городе. Почему они вдруг их имеют? Разборка должна идти на уровне матроса Железняка; один пригнись, остальных расстрелять.

Ну, вы наверное погорячились?

Это настоящая уголовка. И более того, это преступление перед будущим. Город теряет свое обличье катастрофически. Каждый день.

Ехал недавно по Левому берегу и думал, никогда Троещина не станет городом, никогда Левобережный не будет городом. Потому что формирование застройки — не городское. Увы, это наша работа на массивах, которую я прошел в полной мере... Я знаю, как это делается и формируется. Это сложная, совсем не простая работа, очень много потрачено сил. Но этот принцип в конечном итоге не создает городской среды. Он не то чтобы антигуманный, нет, в нем есть определенные постулаты, которые дают возможность как-то организовать жизнь. Но это не адекватно человеческому ощущению комфорта и пространства. Все время на выгуле, на каком-то продувании. Приезжаешь в старый итальянский город, там пьядетта, площадь маленькая, где ты сидишь под колоннадами, аркадами, и это один мир, и есть переход от малого к большому. А здесь сразу, выскочил из подъезда — и попал в никуда.

Андрей Боков до сих пор любит критиковать модернизм в архитектуре.

К сожалению, это эпоха. Она привела к такому формированию пространства. Но мы от этого никуда не ушли, мы продолжаем. Эти дылды, которые мы повсеместно втыкаем в виде 25-этажек, это же продолжение все того же. Превращение нашей исторической застройки в жилмассив. Вместо того чтобы создавать камерное пространство и эстетствовать. Но заказа на это нет. Продаются такие-то квартиры — гелай! Причем кто попало делает. Если архитектор говорит, что так делать не наго, лучше не 25 этажей, а девять, дворики... Выйдем на те же площади! Нет, говорит заказчик, нам это не подходит, наго сделать один план и поднять 25 этажей. На Печерске такие лезут, как грибы, один за другим, продолжая уничтожать совершенно потрясающий, сказочный, я бы сказал — легендарный, силуэт. Который не повторится уже никогда.

Людмила шаринова

Борис Ерофалов, сотрудник & english apprentice

Людмила Борисовна Шарина переводчик. Она знает что-то около двенадцати-пятнадцати языков. Она попала в киевский НИИ теории и истории архитектуры примерно в то же время, что и я (в середине 1980-х), но лет на 7–8 раньше. И как бы само собою разумеющимся образом заняла нишу лучшего, или иначе — экстраординарного переводчика. Помимо нее были еще две Люси-переводчицы, Климентьева и Сарычева. Но если нужно было переводить аббата Суггерия со старо-французского, то В. А. Никитин обращался к Шариновой, больше не к кому. Еще она переводила Де Волана для В. И. Тимофеенко, это уже классицизм. И модернистскую западную литературу, всё об архитектуре — для «сектора архитектуры социалистических стран» (в те годы это был своего рода интеллектуальный центр института: А. П. Зинченко, Никитин, С. А. Сёмин, В. Л. Авксентьев). Конечно, «прискипливым» отношением к слову Шарина могла извести кого угодно, за это и ценили. При шатании значений, нюансных различиях и тонких дефинициях она доставала с полки любимый оксфордский словарь, своеобразный дорстопбук, и сладострастно смаковала словесные характеристики и смысловые разломы. Да, библиотека ее обширна, и словарей много, и зарубежной литературы на оригинальных языках, и поэзии, и вообще. И собеседник она широкого профиля, понимающий, гуманитарно-феерический и искрометный, что само по себе редкость, тем более с гендерной точки зрения. Ну, и еще раз о слове. Точность слова в ее интерпретации, его удобосказуемость, простота и доходчивость фразы — обязательная и непрекаемая норма. Пока не будет кататься во рту как круглый камешек, не будет выпущено в свет. Причем процесс перевода, точнее, складывания текста, литературного или общесказуемого, мог занимать у нее любое время — искусство превыше всего. За что мы ее и любим, за что и опасаемся...

фото: Борис ЕРОФАЛОВ, 2016

о городе *оттаявших слов*

С Людмилой ШАРИНОВОЙ беседовала Елена НЕНАШЕВА

Для беседы с Людмилой Борисовной я придумала вопрос «о вовлеченности в акт вербальной коммуникации с городом».

Что же вы смеетесь, Людмила Борисовна?

Это напомнило мне классику солдатского фольклора про рядового Оскрѣдкова. «Оно, хошша, возможно, но что касаемо, то безусловно». Вот это тебе насчет «вербальной коммуникации».

Если бы я могла объяснить, за что люблю этот город... Подумала сейчас о гражданине Рабле. Помнишь, как Пантагрюэль в открытом море услышал разные оттаявшие слова? Когда-то звучавшие и застывшие. Будто их произнесли в холодную зиму, и они замерзли в ледяном воздухе. А теперь оттаяли и вновь становятся слышимыми. Точно так же происходит с каждым из киевских домов, которые я когда-то «присвоила». Вдруг оттаивают слова. И складываются в истории...

Это о городе, от которого без оттаявших слов не останется ничего, кроме «камня на камне»?

Да, о нем. «Ум вялый к истине восходит через конкретное», — говорим Суггерий и я. Оттаивает разное. Вот Центральный стадион — уж казалось бы... Сын меня решил приобщить к футболу. Привел. Усадил. Рядом пьяная в дым баба, молодая. Ее спутник. Семечки. Флажками размахивают. И матерятся так, что куда там! Глянула на меня и говорит: Дать вам флажка? Тем временем Серѣжа уже нашел себе собеседника и обсуждает футбольные дела, а я одна-одинешенька. И я боюсь их, этих с флажками. Дать, — говорю. — Дать мне флажка. — Махайте! — тут же запускает меня в дело соседка. А семечек вам дать? — Дать. — Лузайте! Вот я сижу, лузаю и махаю. И что? В результате мы выигрываем. И тут у меня всякие мысли... А что если все будут лузать и махать, а те будут бегать... В общем-то вот тебе наверно и «формула». Когда всё хорошо и всё спокойно, когда даже я смирно лузаю и махаю... но как же это грустно.

А теперь о веселом. На углу Большой Житомирской и Гончара было когда-то одно заведение...

«Кобза» — кафе при художественных мастерских.

Нет, еще до «Кобзы». А мастерская была обувная.

Я пришла забирать свои туфли и застала сцену. Уборщица, видно, закончила смену, собирается уходить. «Вже йду», — каже. А сапожник ей: «Клавдя!» (мне страшно нравится) «Клавдя, ты почему у меня под верстаком не погмела?» Он наверно хотел сказать по-украински: «верстат». На что она ему отвечает: «Я погмела». А он ей: «Не пизди, Клавдя». Она, без витівок: «А я и не пиздю...» И остановилась на выходе. Дверь приоткрыла и не уходит, ждет чего-то... И чего она медлит, чого зволікає? Что там еще осталось недоговоренным после такого обмена любезностями? Стоит, ждет... Вдруг что-то вней просветлело, говорит: «Не пизжу...» И удалилась. **Это о том, «как среди замерзших слов Пантагрюэль нашел непристойности», и как в Киеве любая уборщица ощущает язык гораздо шире его коммуникативных задач!**

Это точно. В Киеве сложилась великолепная билингва. Сейчас в Верховной Раде ни на русском, ни на украинском никто не склоняет числительных. Это абсолютно ушло в далекое прошлое. А тогда, в сапожной мастерской, я пришла в такой восторг, что не знала, куда деваться. Значит, советская школа, простите, ее хорошо учила. Не хожу, а хожу, не бую, а бую, не гляжу, а гляжу... И вот она, поставленная в такие собачьи условия — с ней так разговаривают! — а она побегала формой. Вегь здорово!

А, хотите, заговорит целая улица, к примеру, взбирающаяся вверх от Майдана Незалежности, Мало-Житомирская? Когда я иду поней, мне кажется, что людские ручейки, струящиеся вверх или вниз, заняты только выяснением одного: А вы не подскажете, где здесь знахарка Феня живет? Знахарка Феня. А ведь мне довелось ее знать. Она моя несостоявшаяся работодательница. Год 1970. Я, послеаппендицитная, в Печерской райбольнице. Палата человек на десять. Через пару дней привозят женщину, упавшую с лестницы и повредившую позвоночник. Ее одноглазый сожитель сразу же приходит утешать, с порога приветствует нас: Здрастуйте, женщины. — И без паузы: Феня, то я віг тебе пігу, бо ты вже женщины конченна, а я ще мущина невірлений. (Я считаю это эталоном утешительной речи). После его ухода Феня явно взбодрилась и принялась за дело. — А ну, погодиди сюда, — сказала она мне. — Я недавно по лесу гуляла, старичка встретила, китайца, который здорово китайские травы и народную медицину знает, только некому все это передать. Один он. Оужаю, беремо торт и бутылку і до нього. Ты грамотная, в тебе пам'ять. — Я отказалась. А ведь постановка дела была на уров-

не. Наверное, нашла кого-нибудь другого, грамотного и с памятью. (А представляете, Феня энд Люда Pharmaceuticals). Предприятие росло, народ валом валил по Мало-Житомирской. Фени давно нет. Но ее фирма с соответствующей улицей навсегда остались для меня памятником киевской народной предприимчивости и инициативе, а если хотите, то и жизнелюбию.

И еще одна история. Конец 1950-х — начало 1960-х. На Ярославовом валу, 14-А живет Наталья Владимировна Калачевская, завкафедрой английского языка романо-германского отдела Киевского университета. Это дом ар-нуво, который с эркерами. Огромная комната в коммуналке, в эркере рояль... За роялем, когда я пришла, сидел ее сын, а под роялем сушилась картошка. Комната была разделена занавесками на пеналы, а в них на полном попечении моей преподавательницы проживали ее гимназические подруги, не нашедшие себе места в социалистической действительности. Калачевская их всех приютила, поила-кормила, выстраивала и водила в филармонию. У нее были невероятные голубые глаза врубелевского «Пана». Добрые и всепонимающие. Высокая, полноватая, ходила необыкновенно легко, в простеньких босоножках. Я помню ее в дешевенькой вигоневой кофточке темно-бордового цвета, она прикрывает ладонью глаза, когда студиозы, сдавая ей домашнее чтение (английская или американская классика в оригинале), подкладывают под оригинал русский перевод из книги какого-нибудь солидного издательства и зачитывают, выдавая за свой труд. Она никого из них не приглашает сесть рядом с собой, дабы прекратить балаганы и вывести на чистую воду. Она к этому не стремится. Она прикрывает ладонью глаза... Калачевская руководила моим дипломом, и я, нерадивая, появилась у нее дома буквально за день до защиты. Открывает мне одна из ее попопечных старушек, экс-гимназисток, и вдруг заявляет: «Вы — Шаринова! Знаете, Наташа прямо места себе не находит! Ну, как вы можете!» Вот так и жила Наташиными интересами, была в курсе всех дел.

И какая у вас была тема диплома?

Перевод стихотворений канадского поэта Джо Уоллеса. На украинский. Ніхто і ніщо не змушувало.

Калачевская предложила?

Нет, я придумала. Она, конечно, одобрила, а потом даже сказала, что «це зразок хорошего творчого перекладу». Я тут же о себе возомнила и решила, что должна связать свою жизнь именно со стихотворным пере-

водом. Неоднократно пробовала свои силы во «Всесвіті». Даже на Э. По как-то раз замахнулась:

Небо — як попіл, жалобу пророчить;

Листя жовте за кожним кроком,

Листя мертве за кожним кроком...

То сталося сумної жовтневої ночі.

Тільки я не пригадую року.

Я потом видела многие из этих стихотворений в переводе Маршака на русский. Ничего не хочу сказать. Нона украинский це краще лягає, как говорил наш редактор. Я тогда еще не знала таких категорий, как у нашего Бориса Сацюка, «лягає», але воно лягало.

Вернемся к Калачевской. Однажды, в самом начале пятого курса, у меня возникли неприятности. Отголоски космополитизма. В результате — «четверка» за педпрактику. Что вроде и неплохо, но руководившая этой практикой Евтуховская натравила журналиста университетской многотиражки написать обо мне статью, что стилиага я. Это я-то стилиага... Запахло жареным. «Товарищи» навели меня на дому. И когда я сдала Калачевской какую-то работу, зашел этот натравленный. Вот, мол, собираю материал: Шаринова завалила педпрактику. Калачевская с удивлением: Как? Я видела в коридоре плакат: «Сдадим педпрактику на четыре и пять!» У Шариновой четыре. — Да, но она ходила на таком высоком каблуке, что все отвлеклись. Никто не слушал, все только и смотрели на ее каблуки. — Калачевская: Насколько я знаю, Шаринова очень небогатая девочка. Если покупается новая пара обуви, она должна быть модной. — А прическа! Она носит распущенные волосы... — не сдавался молодой человек. — Милый вы мой, — Калачевская смотрит куда-то в огню ей ведомую даль. — Это ведь право молодости... — И предмета претензий не стало.

А много лет спустя по телевизору фрагмент: «В нашей камере было десять или пятнадцать женщин, и нам всем помогала Н. В. Калачевская». Вот, оказывается, что за ней еще числилось. Мученичество. «Когда уже казалось, не на что надеяться, — вспоминала ее бывшая сокамерница, — Калачевская для каждого находила слова, пусть даже прощальные».

Вот о чем молчит гля гругих и говорит гля меня этот фантастический дом, некогда обиталище доброй феи. Таких мест и домов и у меня, и у каждого из нас в Киеве много. Они молчат, но стоит только пройти мимо...

ландшафт и усадьба

Андрей МОРОЗ

Я бы не стал делать цветной витраж там, где из окна может открываться прекрасный вид и где нужно много света. Сегодня вид из окна является декоративным элементом. При современной тяге к объективности и чистоте дом приобретает большую значимость; отсюда появится новая форма декорирования.

Йоже Плечник, 1922

Заслуга Януковича заключается хотя бы в том, что за время его президентства в Украине покончено с социальным государством. Точнее, с его остатками. Разрушать начинали с самого начала, со времен Кучмы. Ющенко и Тимошенко добавили немало, а Янукович добил окончательно. Вместе с его падением рухнула надежда на развитие прежних и внедрение новых государственных социальных программ. Поэтому в обозримом будущем на систематизацию, анализ, планирование, активное развитие жанра в городской среде рассчитывать не придется. В силу этого и других, не менее важных обстоятельств, благоустройство приусадебных участков стало единственной областью применения талантов ландшафтных дизайнеров и архитекторов.

О ЛАНДШАФТНОМ ДИЗАЙНЕ

Учебные программы советской архитектурной школы не рассматривали ландшафт как самостоятельную дисциплину. Отдельные элементы ландшафтного дизайна как предмета входили в курсы лекций для будущих архитекторов, некоторые разделы преподавались в вузах аграрного и лесотехнического профиля, однако в понятийном аппарате идеологов народного хозяйства сам термин «ландшафтный дизайн» нес печать декаданса. Курсы лекций по истории архитектуры включали беглые обзоры садов Парижа, лондонских парков и объектов Гауди в контексте чего-то безнадежно устаревшего, представляющего интерес для искусствоведов. В профильных институтах вроде Гипрограда с филиалами имелись отделы по благоустройству, однако главные специалисты имели дипломы агрономов. Основные проблемы были связаны с поддержанием баланса зеленых насаждений, таксацией существующего фонда и рекомендац-

ями по компенсаторным мерам в случае вынужденной вырубке зелени. Проектирование малых архитектурных форм, элементов благоустройства, пергол, скамей, альтанок и проч. отдавалось на откуп генпроектировщику, а инженерную часть выполняли «технари» по принципу оптимизации затрат. Затраты были немалые, особенно в Киеве, на рельефе. Архитекторами предпринимались попытки изменить ситуацию, однако энтузиазма хватало ровно на начальную стадию общестроительных работ. Косная система напоминала о своей безраздельной власти, своя на нет финансирование или закрывая проекты. Несмотря на попытки скрыть от широкой общественности настоящие преступления, на поверхность иногда всплывали истории наподобие произошедшей со скульпторами А. Рыбачук и В. Мельниченко, положившими дюжину лет на создание уникального Парка Памяти на Байковом кладбище. Вскоре после завершения монументальные барельефы были уничтожены. Непонимание глубинной сути эстетики, «скорбное бесчувствие» и боязнь за психоэмоциональные последствия привели к искаженным представлениям о целях, задачах и средствах ландшафтного дизайна — расхожей стала шутка, мол, медики свои ошибки скрывают в земле, а архитекторы в зелени.

В представлении сограждан ландшафтный дизайн остается «красивым озеленением», — так воспринимала «элита» и думал простой обыватель. Не стоит ожидать быстрых превращений в сознании большинства, тем более, если сами архитекторы рассматривают благоустройство делом второстепенным, зависящим исключительно от объема вкладываемых средств. В поисковике легко найти массу предложений с обещаниями выполнить бесплатно проектные работы при условии их дальнейшей реализации. Знания, эмоции и мастерство обесценились и стали дополнительной опцией к затратной части строительных работ. При миллионных бюджетах стоимость проекта оказалась нулевой. Такой подход, наверное, имеет право на жизнь, но все участники процесса (включая Заказчика) должны понимать, в итоге чуда не случится и вероятность появления высокохудожественного произведения ничтожно мала. Подход и постановка задачи этого не предполагают. Завершенные и талантливые вещи требуют времени и напряженного труда в симбиозе с фантазией, глубокими ассоциативными переживаниями и знаниями, что не может и не должно продаваться дешево.

В условиях модернизации страны важным фактором становится перестройка общественного сознания, изменение отношения к окружающей среде. Влиять на это могут профессиональные сообщества, СМИ и отдельные личности, для которых ситуация уже изменилась. Доказательством тому служат яркие и выверенные работы коллег, выполненные для частных заказчиков. Особняки и прилегающие участки стали своего рода экспериментальной площадкой, где отечественный ландшафтный дизайн получил проблеск надежды на выживание.

УСЛОВИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗА

Как бы парадоксально это не звучало, но прежде всего, архитектору необходимо понимать свою целевую аудиторию. Среди социальных групп только средний класс может быть полем манипуляций смыслами, поскольку нищие не имеют средств, а высшие тратят деньги бездумно и нерационально. В условиях социального неравенства предметы надеются значениями, позволяющими человеку организовать определенный образ жизни и создать свой имидж. Дом, интерьер, ландшафт являются одними из самых эффективных средств для достижения этой цели. Человеку важно выделиться из массы, создавая соответствующий антураж из предметов и объектов. В дневнике И. А. Бунина, находящегося в эмиграции, однажды появилась неслучайная запись: «Ноябрь 1921. Вышел пройтись, внезапно зашел в кинематограф. Опять бандиты, похищение ребенка, погоня, бешенство автомобиля, несущийся и нарастающий поезд. Потом "Три мушкетера", король, королева... Публика задыхается от восторга, глядя на все это (королевское, знатное) — нет, никакие революции никогда не истребят этого!»

Ландшафтный дизайн не только реализация стандартных функциональных объектов, но и способ манипулирования общественным сознанием. Это определенный проектный механизм, работающий в общественно-экономической системе. Ландшафтные объекты приобретают статус в процессе эксплуатации, поскольку функционируют в контексте культуры, их создание дополняется способами означивания, коммуникации и обмена. Значить — это не просто передавать информацию, но образовывать смысловые системы. Семиотическая революция потребления заключается в придании знакового статуса не только промышленным товарам, но так-

же архитектурным и ландшафтными объектам. «А поскольку знак не существует вне кода и языка, образуются серии вещей-знаков, объединенные маркой, которая и становится истиной предметов» (Ж. Богрийяр) В ландшафтных объектах на такую «марку» указывает, прежде всего, архитектура основных построек (их масштаб, детали, цвет, стилистика), аксессуары в виде малых архитектурных форм (источников света, пергольных конструкций, садовых скамеек, очагов и навесов BBQ), материалов покрытий, и главное, профессиональные приемы в работе с природным рельефом и тщательно отобранным посадочным материалом.

За основное правило следует принять тесную взаимосвязь между жилым объектом и прилегающей территорией. Поэтому, как бы не звучало пафосно, образ дома и его масштаб должны быть исходными «реперными точками», от которых отталкивается ландшафт. Нет ни малейшего желания рассуждать на тему модных трендов и инновационных материалов, эффективность от применения которых может оказаться нулевой без наличия глубокой и цельной «картинки».

Ландшафт начинается внутри дома. Он рождается в мелочах обстановки интерьера. И потом сквозь оконные и дверные проемы плавно «вытекает» во двор. Чем больше факторов принимается во внимание и пропускается сквозь сознание проектировщика, тем цельнее и выразительнее получается произведение. Эти требования изобретены не сегодня, они существовали с незапамятных времен и были всегда востребованы. Например, замок Нидзё (XVII в.), укрепленная резиденция сёгунов рода Токугава в Киото, комплекс из множества построек и нескольких садов. Центральное сооружение — дворец Ниномару, площадь резиденции около 275 000 кв. м, из которых 8000 кв. м занимают строения. Во время праздников или торжественных церемоний, когда раздвигались стены двора, вид сада должен был соответствовать и характеру интерьера, и общему настроению. Не религиозная сосредоточенность, но радость восприятия реальной красоты природных форм определяла задачу художника сада, строившего композицию эффектную и способную взволновать.

Таковы сады Гренады — Альгамбра и Генералиф (Alhambra & Generalife) (XIII в.); работы Ленотра и Лево во Франции: Версаль (Parc de Versailles), Во-ле-Виконт (Vaux-le-Vicomte) (XVII в.); парк Стоу в Великобритании (Stowe Landscape Gardens) (XVIII в.) и многие-многие другие.

ОСОБНЯК ROUTE 66

Украинские прерии

проектировщик: OZart

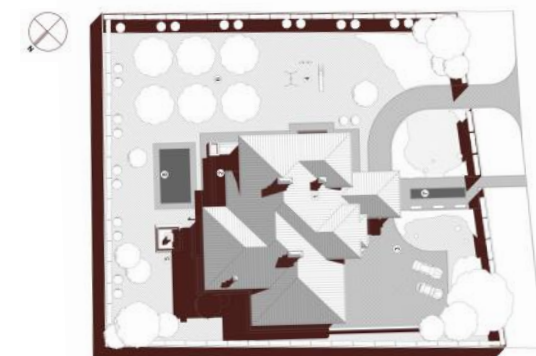
архитекторы: Андрей МОРОЗ, Пётр ЛАВРИНЕНКО, Алексей КОБЗЕВ

визуализация: Андрей ЯЛАНСКИЙ

площадь участка: 2500 кв. м

общая площадь: 412 кв. м

проект и реализация: 2016–2017

1. Жилой дом
2. Терраса
3. Гостевая парковочная площадка
4. Детская площадка
5. Парковая скульптурная композиция
6. Сад
7. Декоративный бассейн
8. Плавательный бассейн

Общие критерии, которыми следует руководствоваться при создании целостного и художественно значимого объекта могут выглядеть примерно так:

1. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Этот пункт тесно взаимосвязан с остальными и, прежде всего, в части выполнения требований действующих строительных норм и правил, а также учета естественной освещенности. Здесь особое внимание следует обратить на наличие различного рода источников излучения: электромагнитного, радиационного и др., а в случае неотвратимости принять защитные меры, сводящие негативный эффект до минимума. Повышенный шум также является фактором стресса, в связи с чем, уже на этапе анализа и изготовления проектно-сметной документации, следует подобрать средства защиты. Кроме того, желательно всячески избегать участков с возможным выходом на поверхность радоновых газов. Некоторые коллеги акцентируют особое внимание на негативном влиянии геопатогенных зон, однако научно-обоснованной методики выявления и эффективных средств борьбы с этим явлением не существует. При том, что наиболее распространенным инструментом считается так называемая «сетка Хартмана», охватывающая всю поверхность планеты линиями с шириной от 20 до 40 см (в результате получаются прямоугольники 2 x 2,5 м, то есть 2 м с севера на юг и 2,5 м с запада на восток). Понятно, что размер ячеек 2 x 2,5 м не может миновать никакая квартира, да же самая маленькая, не говоря уже о минимальных земельных наделах в пять-десять соток. От подобной ловчей сети не убежишь и не скроешься. Она везде. И в плохом (по геологии) месте, и в хорошем. Самые негативные явления наблюдают точно по узлам сетки, и излучение в узлах наиболее опасно (со слов адептов). Самое главное запомнить, что нужно избегать узлов сетки в тех местах, где вы спите или отдыхаете. Выявления подобных узлов, процедуры связанные с этим могут напоминать шаманские обряды. А колдуны также случаются людьми не очень добросовестными. Бывают откровенные шарлатаны и обманщики. В данном случае автор высказывает свое личное мнение, не претендуя на истину в первой инстанции. Однако к различным манипуляциям с рамками следует относиться со всей серьезностью и не позволять водить себя за нос.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ

что само по себе предусматривает:

- а) неукоснительное соблюдение действующих строительных норм и правил (включая требования санитарные и противопожарной безопасности);
- б) выверенные эргономические параметры каждого активного компонента и составляющего на проектируемой территории;
- в) учет сезонной естественной освещенности и других климатологических факторов;
- г) реакция на специфику окружения (характера соседских построек, ограждений, заборов, инженерной инфраструктуры, зеленых насаждений в непосредственной близости, затенения и пр.);
- г) создание единого сценария визуального восприятия объекта проектирования.

3. ПОНЯТНОСТЬ, ПРОСТОТА УПРАВЛЕНИЯ И ДОСТУПНОСТЬ

инженерных систем, задействованных для обеспечения жизнедеятельности и полноценного обслуживания территории (ливневой канализации, дренажей, полей фильтрации и септиков, скважин, насосов, генераторов и двигателей, декоративной подсветки и наружного освещения, видеонаблюдения и охранной сигнализации, подогрева порогов и ливнеприемников, системы автоматического полива и т. д.).

4. ЦЕЛОСТНЫЕ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ВСЕГО ОБЪЕКТА В КОМПЛЕКСЕ

включая «не гостевые» и хозяйственные зоны; данный пункт предполагает, прежде всего, прямую взаимосвязь эстетики интерьерного пространства с пейзажем за порогом дома, что достигается набором специальных средств; для достижения цели здесь активно используются фактуры, текстуры и цвета покрытий, посапочный материал, «шлифуются» идеи, заложенные на этапе эскизов и разработки схем функционального зонирования; отслеживаются и проверяются визуальные связи между ключевыми видовыми точками.

5. РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТА И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ

применение этого пункта возможно исключительно после изучения и анализа данных геодезии о сложности природного рельефа, а также геологии — о составе и характере почв, глубинах залегания водоносных слоев и т. п. перечисленные факторы напрямую влияют на формирование гендроплана, выбор посадочного материала: деревьев, кустарников, трав и мхов.

6. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

основа ее закладывается в общем композиционном решении генерального плана, его пропорциях, соотношении пятен построек и зеленых зон, динамике, форме, геометрии пешеходных коммуникаций и рекреационных площадок;

решение генерального плана, само по себе, также зависит от исторического, культурного контекста региона, местности, в которой расположен конкретный участок;

нередко авторские ассоциации остаются единственным решающим условием, которому подчиняются, в угоду которому не принимаются во внимание остальные факторы;

исторические аллюзии также напрямую связаны со стилистическими особенностями и семантикой, заложенной в архитектуре и декорациях основных построек.

Разделение на пункты здесь условное. Иногда, поставив во главу угла художественную выразительность, заказчики игнорируют остальные критерии, буквально навязывая исполнителям «свои правила». В других случаях сами проектанты «завязывают» проект на выдернутых из всех доступных контекстов перспективных видах с целью «продать» «красивые картинки» неискушенным в области 3D-графики клиентам. Как бы там ни было, но только принятие во внимание и использование в работе всех вышеупомянутых шести пунктов может дать положительный результат. Необходимо искать и находить компромиссы. Необходимо гармонично увязывать средства, желания и возможности. Необходимо, если, конечно, по большому счету.

хуст: один протестантский памятник

Борис ЕРОФАЛОВ

Хустская администрация,
с открытки 1930-х
Строительство велось
чешскими фирмами
Mandaus, Doubek, Pechman a spol.
и Freiwald-Bohm

Собор Св. Елизаветы Венгерской
в Кошице, 1283–1508

В начале XVIII века в Семиградии верховодил князь Ференц II Ракоци, по имени сами понимаете — «русин». Его мать графиня Елена Зринская хорватка. Ракоци возглавил антигабсбургское восстание Тёкёли с центром сопротивления в Мукачевском замке. В итоге он стал выдающимся сыном венгерского народа и похоронен в соборе Св. Елизаветы в Кошице (Словакия). Как сказал князь о жителях Мукачева и Хуста — gens

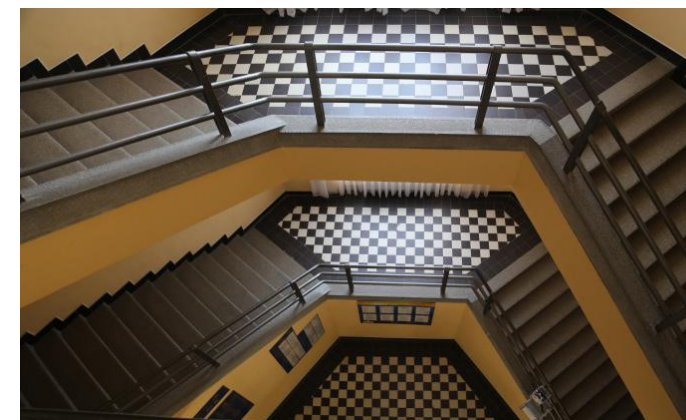
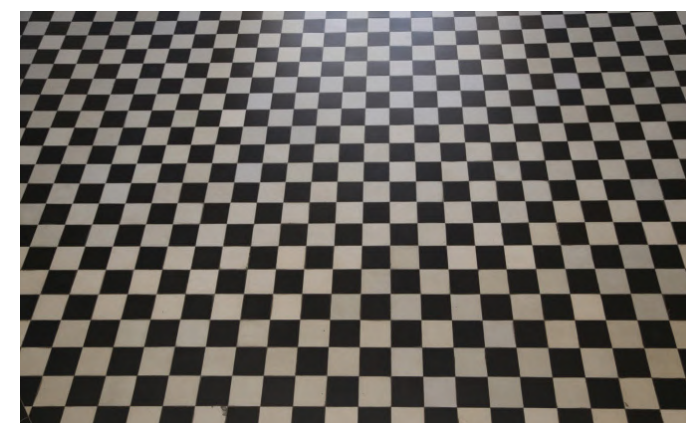
fidelissimus, то есть наипреданнейший народ. Семиградие (*нем. Зибенбурген*), происходит от латинского Трансильвания, т. е. попросту Залесье (*trans silva*). Во времена античные это ядро Дакии, завоеванной римлянами, со столицей Сармизегетузой. В средние века Трансильвания обладала автономией в составе Венгерского королевства и управлялась саксами. В XVII веке это самый восточный оплот протестантизма.

Погарпатская Русь в составе Чехословакии (вверху) и в составе Венгрии (внизу),
из американского атласа Rand Mc Nally 1939 года

Хуст, нешутейный замок "Дракулы" на горе и администрация под горой

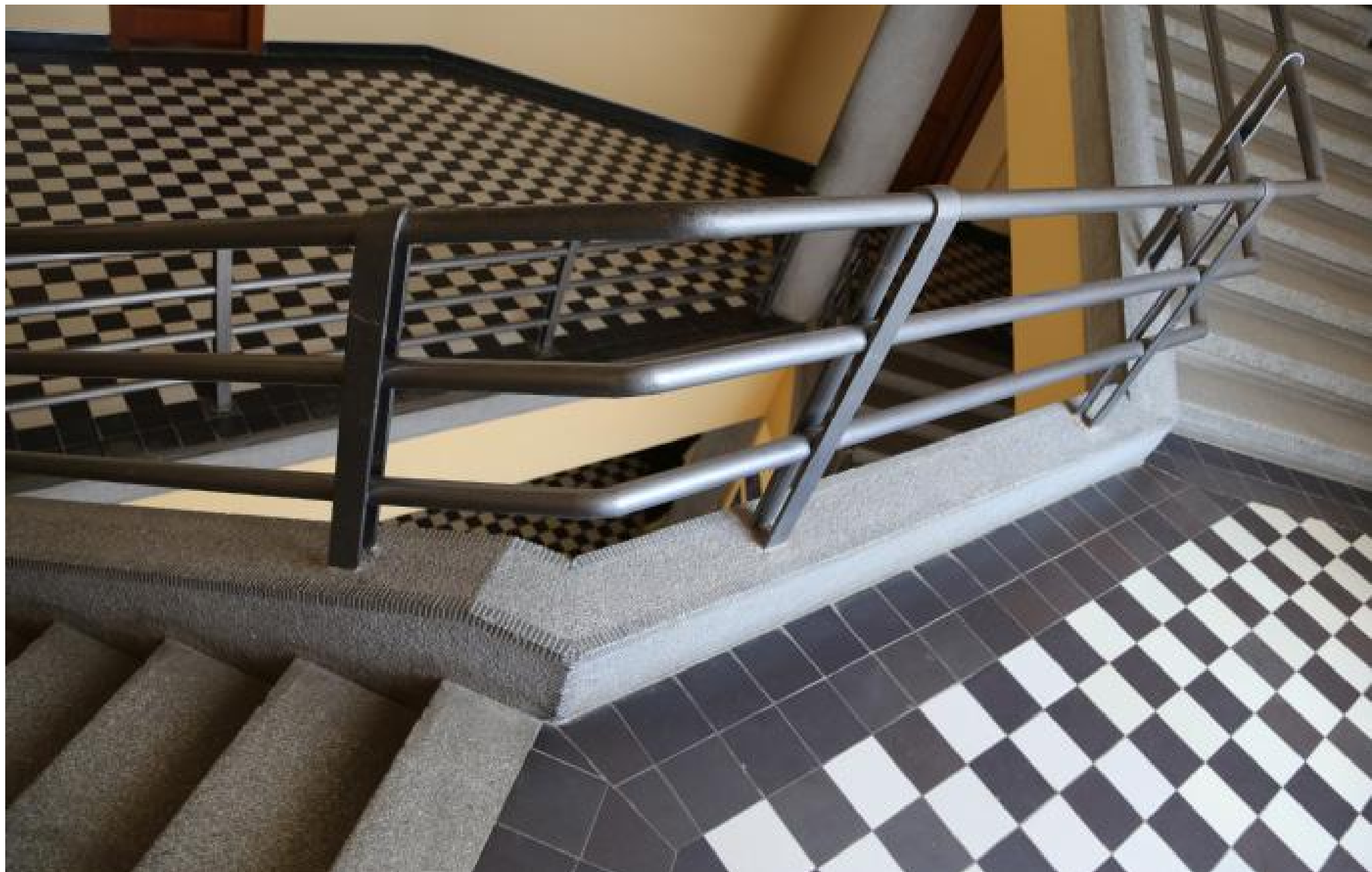

И только после поражения князя Ракоци начался процесс окатоличивания края. Вы спросите, к чему это всё? А к тому, что традиции самостояния и даже, если хотите, протестантизма здесь в крови, и кровь эта транс-европейская. В Хусте стоит высоченная гора с замком, который был призван защищать соляной путь (из Солотвина) и карпатские рубежи. О высоте горы можно судить по глубине колодца, вырубленного в скале — 160 м. Именно здесь, в Хустском замке, Ференцем Ракоци была провозглашена независимость Трансильвании (1706). Под горой расположена городская администрация, построенная в годы Чехословацкой республики.

фото: Борис ЕРОФАЛОВ, 2016

Как собор Св. Елизаветы в Кошице был самым восточным готическим памятником, так и здание Хустской администрации стало самым восточным памятником чешского стиля, протестантского в своем основании.

Снаружи администрация не представляет собой ничего особенного, весьма сдержанные и лаконичные формы. Но и внутри — динамика и чистота линий морского лайнера. Согласованные цвета и материалы, масонская клетка пола.

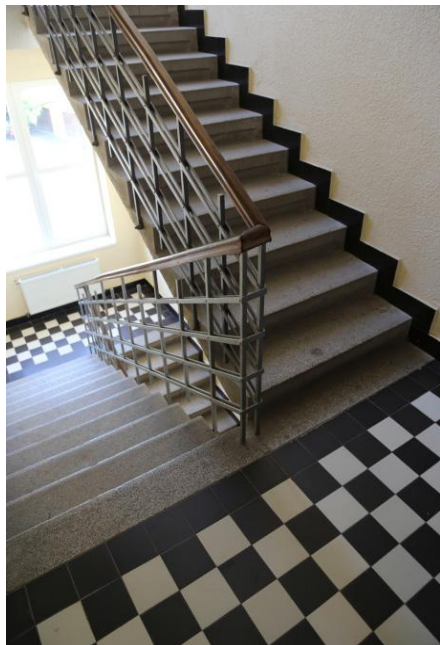

фото: Борис ЕРОФЛАЛОВ, 2016

Всё до того просто и добротно, что годы советского правления и одичания 1990-х почти не оставили следов коррозии на этом доме. Чешская керамика, гранит ступеней, бронза фурнитуры, металл ограждений. Всё стандартно, точно и эргономично. Но чехи и не умели иначе.

1930-е. чешский ужгород

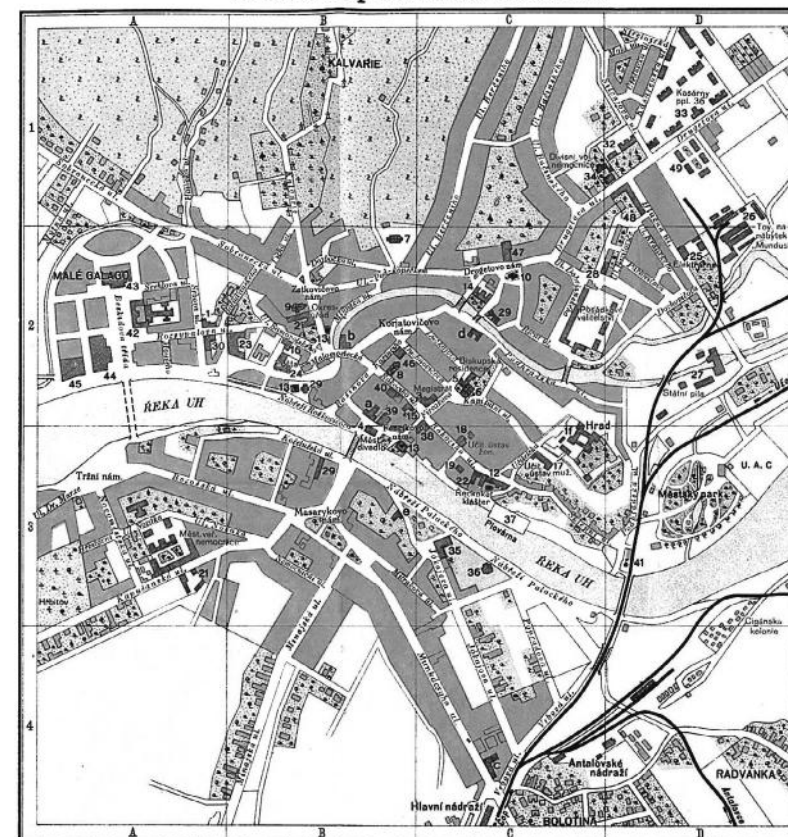
Игорь БРОДИ, Романа ФИАЛОВА, Андрей ХАРХАЛИС

1918-й, закончилась Первая мировая, принеся бесчисленное количество человеческих жертв и разрушений. Три империи канули в Лету. На руинах одной из них, Австро-Венгерской, возникло несколько государств. Чехи и словаки, освободившиеся от «имперской опеки» создали государство, с самого начала позиционировавшееся, как прогрессивное, индустриальное, социально ориентированное.

Первая Чехословацкая республика сперва включала Чехию, Словакию и Моравию. 10 сентября 1919 года в соответствии с договором заключенном в Сен-Жермен-на-Лайте в состав нового государства вошла Подкарпатская Русь (фактически совпадающая с нынешней Закарпатской областью Украины). Земли Подкарпатской Руси находились на восточной окраине Австро-Венгерской империи. В течении тысячи лет они принадлежали сначала венгерской, затем австрийской короне. И если равнинная часть была достаточно освоена, то горные районы составлявшие две трети территории находились на «средневековом» уровне развития. Недаром один из

Orientační plán města Užhorodu

Памятник первому президенту Чехословакии Томашу Масарику в Ужгороде

Дом "Малая Рафанда" на ул. Ференца Ракоци 24/1 в Ужгороде

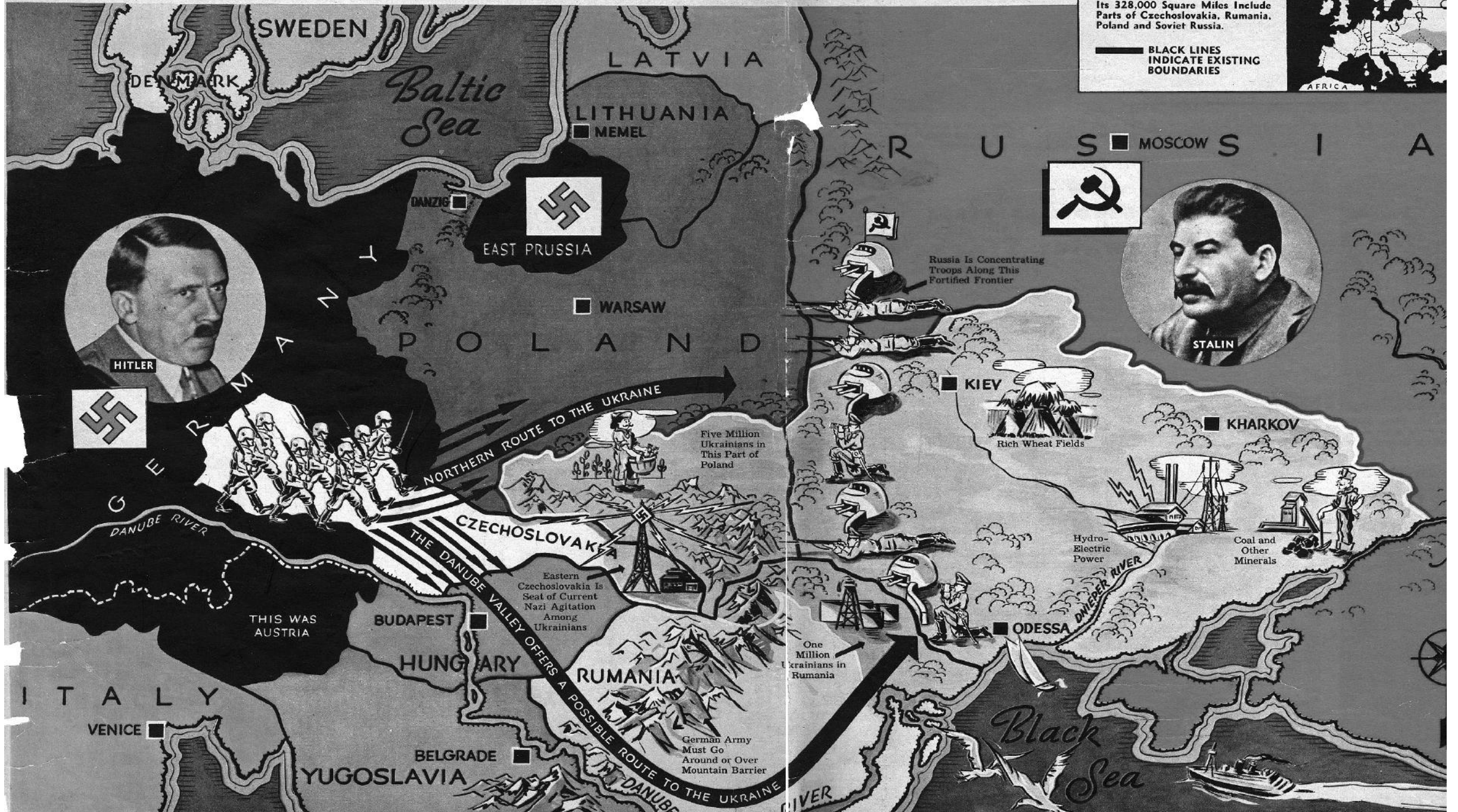

Открытый бассейн в Ужгороде, 1930-е

Лётные сообщения Чехословакии, 1938

The Next European War Will Start In The Ukraine

“Следующая европейская война начнется в Украине”, иллюстрация из американского журнала Time, 1938

фото: Борис ЕРОФАНОВ, 2016

Образец ар-деко или чешский "кристаллический стиль" 1930-х на ул. Волошина 24 в Ужгороде

Суд на ул. Довженко 7/3 в Ужгороде — всё чешское (и брусчатка тоже)

ты и объекты социальной сферы: строились и реконструировались школы, больницы, отделения связи, кинотеатры. Значительные изменения коснулись жилищного строительства. Внедрялись новые типы жилых зданий, соответствующие прогрессивным санитарным, технологическим и функциональным стандартам. 4 апреля 1929 года в Ужгороде открылся международный аэропорт, соединявший Подкарпатскую Русь со всей Европой. Много строилось во всех городах и селах региона, но прежде всего внимание уделялось столице Подкарпатской Руси — Ужгороду. Внимание это закономерно было вызвано абсолютной для XX века несостоятельностью города как административного, политического и культурного центра. Не хватало зданий для государственных учреждений, жилья для чиновников. Да и сеть улиц средневекового города вокруг замка не соответствовала современным требованиям.

В 1921 году были разработаны требования к правительственному району Ужгорода на вновь осваиваемой площадке на запад от центра. В 1922 профессор Высшей технической школы из Брно Агольф Либерш разработал соответствующий генплан. Район получил имя Малый Галаго

Частично реализованный план района Галагов, архит. Агольф Либерш, 1922

(*da lago* на итальянском средневековом наречии означает озеро, болотистый берег). В течение пяти веков Ужгородский замок принадлежал роду Другетти из Северной Италии, поэтому в топонимике города много итальянского. Действительно, земли для будущего правительственного центра регулярно затоплялись весенним и осенним паводками. После спада воды они служили огородами. Поэтому прежде всего была необходима инженерная подготовка. Было урегулировано русло реки. В пределах города были насыпаны защитные дамбы. Вся территория района была поднята на 3–5 м.

Композиционным центром Малаго Галаго стала Правительственная площадь, раскрытая на реку Уж. Транспортный мост соединил площадь с железнодорожным вокзалом на противоположном берегу. На главную ось площади поставлено Правительственное здание, справа от него здание суда, слева военное управление. Район в целом застраивался кварталами высотой в 3–4 этажа. Здесь также разместили Управление полиции, отделение Народного банка, тюрьму, почту, больницу, школу, театр, библиотеку, гостиницу, магазины, кафе, административные и жилые здания для чиновников и служащих. В архивах сохранилась рабочая документация для строительства, которое планировалось в 1939–1940 гг. Западнее Малаго Галаго был намечен еще один жилой район Большой Галаго. Реализации этих планов помешала Вторая война.

Правительственный центр
Подкарпатской Руси, архит.
Франтишек Крупка, 1932–1936

Нумерация объектов, подлежащих внимательному рассмотрению на последующих страницах

1. ZEMSKY URAD / ЗДАНИЕ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Beskydova trh / Народная пл. 4

архитектор: Франтишек КРУПКА (Братислава)

проект и реализация: 1932–1936

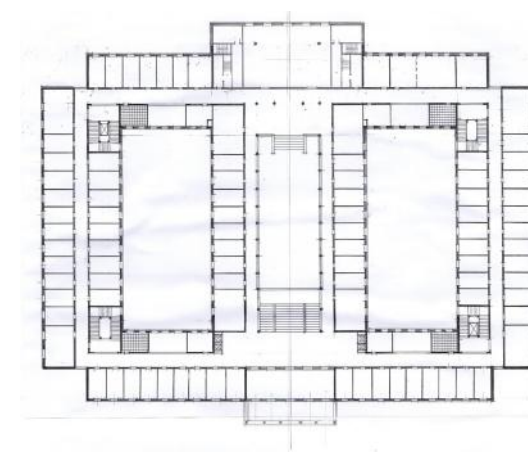
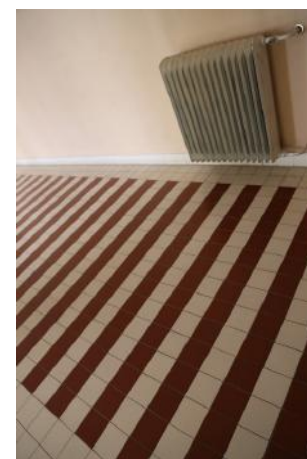

фото: Борис ЕРОФАНОВ, 2016

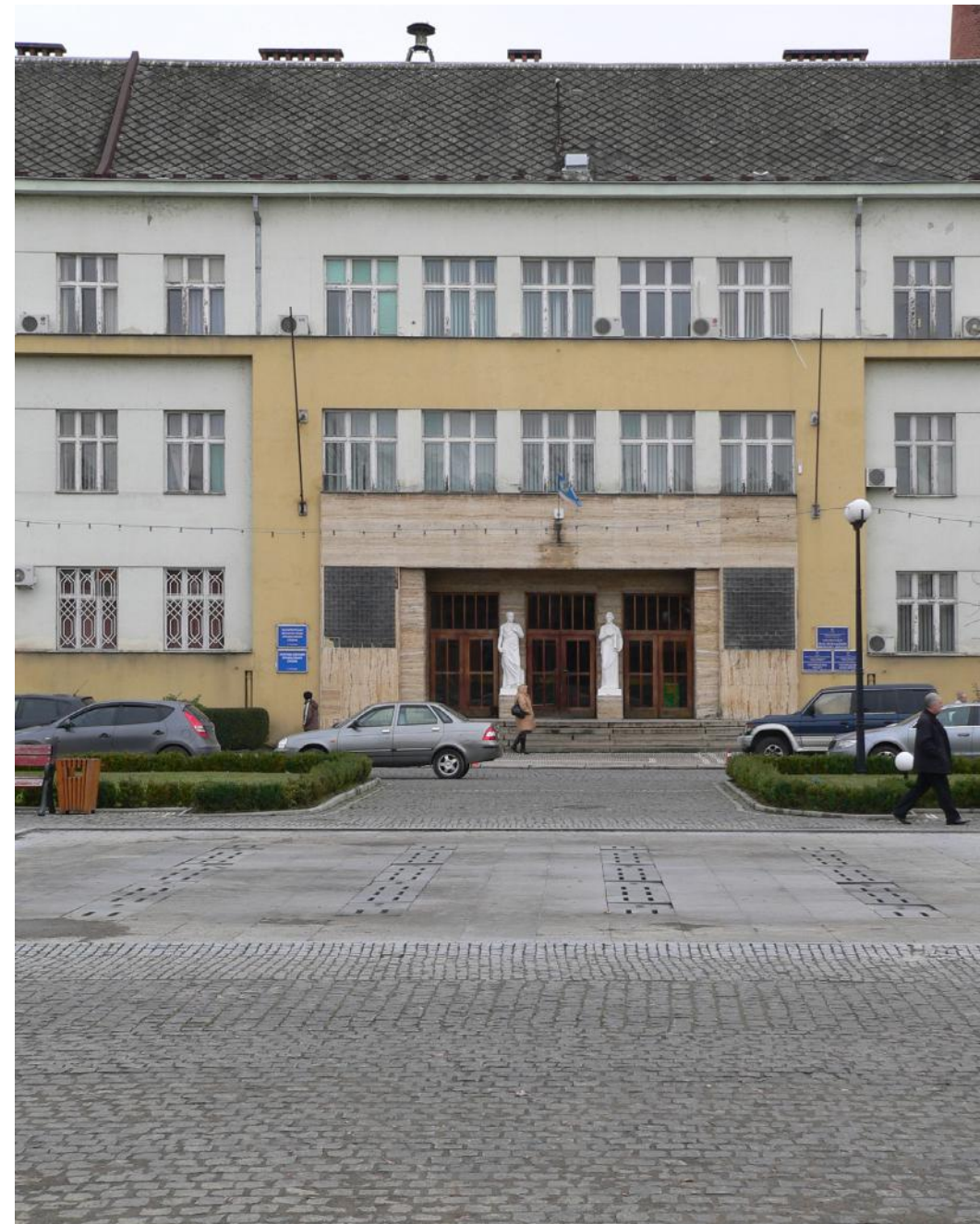

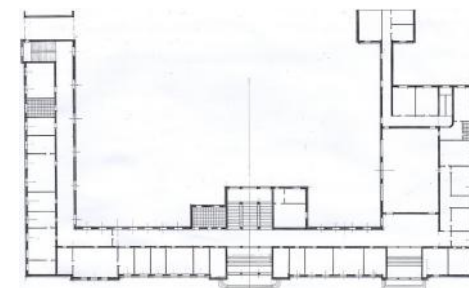
2. KRAISKY A OKRESNI Soud / ЗДАНИЕ ЗАКАРПАТСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Beskydova trh / Народная пл. 15

архитектор: Адольф ЛИБШЕР (Брно)

проект и реализация: 1928–1930

3. HORODSKI KVARTYRNI DOM / МНОГОКВАРТИРНЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ

Tyrsova nab. / наб. Независимости 21

проект и реализация: 1931–1932

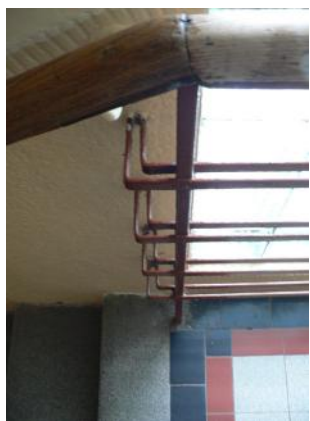

4. MASARYKOVA CSL OBEVNA SKOLA / СРЕДНЯ ШКОЛА № 3

Tyrsova nab. / наб. Независимости 18

архитектор: Петер КРОПАЧЕК

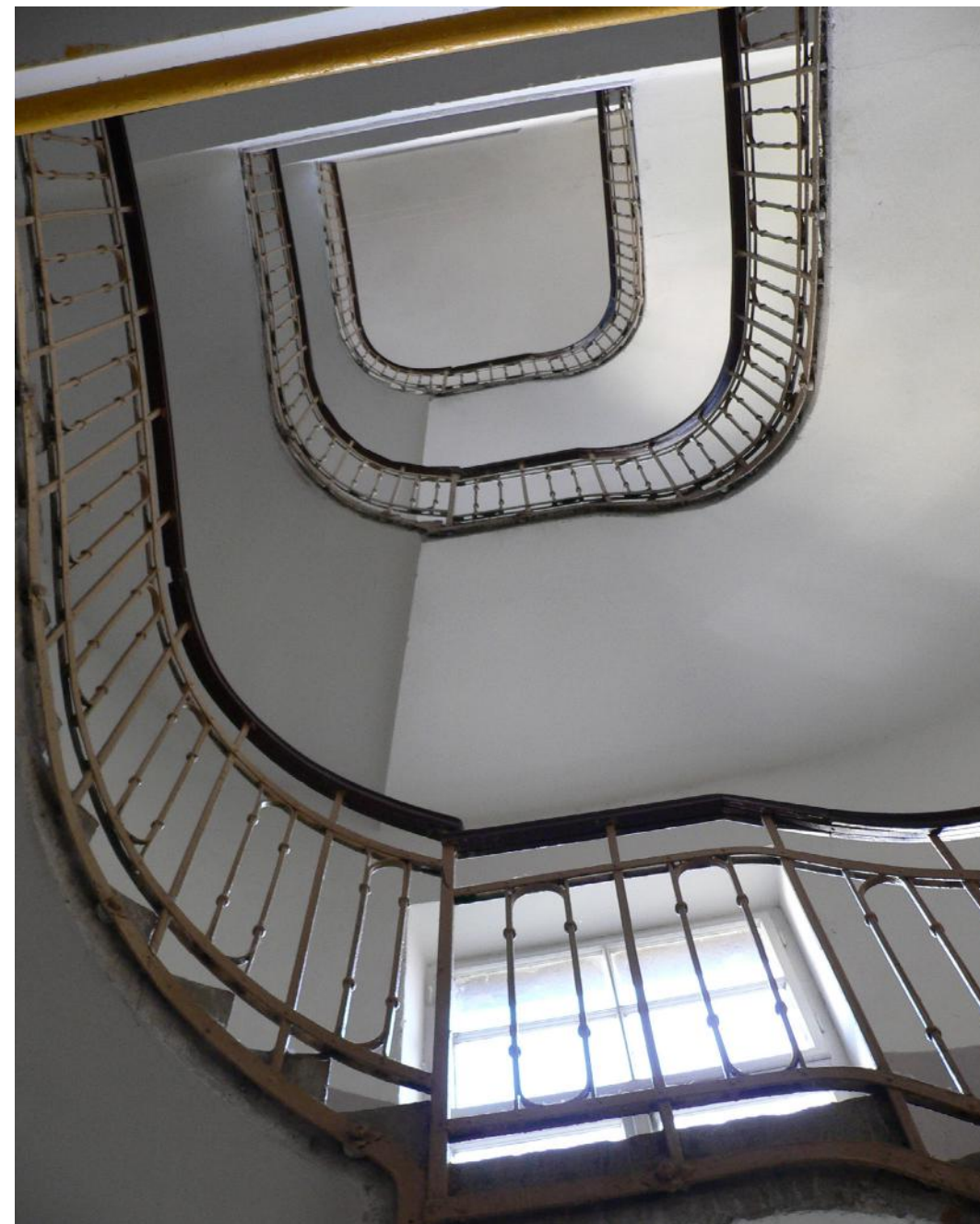
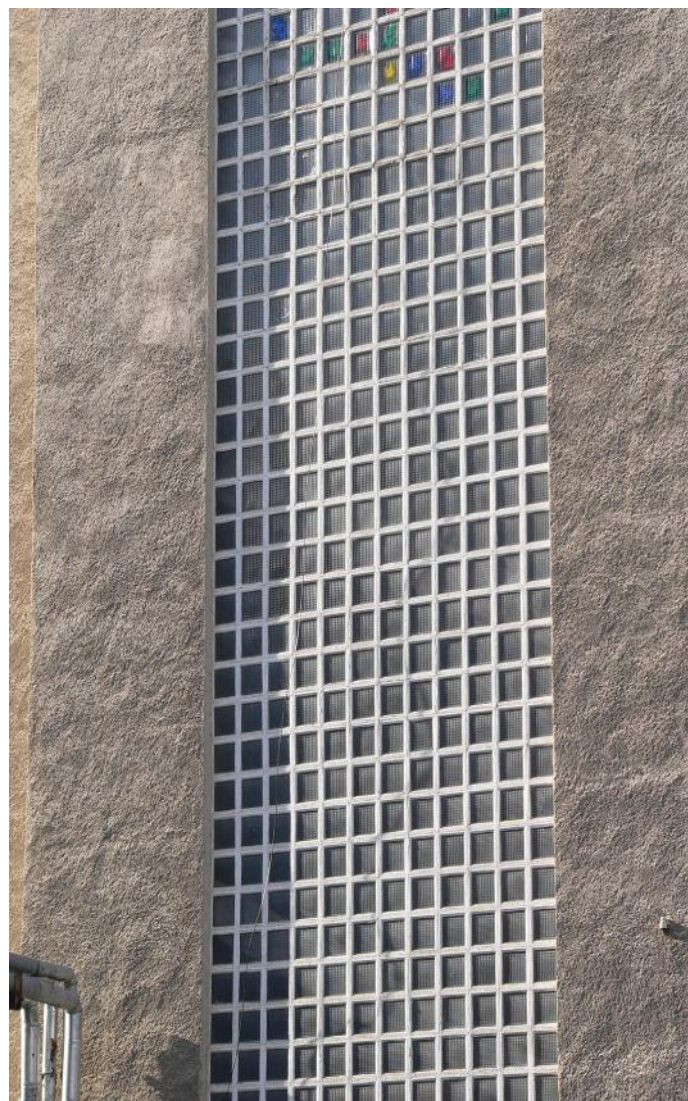
проект и реализация: 1930

5. DUM LIDOVENO ZDRAVI / ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА

Rockfeller ul. / ул. Брацайков ,9

проект и реализация: 1932–1938

6. ОБЫТНЫЙ ДОМ ПРО ВОЈЕНСКЕ ГАЗИСТЫ / МНОГОКВАРТИРНЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ

Tyrsove náb / наб. Независимости, ул. Ставровского-Попрадова, ул. Довженко

проект и реализация: 1923

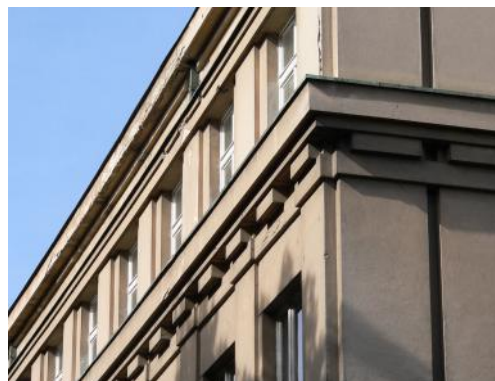

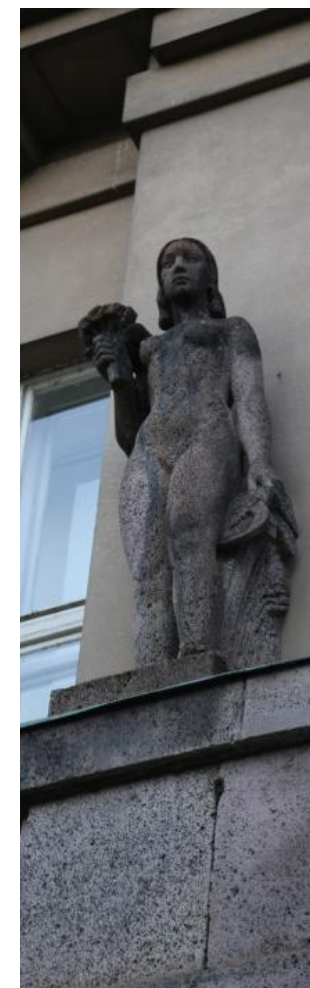
7. FILIALKA NARODNI BANKA / ЗДАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ НАЦБАНКА

Tyrsova pab. / наб. Независимости 16/1

архитектор: Франтишек ШРАМЕК (Прага)

проект и реализация: 1933

8. POLICEJNE REDITELSTVO / ЗДАНИЕ СБУ В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Rozsypalova ul / ул. Довженко 3

архитектор: Август ЗАНДЕР

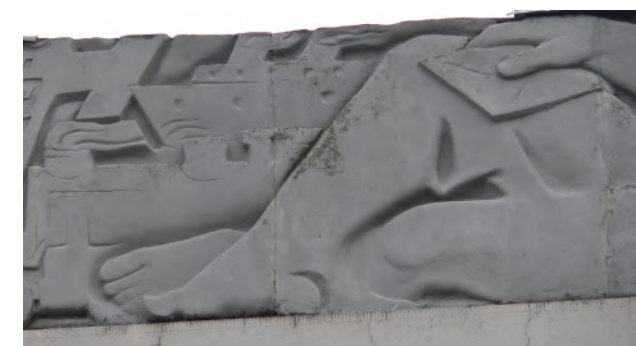
проект и реализация: 1920-е

9. PALAC POSTY / ЗДАНИЕ УКРПОЧТЫ

Postova ul. / Почтовая пл.

проект и реализация: 1932

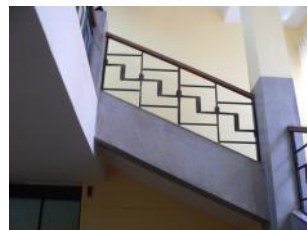

10. MESTSKE KINO A KNİHOVNA / ЗДАНИЕ КИНОТЕАТРА И БИБЛИОТЕКИ

Rakocsiho ul. / ул. Волошина 10

архитектор: Людвиг(Люговит) ОЕШЛАГЕР из Кошице

проект и реализация: 1932

11. ЗДАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УЖНУ

Rakocsiho ul. / ул. Волошина 32

архитектор: Людвиг(Люговит) ОШЛАГЕР (Кошице)

проект и реализация: 1932

12. OBČUJDNÍ DUM LEGIODRUŽSTVA /
ЗДАНИЕ НАЛОГОВОЙ ИНСПЕКЦИИ & ОТДЕЛЕНИЕ КОМЕРЧЕСКОГО БАНКА

ул. Духновича 4

архитектор: Франтишек КРУПКА (Братислава)

проект и реализация: 1929

13. ZEMSKY URIAD / МНОГОКВАРТИРНЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ

Rozsypala ul. / ул. Довженко 4-6

проект и реализация: 1923-1924

14. НОДНИК / ТРОТУАРНОЕ МОЩЕНИЕ

Новый Галагов

проект и реализация: 1920–1930-е

15. LIPOVÉ ALEJE / ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

Новый Галагов, набережная Ужа

проект и реализация: 1920–1930-е

К НОВОЙ архитектурной топологии

Борис ЕРОФАЛОВ

АРХИТЕКТУРНАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

Обращаясь к архитектуре, мы говорим не только о структурировании, осмыслении и одушевлении обитаемого человеком пространства, но и о пребывании этого пространства во времени. Поэтому введение в основы архитектуры (архитектурная пропедевтика) касается не просто основы архитектурной композиции, но и истории архитектурной формы и архитектурной профессии, то есть истории архитектуры в целом.

Достаточно хорошо известны и у нас переведены трактаты XIX в. об архитектуре как ремесле Блонделя, Виолле ле Дюка, Огюста Шуази, но первой последовательной историей мировой архитектуры стал труд Банистера Флетчера, вышедший в Лондоне в 1897 году, то есть более ста лет тому. Флетчер не раскрывает нам методологических предпосылок своей систематизации профессионального знания, но, судя по изложению, находится на социал-дарвинистских позициях. Его труд начинается без обиняков: «Археологические участки позднего плейстоцена (20 000–16 000 лет до н. э.) показывают... Архитектурного интереса не представляют... Первые здания появились 9000 лет до н. э...» (цит. по изданию Архитектура-С 2012 года).

Пропедевтикой именуют предварительный круг знаний о чем-либо (от греч. προ — до, перед, предварительно, и παιδος — подросток, ученик). Это, как правило, введение в какую-либо науку или искусство, их сокращенное систематическое изложение в элементарной форме, «краткий курс» перед более глубоким изучением предмета.

О «КРАТКОМ КУРСЕ»

Что имеем на этом поле сегодня? Состояние базового историко-архитектурного образования — неразбериха, скушный саг и бестолочь преподавательских компиляций. То, что эти цветки пышно произрастали в СССР, а сегодня бестолочь лишь усугубляется, можно понять, совершив беглый обзор самой продвинутой, специализированной и собственно для архитектурной пропедевтики предназначенной литературы.

Ерофалов Б. Л. Символы архитектуры, или Нумерологическое испытание архитектурной формы. — К.: А+С, 2016. — 576 с.: 242 илл. — ISBN 978–966–8613–58–6.

1. О неразберихе убедительно говорит Н. И. Брунов во введении в «Очерки по истории архитектуры» (1935 г.): «История архитектуры представляет область малоизученную...» (с. 5). Однако здесь же Николай Иванович начинает более-менее придирчивый разбор подходов к содержанию архитектурного творчества в различные эпохи. Так, первую законченную концепцию истории архитектуры он усматривает в «Эстетике» Гегеля. Строилась она следующим образом: тезис — догреческая архитектура Востока имела символическое и самостоятельное значение; антитезис — классическая античная архитектура самостоятельного значения не имела и была вместилищем для человека и божества; синтез — готическая архитектура, будучи таким же вместилищем, возвращает себе символическую функцию, и таким образом вновь обретает самостоятельное значение. После недолгих разбирательств с такого рода силлогизмами Брунов приходит к политически неизбежной в сталинском контексте мысли о классовой обусловленности архитектурного процесса. Из чего начинают проистекать следующие внешние по отношению к архитектуре и не всегда истинные рассуждения: «Трактовка социально-классового строения древне-восточных деспотий оставляет совершенно отчетливое представление о присущих им раннерабовладельческих производственных отношениях...» (с. 8).

Яркое свидетельство того же находим много лет спустя в предисловии Ю. С. Яралова к 12-томной Всеобщей истории архитектуры (ВИА), I том, 1970 года. Пассаж о методологической, точнее, идеологической базе: «Авторы, в меру своих сил и возможностей, делают попытку с позиций

марксистско-ленинской теории гать анализ и объяснение закономерностей развития архитектуры в разные эпохи и у разных народов...» (с. 7). О понятии и предмете архитектуры: «Авторы стремились рассматривать архитектуру всестороннее как сложную и многогранную область материальной и духовной культуры» (с. 8). Тут же архитектурный идеолог признается, что грань между рабовладением и феодализмом на Древнем Востоке столь длительна и неопределенна, что в вопрос этот лучше не углубляться. В результате нарочитого встраивания в марксизм-ленинизм появились соответственно невразумительные наименования явлений и эпох: III том этой самой ВИА вместо простого и понятного «Византийская архитектура» назан «Архитектура Восточной Европы (средние века)»; VIII том — вместо «Мусульманская архитектура» поименован «Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии» (о Японии в нём не найдете).

2. Разговор «ни о чём» как форма мимикрии под большевизм и гань вульгарному социологизму обильно расцвел в послевоенную эпоху и продолжает цвести и плодоносить. В самой первой двухтомной ВИА, II том, книга 1, 1949 года, из предисловия В. Н. Сарабьянова: «В периоды истории, характерные мирным спокойным развитием эволюционного порядка, множество талантов пройдут свой жизненный путь, не проявив себя ни в чем значительном: люди, способные к скульптуре или граматургии, умрут земледельцами или ремесленниками. Напротив, общественная жизнь, богатая политическими событиями... СССР существует не век и не три, но как много сделано в науке и искусстве...» (с. X-XI). С одной стороны, не совсем об архитектуре, с другой — хоть плачь...

3. О беспомощности и маловразумительности «кратких курсов», которых хватало во все времена, красноречиво свидетельствуют два новейших отечественных учебника по истории архитектуры: В. Тимофієнко. Нариси всесвітньої історії архітектури. Т. 1, кн. 1, КНУБА, 2000; В. Вечерський. Курс історії архітектури. НАОМА, 2006 (Методичний посібник з дисципліни «Всесвітня історія архітектури»). У В. Вечерского о дидактической самоцели курса в частности значится: «Завдання — ознайомити з періодизацією розвитку архітектури» (с. 4). Но... периодизацией архитектором не станешь. И о предмете: «Згідно з сьгоднішніми теоретичними уявленнями, архітектура є специфічним суспільним явищем, яке пов'язане з мистецтвом, наукою, технікою, виробництвом, але не тотожне ні,

ні, ані...» (там же, с. 9). В чем же предмет? Ну и галее присутствуют перлы вроде: «Що є об'єктивного в історії архітектури? — хронологія і фактографія. Все решта — інтерпретації різних гослідників. У навчальному процесі й професійній діяльності слід відгдіяти об'єктивні факти від інтерпретацій» (с. 11)... Мой коллега проф. А. Пучков на полях карандашиком возмущенно восклицает: «Вот те, батенька, и Юрьев гень!», за неимением бабушки. И на трехстах страницах Вечерский «відгділяє»...

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ТЕЗИС

Как добиться того, чтобы история превращения архитектурной формы не выглядела бесконечным перечислением годов и строительных событий? Хронологические таблицы с тысячами дат! Куда пошел Мнесикл, и зачем он воткнул Патроклу? Да зачем это знать! Что такое, в конце концов, собственно архитектурная форма, и из каких базовых составляющих она собирается? Для чего они и как возникли, и во что трансформируются? Сегодня в архитектурной пропедевтике как части гуманитарного знания очевидна необходимость ясной авторской концепции, собирающий материал (в некую стройную конструкцию), особенно во времена позитивного хаоса и генерирования новых смыслов.

Новая книга автора «Символы архитектуры, или Нумерологическое испытание архитектурной формы» (Киев, 2016) может быть рассмотрена как пример такого конфигурирования материала, ad hoc. То есть, по случаю, для наших новых, не-хронологических, но сугубо архитектурно-пропедевтических целей.

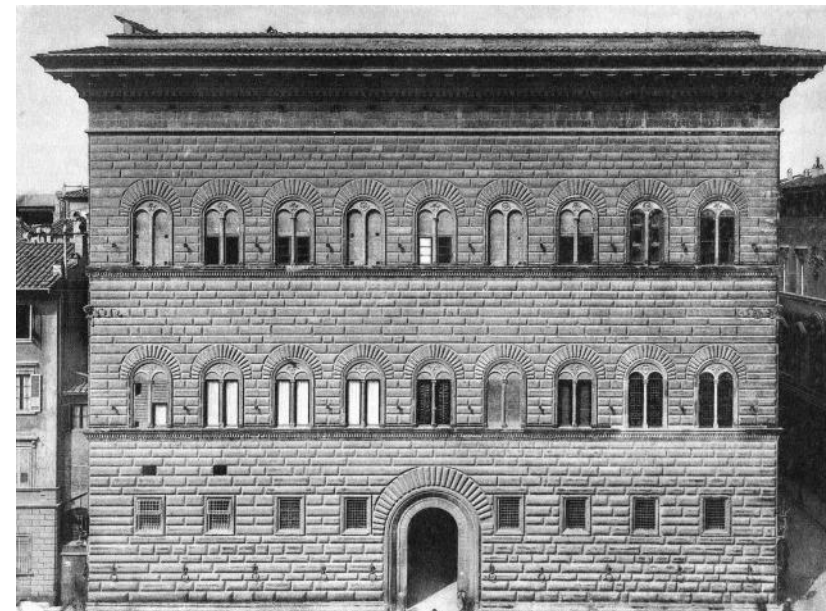
НОВЫЙ КРАТКИЙ КУРС

В основание новой архитектурной топологии автором положена система специально отобранных архитектурных элементов, которым присвоен статус неких всеобщих символов. Такой перечень неслучайных элементов зиждется на пифагорейской максиме о том, что в основе всех вещей лежат числа и их отношения. Причем числа не просто в математическом, но и в этическом и мистическом смысле. Именно такое синкретическое единство позволяет использовать принцип простого числа по отношению к архитектуре как гуманитарной сфере, где семиотическое, этическое и символическое должны были бы служить базовыми характеристиками.

Количество чисел избрано по шумерской двенадцатиричной системе счисления, по которой мы до сих пор считаем время — что может быть привычнее двенадцатичасового циферблата! Каждому числу из двенадцати присвоен (или с ним соотнесен) один из основных традиционных элементов архитектурной формы. И поскольку чисел задано ограниченное количество, элементы пришлось выбирать внимательно и многократно. Причем каждый элемент должен был неким образом соотноситься именно с этим числом, некоторым совпадением, резонансом, неслучайным образом. Например: единица = Колонна, поскольку монада; двоица = Балка, поскольку о двух концах; троица = Арка, ибо две опорные пяты и замок и т. д. Поиску и доказательству неслучайности выбора именно этих элементов и их соотнесения именно с этим, соответствующим, числом в данной работе посвящены специальные растяжки, рассуждения и исторические реконструкции возникновения и бытования архитектурной формы.

Для того, чтобы каждый конкретный архитектурный символ не выглядел случайным элементом вроде «сандрика» или «табуретки», он был снабжен своеобразным «градостроительным» пространственным расширением, позволяющим проинтерпретировать его работу по отношению ко внешнему пространству в широком смысле слова, например, «Арка и Мост», или «Окно и Витраж», или «Крыша и Фронтон». Так, и Витраж, и Фронтон позволяют не просто описать работу конкретного элемента в теле архитектурного организма, но показать его символическое (в советских учебниках сиречь «идеологическое») значение по отношению к окружающему пространству, городу, площади и т. д., вмещающему и молящему народу, к гражданам полиса и бурга. Витраж в соборе не просто показывает богатство и многоцветие Божественного замысла для прихожан в интерьере, но и всевидящим негреманным оком большой розы на фасаде осуществляет связь горнего и дольного для всего города.

В результате составилась перечень: 1 — Колонна и Фуст; 2 — Балка и Неф; 3 — Арка и Мост; 4 — Стена и Город; 5 — Крыша и Фронтон; 6 — Дверь и Портал; 7 — Лестница и Зиккурат; 8 — Окно и Витраж; 9 — Обелиск и Площадь; 10 — Купол и Ротонда; 11 — Башня и Ярус; 12 — Основание и Место. То есть, разнообразие архитектурных элементов нарастает не просто в арифметической прогрессии, мол, теперь элементов двадцать

Палаццо Строчи во Флоренции, архит. Дж. да Сангалло. 1489–1504

четыре, но, скорее, возведением в квадрат, поскольку сложены устойчивые пары со вполне определенным старшинством, с одной стороны, и расширительной пространственной функцией, с другой. Рисуя глупую матрицу, получаем $122 = 144$ соотношений базовых архитектурных элементов друг с другом.

Но и этим интерпретация «символов» не исчерпывается. Структура каждой статьи о конкретном символе архитектуры состоит из шести блоков. Вот их усредненно приблизительное содержание: 1). К понятию об (этом конкретном) символе; 2). Исторически (развитие конструкции); 3). Функция в архитектурном организме (пространство); 4). Внутренний порядок (ордер); 5). Как он работает (градостроительно); 6). Выдающиеся памятники.

Такой сжатый разбор сути и собственно архитектурных возможностей каждого элемента-символа позволяет бежать заумных перечислений возможного и невозможного, например, ста сорока четырех позиций, упомянутых выше, и вполне доходчиво и компактно рассмотреть «символ» под разными углами зрения.

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ РАЗДЕЛ

После основного раздела с двенадцатью «символами архитектуры» (320 страниц) следует дополнительный «К архитектурной технологии / Руководство» (128 страниц). Всего в этом разделе семь статей: «Тектон» — о понятии архитектор; «Glass архитектуры» — о визионерских задачах архитектуры; «Композиция, или О непростом ремесле визуального благорасположения» — выведены три общие закона композиции, о постановке рамок изображения, о содержании оно, о взаиморасположении; «Архитектурные обломы» — о принципах и технологии детализации; «Колизей, гарпастум, или Что такое стадион» — об истории развития одной типологической формы; «Храм, или Об устройстве сакральной машины» — о принципиальном устройстве храма с тремя обязательными компонентами, градостроительным, архитектурным и священническим; «Эскориал как математически точное обращение короля к Богу» — анализ одного памятника архитектуры.

Посредством такого «Руководства» семиотической, функциональной и метафизической составляющей архитектуры сообщается дополнительное профессионально-технологическое и сакральное, литургическое, культурное наполнение.

УРОВНИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В итоге целенаправленно компактного описания базового архитектурного тезауруса в виде двенадцати основных «символов архитектуры» и последующих достаточных выборочных, но идеологически последовательных, статей-комментариев архитектуры как некоего профессионально-литургически-культурного целого получаем семь уровней ее интерпретации и описания на вполне конкретном «историческом материале»:

1. Сперва архитектурный объект, при выборе «символа» и соотношении его с числом, полагается как понятие.
2. Следующим шагом после выбора каждого из двенадцати базовых, корневых символов задается его пространственно-градостроительное alter ego, вторая половина «архитектурного символа».
3. Далее все двенадцать «символов» выстраиваются в закономерную последовательность, задавая некое литургически законченное архи-

тектурное целое — «Дорога к Небесам», о чем сообщается в автском послесловии (с. 475–476).

4. «Руководящие» тексты «Тектон» и «Визия» процессуально повествуют о понятийной сути архитектурной профессии.
5. Тексты «Композиция» и «Обломы» обсуждают инструментально-технологическую специфику профессии.
6. Текст «Храм» раскрывает литургическую подоплеку архитектуры на социальном, типологическом и сакральном уровнях.
7. Тексты о памятниках, «Колизей» и «Эскориал», дают пример анализа, интерпретации и понимания архитектурного произведения, и таким образом полагают его в культуру.

В итоге, пользуясь неконформистской (в обстоятельствах существующих «историй архитектуры»), но семиотически прозрачной и последовательной концепцией, на вполне ухватываемой и «объятной» фактологической базе, рассмотрены следующие волнующие и первостепенные аспекты архитектурной формы:

- 1) Понятийные;
- 2) Пространственные;
- 3) Динамические;
- 4) Профессиональные;
- 5) Технологические;
- 6) Социально-сакральные;
- 7) Культурные.

Для дидактических размышлений вполне достаточно.

Киев-Харьков-Киев

питер 2016: война. безработица. ноябрь

Зореслав БАЙДЮК, стоматехник

Там, где сказал художник, гураку-политологу делать нечего. 1 ноября сего года питерская арт-группа «родина» провела красноречивую акцию, которая очевидно обломным образом зафиксировала состояние умов и обнадеживающие перспективы нынешней России. Активисты пояснили, что придумали лозунги, противоположные

известному Мир—Труг—Май. Участники перформанса пояснили, что это «увы парад для увы патриотов». На фоне кладбища возле железной дороги активисты сфотографировались с плакатами «Давайте это терпеть. Ты ничего не изменишь. Всё будет плохо и никогда не кончится», а также «Боль. Пустота. Патриотизм».

фото: Вадим ЛУРЬЕ, 2016

сто фильмов архитектора

Борис ЕРОФАЛОВ

Новая скорость доступа к прежде недоступному открывает новое понимание произошедшего, хотя бы за годы обвално жестокого XX века.

Лучшим средством для этого является искусство кино — важнейшее из искусств, как утверждал «дедушка Ленин» («дедушке» было 53, как почил). Визионерски кино самое доходчивое, быстро впитываемое и самое поповское, в хорошем смысле слова, искусство. Архитекторам как естественным визионерам это понятнее, чем кому бы то ни было.

Список сотни лучших фильмов составлен, ориентируясь исключительно на персональную, субъективную точку зрения. Ибо на вкус, на цвет товарища нет. Перечень этот принципиально не претендует на роль «главных фильмов истории мирового кино», по списку гарвардского факультета кинематографии, сложенному без индивидуальной «кочки», не известно кем (профессорами факультета). Когда нижеприведенный перечень был составлен, мучительно и долго, в жанре «не могу поступиться принципами», оказалось, что тут-то эти принципы и можно разглядеть. Первый принцип, уже помянутый — визионерский.

Далее следует — графический эксперимент, как, например, в «Докторе Калигари» (1920) или в «Мельнице и Кресте» (2011).

Третья «кочка» стояния — новизна собственно кинематографической формы, сюжетной линии, пространственно-временная структура фильма, например, «Симфония большого города» (1927) или его советская реплика «Человек с киноаппаратом» (1929).

В-четвертых, музыка должна быть хорошей: «Пятый человек» (1948), «Смерть в Венеции» (1971), «Иисус Христос — суперзвезда» (1973).

Пятый принцип архитектуроцентрический: «Кабирия» (1914), «Метрополис» (1927), «Сказки туманной луны» (1953), «Запретелье» (2007).

Шесть — ирония или таф-энг-рафл: «Карты, деньги, два ствола» (1998), «Про урогов и людей» (1999), «Skenbart — фильм о поезде» (2003), «Жмурки» (2005).

Семь, психоделия: «Молчание» (1963), «Обход» (1971), «Сталкер» (1979), «Меланхолия» (2011). В конце концов, должно быть просто смешно: от «Путешествия на Луну» (1903) до «Четырех комнат» (1995) и от «Операции-Ы!» (1965) до «Кин-гза-гзы» (1986).

И еще, руководствуясь не ведомо какими принципами, хотелось бы поставить в ряд «Ангелы ада» (1930), «Моби Дик» (1956), «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1989). Вкус и цвет времени? Патетика? Эротика? Философема?

Конечно, список не для любителей футбола. Хотя финал какого-нибудь хорошего чемпионата можно было бы посмотреть... Вот такой себе, архитектурный, получился списокочек.

1. Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота / L'Arrivée d'un train en gare de la Ciotat (1896, реж. Огюст и Луи Люмьер, Франция)

2. Путешествие на Луну / Le Voyage dans la lune (1902, реж. Жорж Мельес, стар Виктор Ангре, Блюэт Бернон, Анри Делануа, Франция)

3. В царстве фей / Le Royaume des fees (1903, реж. Жорж Мельес, стар Жорж Мельес & Блеут Бернон, Франция)

4. Невероятное путешествие / Le voyage à travers l'impossible (1904, реж. & стар: Жорж Мельес, Франция)

5. Завоевание полюса / À la conquête du Pôle (1912, реж. Жорж Мельес, стар Фернан Олбани, Жорж Мельес, Франция)

6. Макс тореадор / Max toréador (1913, реж. & стар Макс Лингер, Франция)

7. Кабирия / Cabiria (1914, реж. Джованни Пастроне, стар Итала Альмиранте Магзини, Бартоломео Пагано, Умберто Моццато, Италия)

8. Непримируемость: Битва за любовь на протяжении веков / Intolerance: Love's Struggle Throughout the Ages (1916, реж. Дэвид Гриффит, оператор Билли Битцер, США)

9. Кабинет доктора Калигари / Das Cabinet des Dr. Caligari (1920, реж. Роберт Вине, стар Вернер Краус, Конрад Фейдт, Германия)

10. Огня неделя / One Week (1920, реж. Клайн Эдвард, Бастер Китон, стар Бастер Китон, США)

11. Носферату. Симфония ужаса / Nosferatu, eine Symphonie des Grauens (1922, реж. Фридрих Мурнау, стар Макс Шрек, Густав фон Вангенхайм, Германия)

12. Аэлита (1924, реж. Яков Протазанов, стар Юлия Солнцева, Николай Баталов, Россия/Московия)

13. Броненосец «Потёмкин» (1925, реж. Сергей Эйзенштейн, операторы Эдуард Тиссэ, Владимир Попов, СССР/Московия)

14. Ягодка любви (1926, реж. Александр Довженко, стар Марьян Крушельницкий, СССР/Украина)

15. Берлин. Симфония большого города / Berlin — Die Sinfonie der Großstadt (1927, реж. Вальтер Руттман, операторы Роберт Баберски, Реймар Кунтце, Ласло Шефер, Германия)

16. Метрополис / Metropolis (1927, реж. Фриц Ланг, стар Густав Фрёлх, Бригитта Хельм, Германия)

17. Певец джаза / The Jazz Singer (1927, реж. Алан Кросланд, стар Эл Джолсон, США)

18. Андалузский пёс / Un chien andalou (1929, реж. Луис Бунюэль, стар Луис Бунюэль, Сальвадор Дали, Симона Марейль, Пьер Батчф, Франция)

19. Человек с киноаппаратом (1929, реж. Дзига Вертов, оператор Михаил Кауфман, СССР/Украина)

20. Ангелы ада / Hell's Angels (1930, реж. Говард Хьюз, стар Джин Харлоу, Бен Лайон, Джеймс Холл, США)

21. Золотой век / L'âge d'or (1930, реж. Луис Бунюэль, стар Макс Эрнст, Гастон Модо, Франция)

22. Соль Сванетии (1930, реж. Михаил Калатозов, операторы Шалва Гегелашвили, Михаил Калатозов, СССР/Грузия)

23. Весёлые ребята (1934, реж. Григорий Александров, стар Леонид Утёсов, Любовь Орлова, СССР/Московия)

24. Триумф воли / Triumph des Willens (1935, реж. Лени Рифеншталь, оператор Зепп Альгайер, Германия)

25. Новые времена / Modern Times (1936, реж. Чарльз Чаплин, стар Чарли Чаплин, США)

26. Золотой ключик (1939, реж. Александр Птушко, стар Сергей Мартинсон, Ольга Шаганова-Образцова, СССР/Московия)

27. Правила игры / La Règle du jeu (1939, реж. Жан Ренуар, стар Нора Грегор, Марсель Далио, Жан Ренуар, Франция)

28. Серенада Солнечной долины / Sun Valley Serenade (1941, реж. Брюс Хамберстоун, стар Гленн Миллер, Соня Хени, Джон Пейн, США)

29. Свадьба (1944, реж. Исидор Анненский, стар Эраст Гарин, Фаина Раневская, Алексей Грибов, СССР/Грузия)

30. Иван Грозный (1945, реж. Сергей Эйзенштейн, стар Николай Черкасов, СССР/Московия)

31. Третий человек / The Third Man (1949, реж. Кэрл Рид, стар Джозеф Коттен, Алида Валли, Великобритания)

32. Расёмон (1950, реж. Акира Куросава, стар Тосиро Мифунэ, Масаюки Мори, матико Кё, Япония)

33. Сказки туманной луны после дождя / Угэцу-моногатари (1953, реж. Кэндзи Мидзогути, стар Масаюки Мори, Матико Кё, Япония)

34. Моби Дик / Moby Dick (1956, реж. Джон Хьюстон, стар Грегори Пек, Орсон Уэллс, Фридрих фон Леденбург, Ричард Бейсхарт, Великобритания)

35. Лифт на Эшафот / Ascenseur pour l'échafaud (1957, реж. Луи Маль, стар Жанна Моро, Франция)

36. На последнем выдохе / À bout de souffle (1960, реж. Жан-Люк Годар, стар, Жан-Поль Бельмондо, Франция)

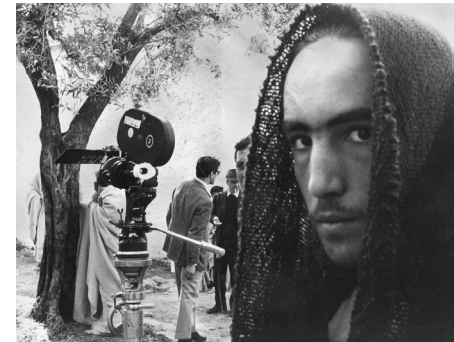
37. Вестсайская история / West Side Story (1961, реж. Джером Роббинс, Роберт Уайз, стар Натали Вуг, Ричард Беймер, США)

38. За двумя зайцами (1961, реж. Виктор Иванов, стар Олег Борисов, СССР/Украина)

39. Обгон / Il Sorpasso (1962, реж. Дино Ризи, стар Витторио Гассман, Жан-Луи Трентиньян, Италия)

40. Молчание / Tystnaden (1963, Ингмар Бергман, стар Гуннель Линдблум, Ингрид Тулин, Биргер Мальмстен, Йорген Линдстром, Швеция)

41. Евангелие от Матфея / Il Vangelo secondo Matteo (1964, реж. Пьер Паоло Пазолини, стар Энрике Иразоки, Джорджо Агамбен, Хуан Родольфо Вилькок, Италия)

42. Лимонадный Джо, или Лошадиный цирк / Limonádový Joe aneb Koňská opera (1964, реж. Олдржих Липски, стар Карел Фиала, Чехословакия)

43. Отец солдата (1964, реж. Резо Чхеидзе, стар Серго Закариадзе, СССР/Грузия)

44. Фантомас / Fantômas (1964, реж. Андре Юнебель, стар Луи Дефюнес, Жан Марс, Франция/Италия)

45. Операция «Ы» и другие приключения Шурика (1965, Леонид Гайдай, стар Александр Демьяненко, Юрий Никулин, Георгий Вицын, Евгений Моргунов, СССР/Московия)

46. Рукопись, найденная в Сарагосе (1965, реж. Войцех Ежи Хас, стар Збигнев Цибульский, Польша)

47. Волшебная лампа Аладдина (1966, реж. Борис Рыцарев, стар Борис Быстров, Андрей Файт, СССР/Московия)

48. Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика (1966, реж. Леонид Гайдай, стар Юрий Никулин, Георгий Вицын, Евгений Моргунов, Фрунзик

Мкртчян, Владимир Этуш, Наталья Варлей, Александр Демьяненко, СССР/Московия)

49. Хороший, плохой, злой / Il buono, il brutto, il cattivo (1966, реж. Серджо Леоне, стар Клинт Иствуд, Илай Уолак, Ли Ван Клиф, Италия/США/Испания)

50. Парижский вор / Le Voleur (1967, реж. Луи Маль, стар Жан-Поль Бельмондо, Франция/Италия)

51. Цвет граната (1968, реж. Сергей Параджанов, стар Софико Чиаурели, СССР/Армения)

52. Бриллиантовая рука (1969, реж. Леонид Гайдай, стар Юрий Никулин, Андрей Миронов, Анатолий Папанов, СССР/Московия)

53. Млечный путь / La voie lactée (1969, реж. Луис Бунюэль, стар Лоран Терзиефф, Поль Франкёр, Франция/Италия)

54. Белое солнце пустыни (1970, реж. Владимир Мотыль, стар Анатолий Кузнецов, СССР/ Ленинград)

55. Декамерон / Il Decamerone (1971, реж. Пьер Паоло Пазолини, стар Франко Читти, Нинетто Даволи, Италия)

56. Заводной апельсин / A Clockwork Orange (1971, реж. Стэнли Кубрик, стар Малкольм Макдауэлл, Великобритания/США)

57. Прогулка / Walkabout (1971, реж. Николас Роуг, стар Джинни Эггеттер, Дэвид Галлили, Люк Роуг, Великобритания)

58. Смерть в Венеции / Morte A Venezia (1971, реж. Лукино Висконти, стар Дик Богард, Италия/Франция)

59. Бумбараш (1972, реж. Николай Рашеев, Абрам Народицкий, стар Валерий Золотухин, СССР/Украина)
 60. Высокий блондин в чёрном ботинке / Le Grand Blond avec une chaussure noire (1972, реж. Ив Робер, стар Пьер Ришар, Франция)
 61. Джентльмены удачи (1972, реж. Александр Серый, стар Евгений Леонов, Савелий Крамаров, Георгий Вицын, СССР/Московия)
 62. Иисус Христос суперзвезда / Jesus Christ Superstar (1973, реж. Норман Джуисон, стар Тед Нили, Великобритания)

63. О, счастличик! / O Lucky Man! (1973, реж. Линдсей Андерсон, стар Малкольм Макдауэлл, Великобритания)
 64. Пари (1974, реж. Рамаз Шарабидзе, стар Кхи Кавсадзе, Баадур Цуладзе, Гиви Берикашвили, СССР/Грузия)
 65. Цветок тысячи одной ночи / Il Fiore Delle Mille E Una Notte (1974, реж. Пьер Паоло Пазолини, стар Нинетто Даволи, Франко Читти, Италия/Франция)
 66. Пролетая над гнездом кукушки / One Flew Over the Cuckoo's Nest (1975, реж. Милош Форман, стар Джек Николсон, США)
 67. Блеф / Bluff — Storia di truffe e di imbroglioni (1976, реж. Серджо Корбуччи, стар Агриано Челентано, Коринн Клери, Антони Куинн, Италия)
 68. Двадцать дней без войны (1976, реж. Алексей Герман, стар Юрий Никулин, Людмила Гурченко, Алексей Петренко, СССР/Ленинград)

69. Обыкновенное чудо (1978, реж. Марк Захаров, стар Олег Янковский, СССР/Московия)
 70. Репетиция оркестра / Prova D'Orchestra (1978, реж. Федерико Феллини, стар Балдуин Баас, Италия/Германия)
 71. Сталкер (1979, реж. Андрей Тарковский, стар Александр Кайдановский, СССР/Московия)
 72. Парад планет (1984, реж. Вадим Абдрашитов, стар Олег Борисов, СССР/Московия)
 73. Покаяние (1984, реж. Тенгиз Абуладзе, стар Автандил Махарадзе, СССР/Грузия)
 74. Мисима: Жизнь в четырёх главах / Mishima: A Life in Four Chapters (1985, реж. Пол Шрёдер, стар Кэн Огата, США/Япония)
 75. Кин-дза-дза! (1986, реж. Георгий Данелия, стар Евгений Леонов, СССР/Московия)
 76. Асса (1987, реж. Сергей Соловьёв, стар Сергей Бугаев, Станислав Говорухин, Татьяна Друбич, Виктор Цой, СССР/Московия)
 77. Собачье сердце (1988, реж. Владимир Бортко, стар Владимир Толоконников, Евгений Евстигнеев, Роман Карцев, СССР/Ленинград)
 78. Астенический синдром (1989, реж. Кира Муратова, стар Ольга Антонова, СССР/Украина)
 79. Повар, вор, его жена и её любовник / The Cook, The Thief, His Wife & Her Lover (1989, реж. Питер Гринуэй, стар Хелен Миррен, Великобритания/Франция)
 80. Такси-блюз (1991, реж. Павел Лунгин, стар Пётр Мамонов, СССР/Московия)
 81. Терминатор-2: Судный день / Terminator 2: Judgment Day (1991, реж. Джеймс Камерон, стар Арнольд Шварценеггер, США)
 82. Криминальное чтиво / Pulp Fiction (1994, реж. Квентин Тарантино, стар Джон Траволта, Брюс Уиллис, США)
 83. Особенности национальной охоты (1995, реж.

- Александр Рогожкин, стар Алексей Булдаков, Виктор Бычков, Вилле Хаапасало, Россия/Московия)
 84. Четыре комнаты / Four Rooms (1995, реж. Эллисон Андерс, стар Тим Рот, США)
 85. Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба / Austin Powers: International Man of Mystery (1997, реж. Джей Роуч, стар Майк Майерс, США)
 86. Пятый элемент / The Fifth Element (1997, реж. Люк Бессон, стар Брюс Уиллис, Франция)
 87. Карты, деньги, два ствола / Lock, Stock and Two Smoking Barrels (1998, реж. Гай Ричи, стар Джейсон Стэтхэм, Винни Джонс, Ленни МакЛин, Великобритания)
 88. Про уродов и людей (1998, реж. Алексей Балабанов, стар Сергей Маковецкий, Виктор Сухоруков, Россия/С.-Петербург)
 89. Сука любовь / Amores perros (2000, реж. Александр Гонсалес Иньярриту, стар Гаэль Гарсия Берналь, Гойя Толедо, Эмилио Эчеваррия, Мексика)
 90. Перевозчик / Le Transporteur (2002, реж. Луи Летеррье, стар Джейсон Стэтхэм, Франция/США)
 91. Очевидное — фильм о поезде / Skenbart — en film om tåg (2003, реж. Питер Далле, стар Питер Далле, Гёста Экман, Роберт Густафссон, Швеция)
 92. Жизнь это чудо / Живот је чудо (2004, реж. Эмир Кустурица, стар Славко Штимац, Наташа Шолак, Сербия)
 93. Битва на небесах / Batalla en el cielo (2005, реж. Карлос Рейгадас, стар Маркос Эрнандес, Мексика)
 94. Жмурки (2005, реж. Алексей Балабанов, стар Дмитрий Дюжев, Алексей Панин, Россия/СПб)
 95. Запределье / The Fall (2006, реж. Тарсем Сингх, стар Ли Пейс, Джастин Уодгелл, Катинка Унтару, США/Индия)
 96. Сыщик / Sleuth (2007, реж. Кеннет Брана, стар Майкл Кейн, США)

97. Триста спартанцев / 300 (2007, реж. Зак Снайдер, стар Джерард Батлер, США)
 98. Меланхолия / Melancholia (2011, реж. Ларс фон Триер, Дания/Швеция)
 99. Мельница и крест (2011, реж. Лех Маевский, стар Рутгер Хауэр, Польша/Швеция)

100. Пина. Танец страсти / Pina (2011, реж. Вим Вендерс, стар Пина Бауш, Германия)
 101. Пьета (2012, реж. Ким Ки Дук, стар Ли Джон Чжин, Джо Мин Су, Южная Корея)
 102. Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына (2014, реж. Андрей Кончаловский, стар Алексей Тряпицын, Россия/Италия)

СТАТИСТИКА

1. Франция	19	11. Япония	3
2. США	17	12. Польша	2
3. Московия	16	13. Мексика	2
4. Италия	13	14. Армения	1
5. Великобритания	8	15. Дания	1
6. Германия	7	16. Индия	1
7. СПб	5	17. Испания	1
8. Украина	5	18. Южная Корея	1
9. Швеция	4	19. Сербия	1
10. Грузия	3	20. Чехословакия	1

жизнеутверждающий символ смерти

Весной сего года компания Arch Out Loud объявила конкурс о взаимоотношениях города и смерти, сформулировав его как «Вертикальное кладбище» в токийском районе Синдзюку. Пётр Маркман, будучи закаленным бойцом знаменитых бумажных конкурсов 1980-х, ввязался в бой, небезосновательно считая, что тему конкурса у него «украли». Рассказав о задумке, Пётр Фёдорович попросил меня поработать над концепцией обелиска-кладбища. Проистекшая из этого переписка, помимо выхода к пояснительной записке, представляет собой небезынтересный образец работы над текстом, который мы ниже и приводим. Конкурс завершился в октябре — мы ничего не выиграли. Но осадочек остался.

Борис Ерофалов

Маркман пишет 30.09.2016:

Мне нравится фраза: «Обелиск — жизнеутверждающий символ смерти».

Ерофалов пишет 31.08.2016:

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ:

1. Вертикальное кладбище следует устроить в виде Обелиска — современной электронной светящейся конструкции, несущей непреходящие символические смыслы в городской пейзаж.
2. Обелиск — это «лифт на небо», а его верхушка — пирамидион — точка перехода. В соответствии с более чем трехтысячелетними воззрениями египтян, над вершиной пирамиды и пирамидиона симметрично, как в песочных часах, расположен потусторонний мир богов и духов — Дуат — куда попадает душа человека.
3. Горний мир, по мнению древних, устроен по законам порядка и гармонии, и именно он через верхушку пирамидиона отображается на землю. И наоборот, сад, хозяйственный двор, дом, священная дистанция жизни «хеб-сед» устроены по образу и подобию неба. Всё что вокруг, на небесах — хаос, на земле, за пределами ограды, города — пустыня.
4. Мысль о мемориальном предназначении обелиска как структуры соразмерной городу пришла к автору не случайно. Это проекты 2011 года

«Monumento Mori» (Киев), 2014 года «Symbol Of The City» (Япония), 2016 года «Бабий Яр» (Киев).

5. Обелиск для Токио. Конструкция.

Тело обелиска сложено из легких структурных материалов. Внутри — пустотелый. Наружная оболочка — ячейки для урн с прахом. Центральный ствол — лифт с манипулятором для доставки урн и электронного обслуживания ячеек. Каждая ячейка может подсвечиваться целевым образом. Вызолоченная верхушка обелиска — пирамидион — подсвечивается еженощно.

6. Обелиск для Токио. Функция.

Залы прощания, крематорий и офис обслуживания находятся в подиуме, занимающем всю выделенную под проект площадку. Похороны и кремация проводятся по традиционному ритуалу, затем урна автоматически поднимается в ячейку и подсвечивается по индивидуальной, а в дни национальных праздников — по общей программе.

7. Обелиск для Токио. Символизация.

Сооружение, в которое не поднимаются живые, становится зримой памятью, которая актуализируется индивидуальной цветовой подсветкой каждой ячейки, в дни рождения и смерти — бесплатно, в прочие дни — на коммерческой основе. Пирамидион, всегда горящий в ночи, указывает на связь горнего и дольнего. Сам сияющий обелиск становится осмысленной и жизнеутверждающей частью городского пейзажа, напоминающей о скоротечности времени и непреложности законов неба.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ ПРОЕКТЫ:

А. 2011, проект Monumento Mori, Киев.

Проект предполагал достроить заброшенное и недостроенное 25-этажное конторское здание советских времен до обелиска мега-размеров, пригав ему мемориальную функцию, так как здание было заложено на территории старого киевского Соломенского кладбища.

В. 2014, проект Symbol Of The City, Япония.

В этом проекте, предоставленном автором на открытый конкурс журнала Japan Architect, была сделана попытка развить идею предыдущего проекта, так как его смысловые и символические линии оказались сомасштабны и соразмерны такого рода современному мега-образованию, как город.

С. 2016, проект Бабий Яр, Киев.

Проект мемориального комплекса Бабий Яр на месте, где за два года (1941–1943) были насильственно умерщвлены более 200 тысяч человек, предполагал реконструировать трансляционную вышку первой телевизионной эпохи (382 м высотой, 1971 г.), размещенной между тремя кладбищами, по сути на их территории, — в мемориальный обелиск.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЕЛИСКА:

- α. МАСТАБА — идея сохранения для загробной жизни.
- β. ПИРАМИДА ДЖОСЕРА — ритуал хеб-сег для перемещения к звездам
- γ. ПИРАМИДА ХЕОПСА — идея взаимоотражения горного и дольного
- δ. МЕНХИРТ — идея солнца как посредника между горным и дольным
- ε. ОБЕЛИСК — идея вознесения
- ζ. ПЛОЩАДЬ СВ. ПЕТРА — идея единобожия, связывающая мировые религии
- η. ПАМЯТНИК ДЖ. ВАШИНГТОНУ — самое высокое мемориальное сооружение, отображающее идею единения в Боге

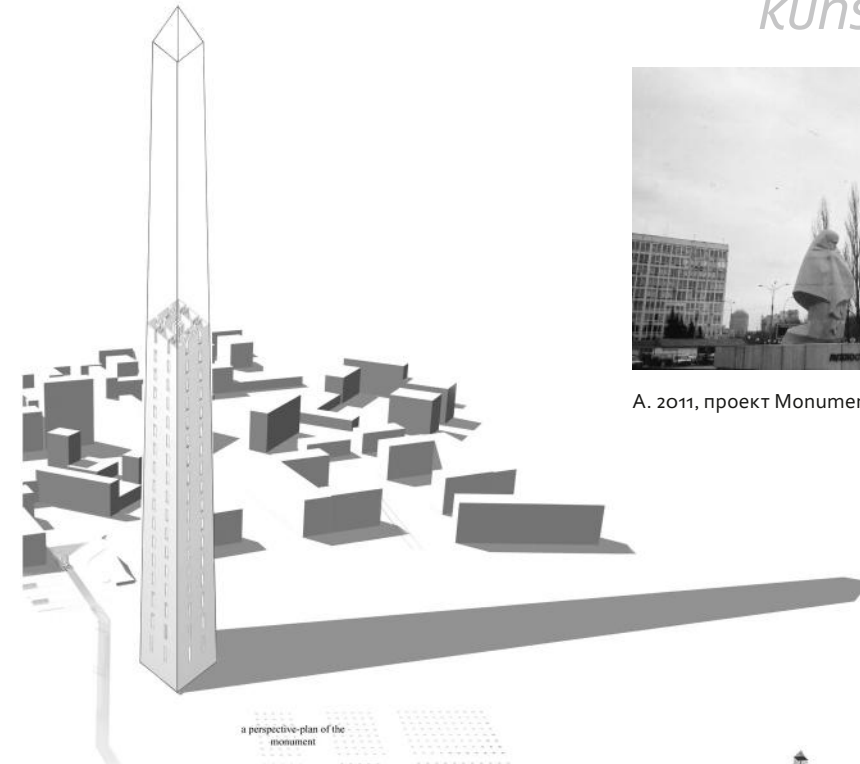
Маркман пишет 1.09.2016:

Привет. ужал. возможно, надо ещё отточить. остальные уточняющие формулировки — в виде сносок к картинкам:

Вертикальное кладбище следует устроить в форме Обелиска. Мемориализация захоронения в монументальной форме — великое изобретение египтян, прошедшее эволюцию от мастаба до обелиска. Обелиск — это «лифт на небо», а его верхушка — пирамидион — указывает на связь горного и дольного, на переход души человека в Дуат, в потусторонний мир богов и духов. С точки зрения функции, захоронение — это «обозначаемое». Памятник над захоронением — это «обозначающее», символ его смысла и значимости для живых. Идея проекта — полное слияние «обозначаемого» и «обозначающего», придание функциональному сооружению символической формы Обелиска. Обелиск — сооружение, функцией которого не пользуются живые, которым доступно только созерцание. Так Обелиск становится осмысленной и жизнеутверждающей частью городского пейзажа, напоминающей о скоротечности времени и непреложности законов неба.

Ерофалов пишет 2.09.2016:

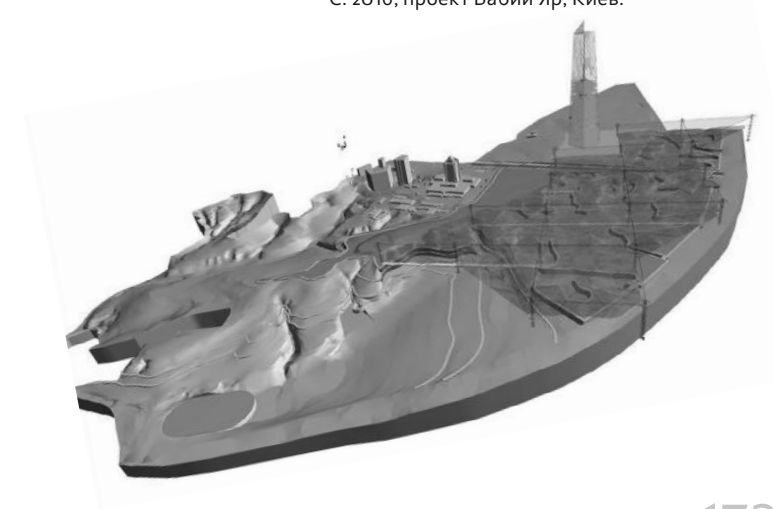
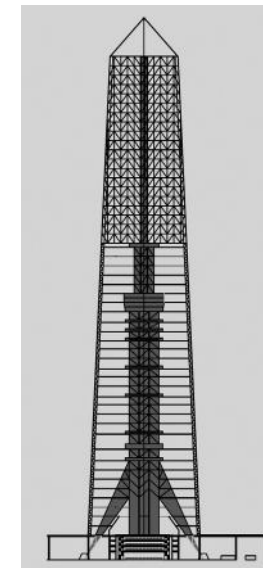
Отшень хорьёшё. Зато сто слов:

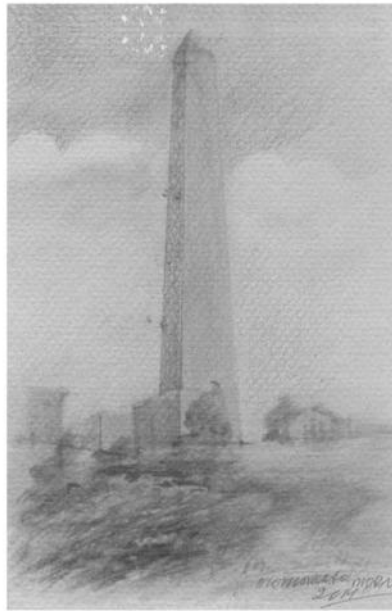

А. 2011, проект Monumento Mori, Киев

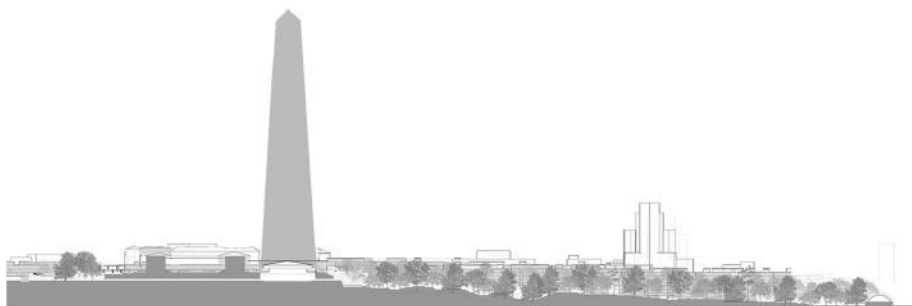
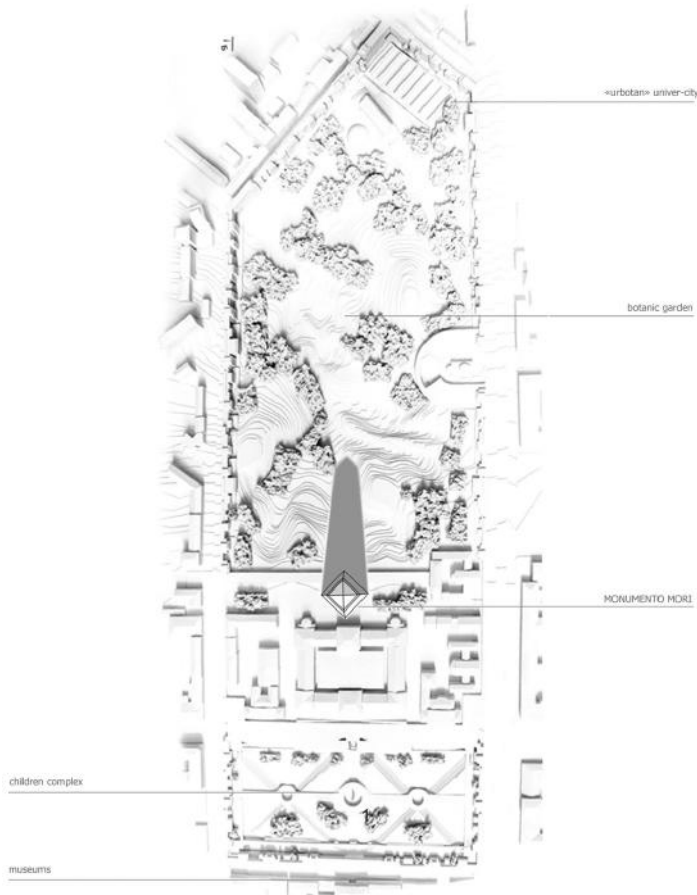
С. 2016, проект Бабий Яр, Киев.

MONUMENTO MORI
 columbarium as the memorial symbol of the City,
 life-affirming monument of the death. Not confrontation,
 but profound connection between life and death.

During the death process its habitants do not leave the city, they stay inside just as a symbol,
 changing only the location. It is a fact that in historical city its accommodation equals
 to cemeteries population. People don't like to think and talk about death, literally giving it
 a place in the shadow, but we can't reason about the death abstract, death is a fact of life,
 as darkness is a fact of light. "Monumento mori". Located in the centre of the historic city,
 towering on a high place visible from any level, MONUMENTO MORI becomes universal
 grandiose reminder of the transience and values of life. It is like a catalyst for the recognition
 of borders the logic determines. The meaning of life and the choice leads to a more
 reasonable attitude towards our own life and life of the others.

В. 2014, проект Symbol Of The City, Япония

Обелиск — «лифт» на небо. Мемориализация захоронения в такой форме изобретение египтян, за три тысячи лет прошедшее эволюцию от мастабы, через пирамиду, до обелиска. Верхушка обелиска — пирамидион — точка соприкосновения горнего и дольнего, место перехода души в Дуат, космический мир богов. Нонконформистское кладбище должно овладеть непревзойденной формой обелиска. Захоронение — «обозначаемое», а памятник над ним — символ значимости для живых. Идея проекта — слияние «обозначаемого» и «обозначающего», придание функциональному сооружению символической формы. Дом, «жилой» функцией которого пользуются только мертвые, каждая ячейка с прахом подсвечена своим цветом в дни рождения и смерти. Живым доступно лишь созерцание. Такой обелиск — связующая часть городского пейзажа с непреложными законами неба.

Маркман пишет 3.09.2016:

Ещё раз пересмотрел, переставил. Посмотри:

Идея проекта: символическое слияние хранилища праха и памятника — «обозначаемого» и «обозначающего». Функциональному сооружению придана форма Обелиска, символа значимости места для живых. Мемориализация захоронения — изобретение египтян — прошла путь эволюции от мастабы, через пирамиду, до обелиска. Обелиск — «лифт» на небо. Верхушка обелиска — пирамидион — точка соприкосновения горнего и дольнего, место перехода души в Дуат, космический мир богов. Нонконформистское вертикальное кладбище — колумбарий — должно овладеть непревзойденной формой обелиска. Обелиск — «дом» праха, «жилой» функцией которого пользуются только мертвые. Живым доступно лишь созерцание: каждая ячейка с прахом излучает свой цвет в дни рождения и смерти. Такой обелиск — жизнеутверждающий памятник смерти, связующая часть городского пейзажа с непреложными законами неба.
 MONUMEMENTO MORI

Ерофалов пишет 5.09.2016:

Думка (а як відомо, дурний гумкою багатіс): лучче памяхше вводить чающее и чаемое. Начать торжественно с истории и технологии. Затем эксплицировать должное. И — как черт из табакерки — связать пейзаж с нашей конструкцией. Затем столь же торжественно завершить, не забывая и наду-

важ щекы о месте и городе. Слоган — в гриву. И поменьше заглавных, тире и кавычек. Получим что-то вроде:

MONUMENTO MORI

Обелиск — это «лифт» на небо. Мемориализация захоронения в такой форме тысячелетнее изобретение египтян, прошедшее эволюцию от мастабы до пирамиды и обелиска. Его наверх, золотой пирамидион — соприкосновение горнего и дольнего, точка перехода души в Дуат, космический мир богов. Нонконформистское погребение должно использовать непревзойденный механизм обелиска. Идея проекта: слияние обозначаемого и обозначающего, придание кладбищу символической формы. «Жилой» функцией здания-обелиска Синдзюку пользуются только мертвые; в дни рождения и смерти каждая ячейка с прахом излучает свой цвет, живым доступно лишь созерцание. И если кладбище является частью города, то монумент — отовсюду видимый символ его значимости. Обелиск становится связующим звеном между городом и непреложным законом неба.

Маркман пишет 17.09.2016:

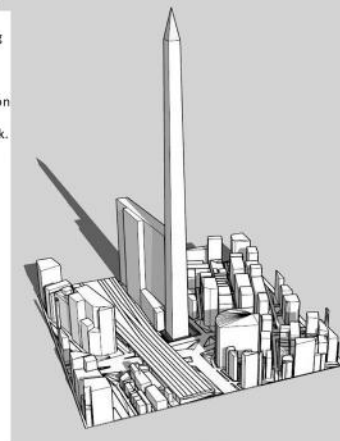
Ну, может быть, теперь надо точно выбрать все уточняющие надписи к изображениям и срочно сделать перевод:

MONUMENTO MORI

По традиции останки людей, окончивших земной путь, продолжают обитать среди живых в местах захоронения праха. Места эти обозначены памятниками, символами значимости места захоронения для живых. Мемориализация в монументальной форме — изобретение египтян — прошла путь эволюции от мастабы, через пирамиду, до обелиска. Обелиск — «лифт» на небо. Верхушка обелиска — пирамидион — точка соприкосновения горнего и дольнего, место перехода души в Дуат, космический мир богов. Идея проекта: функциональному сооружению — колумбарии — придана непревзойденная в тысячелетиях форма Обелиска. Наравне с «обителем живых» — жилыми и офисными зданиями — Обелиск-колумбарий в мегаполисе есть «обитель праха». Живым доступно лишь созерцание Обелиска как снаружи, так и изнутри: каждая ячейка с прахом излучает свой цвет в дни рождения и смерти. Такой Обелиск — жизнеутверждающий памятник смерти, связующая часть городского пейзажа с непреложными законами неба.

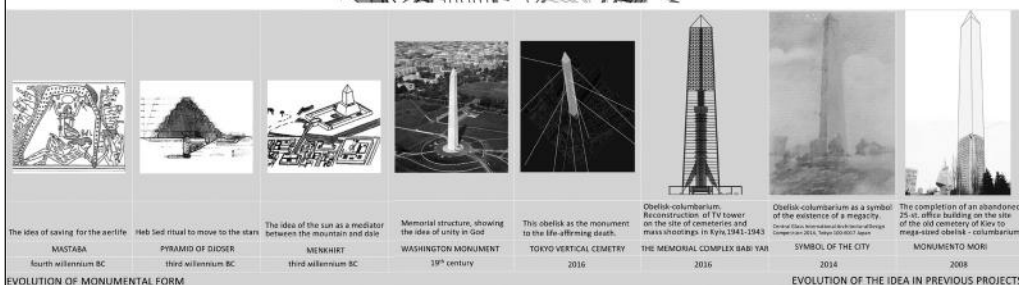
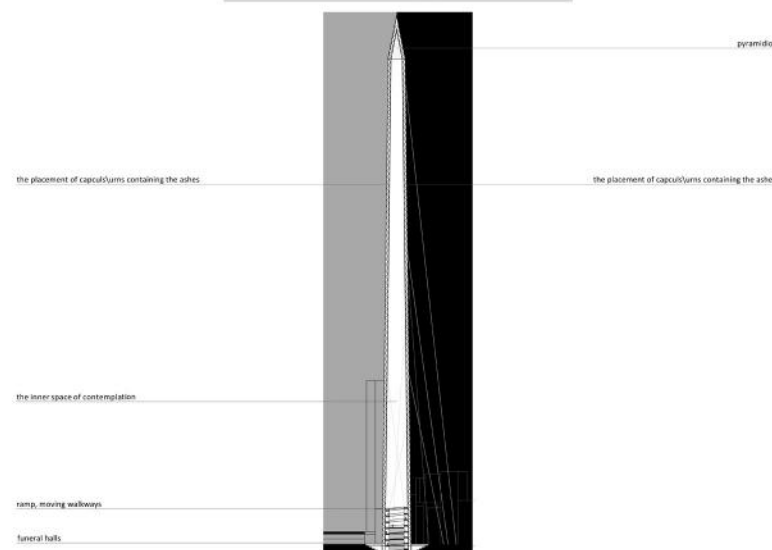
MONUMENTO

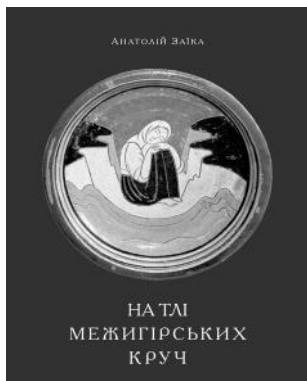
By tradition, the remains of people who graduated from earth's path, continue to dwell among the living in places of burial of the ashes. These places are marked with monuments, symbols of the significance of the burial place of the living. Memorialization in monumental form - the invention of the Egyptians - took the path of evolution from the mastaba, through the pyramid to the obelisk. An obelisk is the "lift" to the sky. The top of the obelisk - pyramidion - is the point of contact of mining and partite, the place of transition of the soul in the Duat, the vast world of the gods.

MORI 598378167

The idea is in functional structure - a columbarium rendered unmatched in the form of Obelisk millennia. Along with the "abode of the living", the residential and office buildings, Obelisk-columbarium in the city is the "abode of the dust." Live is only available to the contemplation of the Obelisk, both outside and inside: each cell emits with the ashes of their color in the days of birth and death. This obelisk is the monument to the life-affirming death, binding part of the urban landscape with the immutable laws of heaven.

Заїка А. І. *На тлі межигірських круч: Забуті сторінки історії Києво-Межигір'я* — К.: А+С, 2016. — 528 с., ілл.

Києво-Межигір'я — символ багатостраждальної та понівеченої вітчизняної історії. З кінця 1930-х і до погій Революції Гідності влада вважала за краще взагалі не згадувати про Межигір'я. Агже тут, на попелищі славнозвісного козацького монастиря, а згодом провідного художнього осередка України, влаштували закриті вілли та резиденції більшовицькі й пострадянські можновладці. Ця книга майже із небуття віновляє широке поле історичних подій, драматичних колізій та мистецьких зобутків. Особливої уваги заслуговують вперше оприлюднені спогади Павла Іванченка, які окрім суто

і дніпро, і кручі

фактологічної користі, готичної Межигірського художньо-керамічного технікуму, мають самодостатню етнографічну та історико-культурну цінність. Загалом книга Анатолія Заїки — яскравий сплав історичної, краєзнавчої та мистецької розвідки. Автор — архітектор-художник, фотограф, науковий співробітник НЦНК «Музей Івана Гончара». Книга буде корисною мистецтвознавцям, історикам, краєзнавцям і всім небайдужим вітчизняної культури. Видання стало можливим завдяки підтримці ктитора, пошанувача української старовини Володимира Колінко (Київська ландшафтна ініціатива). Рівно через день після втечі Януковича, 23 лютого 2014 року, Верховна Рага України прийняла рішення повернути в державну власність резиденцію Межигір'я. Питання про раціональне використання всього добра, що залишилось від «закритої території», безумовно, має бути вирішено мудро. Звичайно, тут може з'явитися і Музей корупції, і спортивні, і розважальні комплекси. Належним чином має

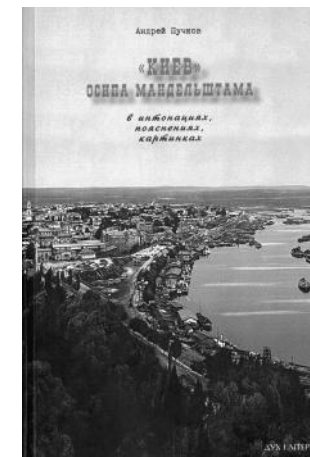
використовуватися і згаватися в оренду високоякісне гольф-поле, яких зовсім мало в країні. Звичайно, повинен залишитися вільний доступ для всіх бажаючих. Нехай за гроші, агже інфраструктура потребує належної підтримки та обслуговування. Сьогодні, два роки після погій Революції Гідності, багато чого розікрали. Територію вгдгали в піпорядкування Міністерства оборони. Доступ обмежили... Але не можна забувати про головну якість Межигір'я. Це наша історична спадщина і першокласний національний природний парк. І Дніпро, і кручі. Як повноправна складова музейно-паркового комплексу сюди може увійти Новопетрівський музей визволення Києва «Лютізький плацдарм», розташований неподалік. Музейно-природний комплекс Межигір'я, з чудовою інфраструктурою, у багатьох відношеннях перевершує облаштування таких перлин України, як ялтінський парк Нікіта або Асканія Нова, і мусить стати національним парком України.

Богдан КОМУЖАРКО,
Київенерго

и осип, по-вашему, не киевлянин?

Читаю на титуле: «опыт интонационного историко-культурного (комплексного, калейдоскопического) комментария бытовых реалий <...> Для некиевляни киевлян, гля мандельштамоведов и киевоведов». Ну, гумаю, сейчас унасекомьят и задавят эругицией (спешу успокоить: этого не будет, текст не унизит вас «вчённостью»). А я, собственно, кто? Киевлянка. Вот и начну по порядку с мандельштамовского очерка «Киев». Прочла. И вдруг у меня возникло какое-то удивительное теплое и уютное чувство сопричастности и узнавания. Хотя это и не мое время, хотя Мандельштам, поэтический и прозаический, труден для быстрого присвоения. А тут было что-то простое и доверительное: «Самый живучий город Украины». «Да, велико жизнелюбие киевлян». И вот я как будто смываю следы осенне-зимних непогод с оконного стекла и заглядываю в знакомую комнату. Я помню с детства: «Киевляне! Это такой народ! Его колоти, а он всё танцевать будет!» Мне казалось, что это обо мне, обо всех нас, таких веселых и неунывающих, только Гайдар почему-то отгадет эти слова нехоро-

шему человеку... Мандельштам: «Презрение к Подолу чрезвычайно распространено в буржуазном городе». Было... Я, шестнадцатилетняя, приобретаю себе на барахолке шикарные туфли-крабы, высоченный и толстенный квадратный каблук и наглая дырчатая шнуровка. Это называется «подольский шик», — выдал мой папа. А киевские типы из толпы! Сама слышала: «На всякий случай, в каретах мы не ездили, номорально мы всегда жили хорошо!» Ну, а дальше слугует собственно Андрей Пучков. Разбитый по номерам его комментарий, привязка чуть ли не каждой фразы и слова из мандельштамовского очерка к месту, пространству и времени города. Зачем я все это рассказываю? Ведь автор блестящего послесловия Алексей Босенко уже сделал это за меня, это и рецензия, и гимн... Иреквием Киеву, боль, мужество и честность гражданской позиции. И в то же время крошечная, но надежда. Но вернемся к комментарию Андрея Пучкова. Помните: «Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Это нас с вами,

Пучков А. А. *«Киев» Осипа Мандельштама в интонациях, пояснениях, картинках* — К.: Дух і Літера, 2015. — 216 с.: илл.

читателей, призвали. Говорят с нами Паустовский и Булгаков, Шолом-Алейхем и Эренбург, киевоведы Кальницкий, Петровский, Малаков... Сделано всё, чтобы мандельштамовский очерк стал прозрачнее и предметнее. Вымногое «вспомните», многое откроете для себя, на каждом шагу будете «узнавать» забытое. А вообще, рецензия могла бы состоять из одних только адресов книжных магазинов, где можно приобрести эту книгу. Она нужна каждому, кто присматривался, всматривался и засматривался на этот город.

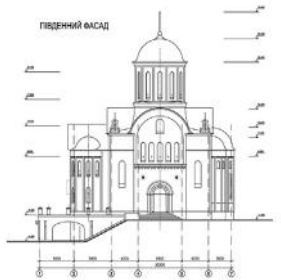
Людмила ШАРИНОВА

Цегла як модус вівенді

25 листопада були підведені підсумки Всеукраїнського конкурсу «Кращі архітектурні та дизайнерські рішення з використанням керамічної цегли та блоків СБК — 2016», що проводився компанією Слобожанська Бувівельна Кераміка за підтримки Національна спілка архітекторів України. Метою творчого змагання зодчих була популяризація конструктивних та оздоблювальних матеріалів з кераміки.

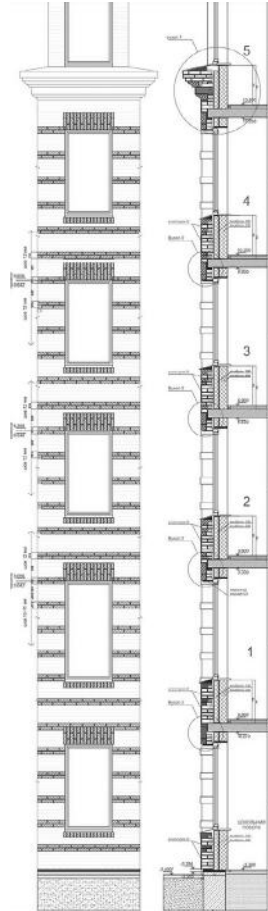
Предметом розгляду були завершені будівництвом об'єкти та інтер'єри, в яких використані матеріали торгової марки СБК.

Конкурсне журі у складі архітекторів Петра Маркмана, Юрія Сєрьогіна, Анатолія Дощенко, Євгена Бабійчука, Михайла Булкіна та представників керівництва СБК Віталія Яценко та Юрія Луценка, визначило переможців в трьох номінаціях конкурсу.

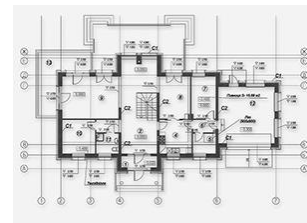
СВЯТО-ПРЕОБРАЖЕНСЬКИЙ ХРАМ
Хмельницький

номінація:
Сакральні споруди
статус: Перша премія
архітектор: Сергій КОЗАК

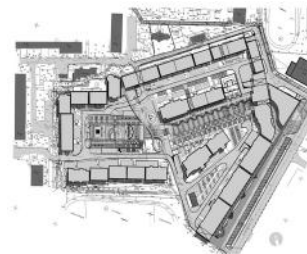
ЖИТЛОВИЙ ТА ОФІСНИЙ БУДИНОК
Київ, вул. Лесі Українки 30-Б

номінація: Бувівлі та споруди
статус: Перша премія
архітектор:
Володимир ШЕВЧЕНКО,
Дмитро СМІРНІЙ,
Наталія ШЕВЧЕНКО,
Тетяна МАКАРИНА

ВИЛЛА BRITANNICA
Київська обл.

номінація:
Індивідуальні будинки
статус: Перша премія
архітектор: Віктор ЛІХНО

ЖИТЛОВИЙ КОМПЛЕКС
Чернівці, вул. Воробкевича

номінація: Бувівлі та споруди
статус: Друга премія
архітектор:
Олег ПІКУЩЕНКО

ПРИВАТНИЙ БУДИНОК
Київська обл.

номінація: Індивідуальні будинки
статус: Друга премія
архітектори: Вікторія БАХОВА,
Олена МАЗНІЧЕНКО

дольношльонські фестивалі архітектури

Давне польське місто Вроцлав у цьому році стало «Європейською столицею культури 2016». Це проект загальноєвропейського масштабу, згідно з яким, досить значні кошти з бюджету ЄС спрямовують на проведення протягом року в одному чи двох європейських містах серії культурно-мистецьких подій — фестивалів, концертів, соціально-мистецьких акцій. Таким чином мешканці Європи отримують змогу краще пізнати культуру окремих країн європейської спільноти. Архітектура — один з головних елементів культурного нагбання, тож не дивно, що значна частина програми ВЕСК-2016 була присвячена її популяризації та різнобічному освітленню.

Простір для краси — це девіз

Комплекс Мікмак, проектувальник ARC 2

Дольношльонського фестивалю архітектури, який став огнією з головних частин проекту «Вроцлав-європейська столиця культури 2016». Фестиваль проходив 7–14 жовтня на базі Вроцлавського музею архітектури. Ретельно підготовлена програма включала в себе: міжнародну наукову конференцію «Мистецтво в просторі»; конкурсні та тематичні виставки; вручення Почесної нагороди

Вроцлавського відгінлення Спілки архітекторів Польщі; конфронтації — цикл лекцій-показів польських та датських архітекторів; проєкції, тобто перегляд фільмів архітектурно-культурної тематики; відкрите місто — екскурсії-презентації по знакових місцях Вроцлава та околиць; Серед супутніх подій велику зацікавленість викликала лекція «Майбутнє сьогодні» архітектора Гані Рашіга (Asymptote, USA).

Тематичні виставки: «Європейські столиці культури: Сібіу 2007, Вроцлав 2016, Орхус 2017», «Простір для праці архітектора», «Модерністична архітектура Львова». Конкурсні виставки: «Почесна нагорода Вроцлавського відгінлення Спілки архітекторів Польщі».

фото: Sabin Kluszczyński, 2016

Новий термінал аеропорту Wrocław, JSK Architekci

На закритті Фестивалю відбулася своєрідна передача естафетної палички Європейської столиці культури керівникам оргкомітету з датського міста Орхус, яке буде ЄСК в 2017 році. Важливою частиною ЄСК Орхус-2017 буде Тиждень архітектури — інтерактивне бієнале, присвячене проєктуванню та будівництву. Більш повну інформацію про Тиждень архітектури в Орхус ми опублікуємо в наступному числі А+С.

Олександр Барановський

Афрікаріум-Океанаріум
у Вроцлаві
ARC 2 Fabryka Projektowa

архітектор ігор шпара (30.05.1936–26.09.2016)

Ігор Шпара, 1980-ті

26 вересня 2016 року, помер відомий український архітектор Ігор Петрович Шпара.

Він був першим головою і президентом незалежної Спілки архітекторів України і очолював її з 1990-го протягом двадцяти одного року.

Ігор Шпара автор відомих київських споруд і планувань, в тому числі співавторстві: Гідропарку (1965–1968); Венеціанського мосту (1966); житлового комплексу Ради Міністрів УРСР на вул. Суворова 5 (1968–1985); забудови житлових масивів Микільська Борщагівка (1970–1989), Лівобережний (1974–1980),

Харківське шосе (1981–1987); реконструкції Либідської площі та кварталів Поголу в межах Оленівської та Введенської вул.; житлового комплексу вул. Горького та Боженка (1983–1986); комплексу Вищої партійної школи (зараз ІМВ, 1986–1989, Держпремія України в галузі архітектури); гуртожитку ВПШ на вул. Герцена (1989); бугівлі Укресімбанку на вул. Горького/Антоновича (1996, Держпремія України); церкви Різдва Пресвятої Богородиці в Голосієві (1999) та багатьох інших.

Ігор Петрович Шпара народився 30 травня 1936 року в Харкові.

У 1960 році закінчив Київський державний художній інститут, де вчився у академіка архітектури Володимира Заболотного та професора Наталії Чмутіної. З 1960 по 1990-й працював в Київпроекті. З 1972 року почав викладати Художньому інституті (нині НАОМА), професор (1993), керівник навчально-творчої майстерні (1998).

1993-го створив приватну архітектурну майстерню. У травні 2002 року очолив Державний комітет з присудження премій в галузі архітектури. Був членом архітектурно-містобудівельної ради Держбуду України та членом київської містобудівельної ради. Окрім багатьох яскравих бугівель та житлових районів, міських планувань та чудових дніпровських парків Ігор Петрович виховав та надихнув на творчу працю багатьох учнів-архітекторів, які пам'ятають його з Київського художнього інституту, з Київпроекту та власної проектної майстерні і з непростих часів керування Спілкою архітекторів.

Борис ЄРОФАЛОВ

Ігор Петрович Шпара

співпраця будівельної палати та нсау

13 вересня 2016 року в Центральному будинку архітектора відбулося спільне засідання Президії Будівельної палати України та Президії НСАУ. В заході взяли участь представники Мінрегіону, ряду громадських організацій. В центрі обговорення були проблемні питання будівельної галузі та архітектурно-урбаністичної сфери України.

Президент НСАУ В. М. Гусаков виступив з інформацією та вніс конкретні пропозиції щодо вирішення актуальних проблем української архітектури, правового регулювання архітектурно-урбаністичної

сфери та створення саморегульованої професійної спільноти архітекторів. До основних завдань такої спільноти належатиме забезпечення

функціонування системи сертифікації архітекторів та організація створення Архітектурної палати України.

марафон проектів

В рамках Міжнародного Експофорума «Будівництво, архітектура, нерухомість», який відбувся в Києві 6-8 жовтня (організатори: Київський Міжнародний Контрактовий Ярмарок, Будівельна палата України, НСАУ, Мінрегіон України) пройшов Марафон проектів, комунікаційний майданчик для представників всіх сегментів архітектурно-будівельної галузі. Модератором заходу був головний редактор А+С Борис Єрофалов.

нові повноваження нсау

завершено процес делегування мінрегіоном України саморегулювальної організації — національній спілці архітекторів України повноважень щодо проведення професійної атестації відповідальних виконавців архітекторів. Віце-прем'єр-міністром України, Міністром регіонального розвитку, будівництва та житлово-комунального господар-

ства України Г.Г. Зубко 18 жовтня 2016 р. підписано відповідний наказ. Спілка набула права видавати сертифікати, приймати рішення щодо скасування сертифіката в разі невиконання атестованими архітекторами Стандартів професійної діяльності, Правил професійної етики архітектора. Відкрились реальні можливості щодо вдосконален-

ня проведення атестації, формування складу, структури, регламенту роботи Атестаційної архітектурно-будівельної комісії НСАУ. Спілка сама тепер вирішує розробку і затвердження програм підвищення кваліфікації, встановлює порядок проведення іспитів. Зроблено ще один важливий крок до повноцінної Архітектурної Палати України.

комісія з архітектурної освіти мса

В Парижі 24-25 жовтня відбулося спільне засідання Атестаційної ради та Комісії з архітектурної освіти МСА (EDUCOM), членом якої є віце-президент НСАУ Олена Олійник. Вперше були розглянуті питання архітектурної освіти в Україні, а саме заочної її форми, яку запровадили деякі університети, допускаючи навіть отримання магістерського ступеню для студентів, що не мають спеціалізованої архітектурної освіти на рівні бакалавру, а тільки загальнотехнічну. Визнаючи право кожного навчального закладу на введення незалежних освітніх програм, Комісія

нагадала, що Хартія з архітектурної освіти спеціально наголошує на необхідності індивідуальної освіти в галузі архітектури та обов'язкового післядипломного стажування. Не заперечуючи введення сучасних форм навчання, в т. ч. дистанційної форми, члени Комісії погодилися щодо

визначення очної форми викладання спеціальних дисциплін як основної. В разі потреби може бути введена дистанційна форма навчання на непрофільні предмети, проте архітектурні і пов'язані з ними дисципліни мають вивчатися в присутності і під керівництвом викладача-архітектора.

II регіон МСА в салоніках

4–5 листопада в Салоніках відбувся мітинг президентів країн II Регіону МСА. Україну представляли віце-президенти НСАУ Вадим Жежерін, Олена Олійник, Олександр Чижевський. У вступному слові віце-президент II регіону МСА Деніз Інчедай звернула увагу на нові завдання перед Конгресом МСА в Сеулі у вересні наступного року. В числі головних — вдосконалення системи архітектурної освіти, політичні та економічні проблеми в країнах II регіону (Сирія, Ірак, Афганістан, Україна), реформування політики МСА в відношення молоді. Єжі Грохульський (Польща) розповів, що завершується робота на

умовами участі в конкурсах МСА; надалі є важливою проблема біженців. Сербан Драгес Тіганас (Румунія) запропонував всім секціям МСА внести пропозиції до Конгресу МСА. Андрій Боков (Росія) визначив

успішне проведення в м. Баку III Бакинського Міжнародного Архітектурного Конкурсу в жовтні 2016 р. Член Ради МСА Нікос Фінтікакіс організував екскурсію по Археологічному музею, автором реконструкції якого він є.

фестиваль в мінську

29 вересня—1 жовтня в Мінську відбулись XXIV Координаційна Рада Міжнародної асоціації союзів архітекторів (МАСА) і Міжнародний смотр-конкурс на кращий проєкт (будівлю) 2016 року. Віг НСАУ захід відвідали Вадим Жежерін та Георгій Духовичний. Серед переможців архітектурного змагання

є учасники з України. Дипломами III ступеня нагороджено: в розділі „Проект” — Андрія Пашенька, Світлану Згоренко, Дениса Городчаніна & Со за офісно-житловий комплекс Hoffmann Haus на Златоустівській в Києві; в розділі „Будівля” Івана Юнакова, Андрія Карпова, Ярослава Катрича за осо-

бняк в Бучі під Києвом. Дипломом в розділі „Публікація” — головного редактора А+С Бориса Ерофалова та графічного дизайнера Андрія Шалигіна за книгу „Символи архітектури, или Нумерологическое испытание архитектурной формы” (К.: А+С, 2016).

Обсуждение ежегодной премии
TILE OF SPAIN, 2016

валенсия: *cevisama* и фигуры

Бориш ТОРНАДО, Андреаш ТЕКИЛА

В этом году главный европейский смотр в стиле мудехар, выставку Cevisama в Валенсии, посетил главный дизайнер А+С Андрей Шалыгин. Помимо ежегодных архитектурно-керамических инноваций, архитектурного конкурса ASCER, прогулок вдоль благоухающего русла Турьи и удивительного океанариума, организаторы угостили участников Музеем фальяс.

Праздник Фальяс (*Las Fallas*, произносится Файяс) проводится с XVIII века и приурочен встрече весны. Местные утверждают, что праздник посвящен Св. Иосифу Обручнику, ибо был плотником. После зимы горожане выносили ставшие ненужными громоздкие подставки для жаровен и светильников и с радостью предавали деревья

фото: Андрей ШАЛЫГИН, 2016

Музей фигур «фальяс» в Валенсии

Столярная мастерская Мануэля Гарсии

огню, устраивая пляски и фейерверки. Но вместо угловатых конструкций куда интереснее было сжигать целые сюжеты. Особенно весело было спалить какого-нибудь известного парня или красавицу, а еще лучше североамериканского президента или Мэрилин Монро. И в XX веке валенсийские плотники стали сооружать фигуры из реек для сжигания в пыл и пламя, а потом вовсе оснащать их папье-маше и раскрашивать в разные цвета. Фигуры становились всё больше, сюжеты разнообразнее. Очень напоминает полыхающий Диснейленд. Поэтому праздник этот ско-

Павильон регаты в Валенсии, архит. Дэвид Чипперфилд, 2007

рее не истинных христиан,
но огнепоклонников.

Чтобы сохранить хоть
какие-то следы весен-
него вдохновения при-
думали Музей фальяс.
Интерес он представляет
не просто художественно-
артистический, но и архи-
тектурный. Сколько вели-
чия во франко-гериевых
каркасах! какое разнообра-
зие сюжетов! графическое
мастерство эскизов!

Ну, а результаты конкурса
ASCER на лучший архитек-
турный проект с использо-
ванием керамики были как
всегда увлекательны и без-
упречны.

Мастерская по изготовлению фальяс (carpinteria artistica) М. Гарсии в Валенсии

паркинг в монпелье

МНОГОЯРУСНЫЙ ПАРКИНГ SAINT-ROCH

пл. Сен-Рох, Монпелье, Франция

статус: поощрительная премия TILE OF SPAIN

проектировщик: ARCHIKUBIK

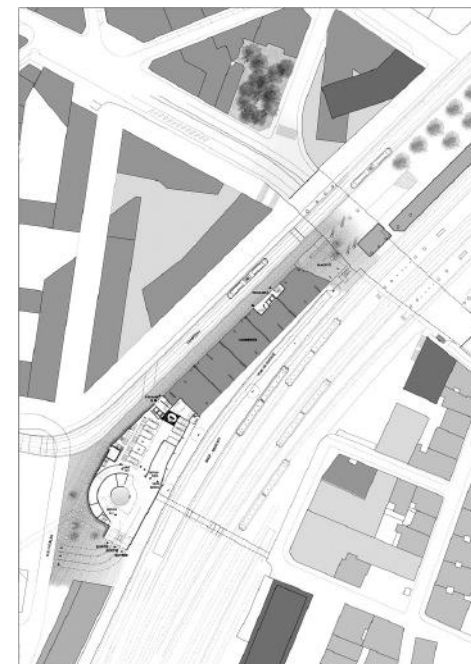
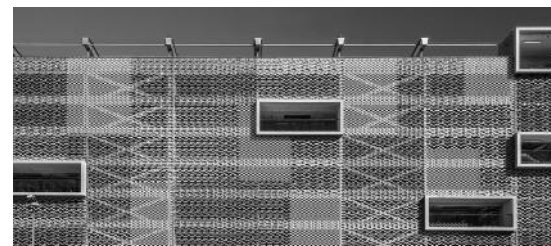
архитекторы:

Marc CHALAMANCH, Miquel LACASTA, Carmen SANTANA

общая площадь: 23 680 кв. м

реализация: 2015

фото: Adrià GOULA

ресторан в барселоне

РЕСТОРАН DISFRUTAR
ул. Вильяроель 163, Барселона

статус: поощрительная
премия TILE OF SPAIN

дизайн:
EL EQUIPO CREATIVO

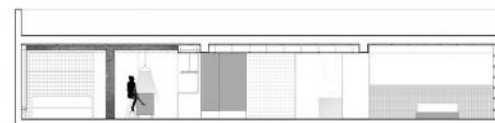
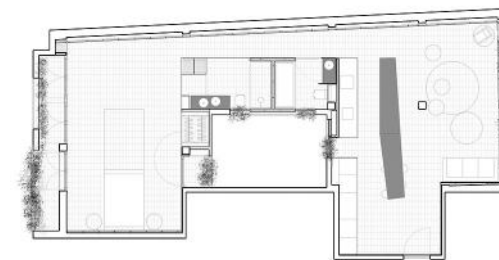
реализация: 2015
фото: Adrià GOULA

с аттическим акцентом

DOM L'ÀTIC VERNACLE
Валенсия

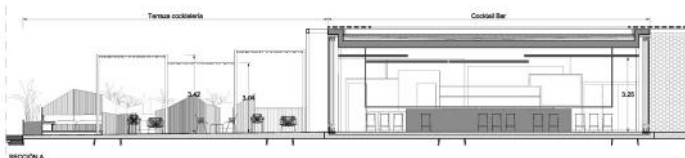
статус: поощрительная премия TILE OF SPAIN
проектировщик: EL FABRICANTE DE ESPHERAS
реализация: 2015
фото: Milena VILLALBA

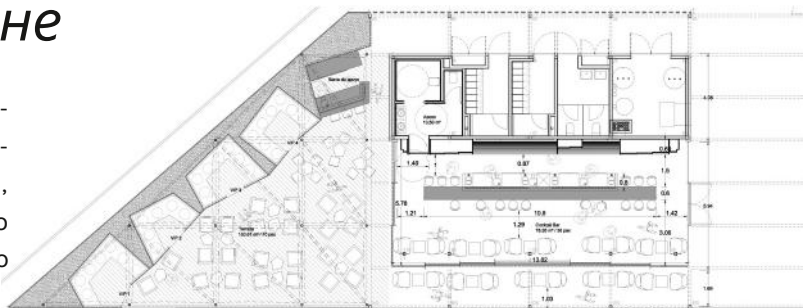
КОКТЕЙЛЬ-БАР BLUE WAVE
Порт Вель-Марина, Барселона

статус: премия TILE OF SPAIN
проектировщик:
EL EQUIPO CREATIVO
архитекторы:
Oliver Franz SCHMIDT,
Natali CANAS del POZO,
Lucas Echeveste LACY
проект и реализация: 2015
фото: Adrià GOULA

бар в барселоне

Испанские дизайнеры, проектируя бар с видом на марину, поступили в лучших традициях Гауди, устроив цветовую керамическую растяжку от глубоко синего до почти белого.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
УЧЕБНЫЙ ЗАЛ В ГАВИНА-СКУЛ
Пиканья, Валенсия

статус: премия TILE OF SPAIN

архитекторы:

Carmen Martínez GREGORI,

Carmel Gradolí MARTÍNEZ,

Arturo Sanz MARTÍNEZ

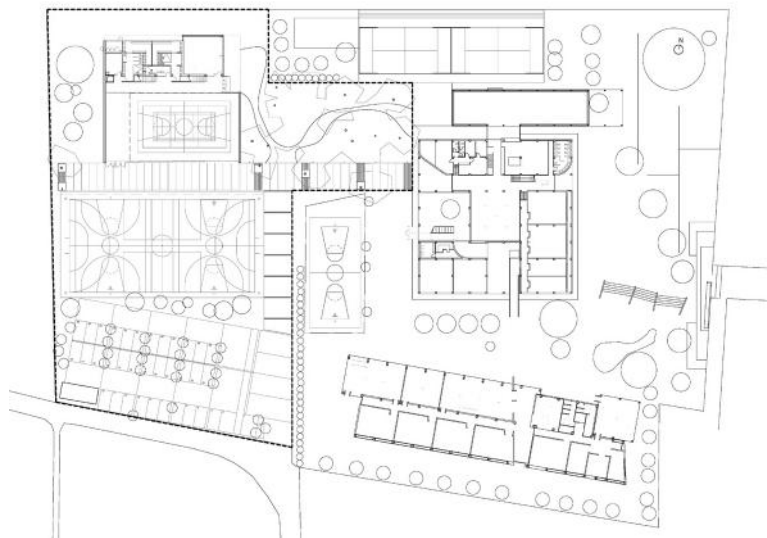
расширение школы: 2015

фото: Mariela APOLLONIO

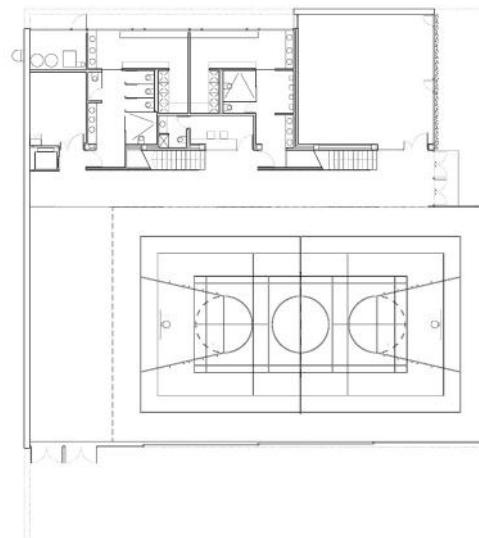

спортзал в валенсии

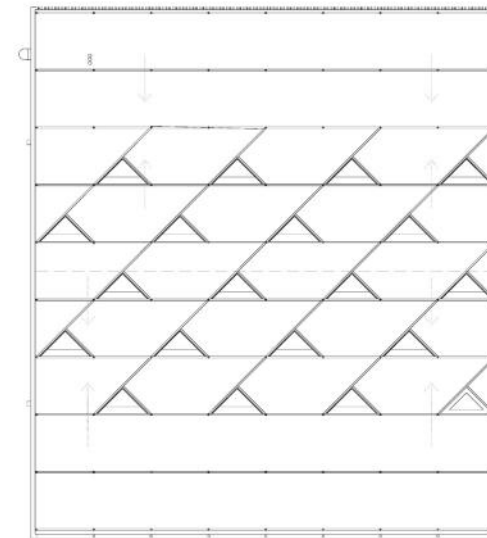
Южный фасад зала, сообщающийся непосредственно с дворовым пространством, защищен свето-прозрачной раздвижной решетчатой конструкцией, набранной из горизонтальных ламелей с квадратными керамическими вставками различного цвета.

Генплан школы

План учебного зала

План перекрытия со световыми фонарями

